

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС ЕКАТЕРИНБУРГ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

№ 4 (83)
2023

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Ценностные установки президентской власти:
дистрибутивно-семантический анализ

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Международные экономические санкции:
структура и сценарии реализации

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Делегирование родительских функций
в отпуске по уходу за ребёнком:
возможности трансформации

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Прозологическое поведение
и климатический менеджмент

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

2023 Т. 17, № 4 (83)

MANAGEMENT ISSUES

2023, vol. 17, no. 4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Балынская Наталья Ринатовна – Южно-Уральский институт искусств имени П.И. Чайковского (Челябинск, Россия)

Керимов Александр Алиевич – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ростовская Тамара Керимовна – Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия);

Руденкин Василий Николаевич – Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Скоробацкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Атанесян Артур – Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Кумар Правин – Индийский институт высшего образования и исследований (Ченнаи, Индия)

Сюлейманлы Эбульфез – Университет Ускюдар (Стамбул, Турция)

Тце Серене – Университет Нинбо – Объединенный институт Университета Анже (Нинбо, Китай)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4. Финансы (экономические науки)

5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛА РАЗМЕЩАЮТСЯ:

на официальном сайте; в научной электронной библиотеке eLibrary.ru; в открытой библиотеке CyberLeninka.ru; в ЭБС Лань; в библиотеке ЛитРес.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС: 66020

https://www.akc.ru/itm/voprosy_i-upravleniy_a/

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Natalia G. Chevtaeva – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Natalia R. Balynskaya – South Ural Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk, Russia)

Aleksandr A. Kerimov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Vasily N. Rudenkin – Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Artur Atanesyan – Erevan State University (Erevan, Armenia)

Praveen Kumar – Bharath Institute of Higher Education and Research (Chennai, India)

Ebulfez Süleymanlı – Uskudar University (Istanbul, Turkey)

Serene Tze – Ningbo University – University of Angers Joint Institute (Ningbo, China)

EXECUTIVE SECRETARY

Dmitry I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPА

The journal is included in the list of leading peer-reviewed academic journals, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science:

5.2.1. Economic theory (Economic Sciences)

5.2.3. Regional and sectoral economy (Economic Sciences)

5.2.4. Finance (Economic Sciences)

5.2.6. Management (Economic Sciences)

5.4.4. Social structure, social institutions and processes (Sociological Sciences)

5.4.7. Sociology of management (Sociological Sciences)

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-85748 dated August 25, 2023.

Журнал входит в перечень журналов, утвержденный ученым советом РАНХиГС, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по экономическим, социологическим и политическим наукам.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER and PUBLIC ADMINISTRATION

Старцев Я. Ю.

Ценностные установки президентской власти: дистрибутивно-семантический анализ 5

Startsev, Ya. Yu.

Value attitudes of presidential power: distributive-semantic analysis

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

Победин А. А., Федулов Д. В.

Международные экономические санкции: структура и сценарии реализации 20

Pobedin, A. A., & Fedulov, D. V.

International economic sanctions: structure and implementation scenarios

Козлова О. А., Ситковский А. М.

Методический подход к анализу социально-демографических факторов формирования опорного каркаса расселения 33

Kozlova, O. A., & Sitkovskiy, A. M.

Methodological approach to analyzing socio-demographic factors of developing the framework of settlement pattern

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

Нешатаев А. В., Бледнова Н. Д., Багирова А. П.

Делегирование родительских функций в отпуске по уходу за ребёнком: возможности трансформации 54

Neshataev, A. V., Blednova, N. D., & Bagirova, A. P.

Delegating parental responsibilities on parental leave: opportunities for transformation

Игнатьева И. Ф., Исаев Б. А., Воронцов А. В.

Социология туризма: становление и роль в управлении туристской сферой 68

Ignateva, I. F., Isaev, B. A., & Vorontsov, A. V.

Sociology of tourism: development and role in tourism sector management

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

CORPORATE MANAGEMENT

Ермолаева Ю. В.

Проэкологическое поведение и климатический менеджмент 81

Ermolaeva, Yu. V.

Proecological behavior and climate management

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER
and PUBLIC ADMINISTRATION

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ: ДИСТРИБУТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Я. Ю. Старцев^а

^а Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Ценностные установки государственной власти и должностных лиц играют существенную роль как в формировании государственной политики, так и в её легитимации. Цель статьи — проанализировать ценностные установки президентской власти в России в том виде, в каком они содержатся в публичных высказываниях Президента РФ.

Материалы и методы. Исследование опирается на корпус выступлений Президента РФ в период с 2000 по 2020 гг., опубликованных на официальном президентском сайте. На основании корпуса сформирована векторная дистрибутивно-семантическая модель, которая позволяет провести комплексный анализ различных аспектов президентского публичного дискурса, включая его ценностную структуру. Для этого разработан базовый ценностный тезаурус, охватывающий четыре группы ценностей: «народные», идеологические, христианские и конsumerистские. Каждый тезаурус расширен за счёт ближайших ассоциатов, выявленных общедоступными векторными моделями русскоязычных корпусов. Последующая кластеризация позволяет сформировать структуру ценностных представлений на основе частотности коллокаций ассоциатов первого, второго и третьего порядка. Применение тех же процедур к находящейся в открытом доступе векторной модели, основанной на Национальном корпусе русского языка, позволяет сравнить особенности президентского дискурса с общерусским ценностно-семантическим пространством.

Результаты. Проведённый анализ позволил выявить 13 ценностно-семантических кластеров, структурирующих президентский дискурс, формирующих консервативное милитаризованное и религиозно ориентированное ядро, в значительной степени фокусирующееся на антиценностях несчастий и угроз, и изолированные кластеры, связанные с прогрессистскими и модернизационными ценностями, а также ценностями сотрудничества — преимущественно в отношении зарубежных партнёров.

Обсуждение. Сравнение ценностно-семантической структуры президентского дискурса с данными модели, основанной на Национальном корпусе русского языка, позволяет сделать выводы о существенном сходстве и даже общности части ценностно-семантических кластеров (традиционализм, христианская религиозность, фокусирование на несчастьях и угрозах), а также и о заметных различиях, в первую очередь — в отношении эмоционального наполнения ценностей, содержательной глубины и ценностными дихотомиями ума/глупости и правды/лжи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: президентская власть, ценности, аксиология, президент Российской Федерации, дистрибутивная семантика, политические ценности, политический дискурс.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Старцев Я. Ю. Ценностные установки президентской власти: дистрибутивно-семантический анализ // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 4. С. 5-18. EDN JGHRAS. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-5-18.

© Я. Ю. Старцев, 2023

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

■ ВВЕДЕНИЕ

Ценностный анализ позиций, установок и действий органов государственной власти представляется исследовательской проблемой с устойчивой актуальностью. С одной стороны, именно ценностные основания придают действиям органов власти смысл, выходящий за рамки утилитарной результативности и связанный с терминальными ценностями [1]; с другой стороны, именно ценностное обоснование играет ключевую роль в легитимации деятельности органов государственной власти и должностных лиц [2]. В то же время применительно к политическим процессам в современной России эта проблематика приобретает дополнительные измерения. Правовое закрепление «традиционных ценностей»¹, вплоть до указания на ценностные основания государственной политики в Конституции РФ [3], даёт дополнительные основания для обновления и систематизации наших представлений о структуре ценностной системы российского общества, прежде всего, в контексте политической жизни и государственной политики.

В то же время большая часть исследований, посвящённых этой проблематике, либо опирается на некоторый априорный перечень ценностей, не уточняя эмпирические основания их выявления, либо ориентируется на единство ценностной системы, чаще всего также постулируемое априорно. На наш взгляд, анализ этой проблемы может существенно выиграть как от прояснения того, каковы источники концептуализации ценностей, так и от использования методологии количественного анализа, повышающей уровень доказательности и проверяемости основных выводов.

Ценности, определяющие государственную политику, в той или иной степени локализованы в рамках политической системы. В современной российской политической системе ключевыми полномочиями по формированию государственной политики обладает Президент РФ²; следовательно, именно анализ ценностных установок президентской власти представляется

наиболее интересным и эвристически перспективным. Использование методов векторного анализа для выявления ценностной структуры регулярно проводится на общезыковом материале в рамках лингвистических исследований [4], однако сравнительно редко становится инструментарием политологических изысканий.

Целью статьи является выявление ценностных установок российской президентской власти методами дистрибутивной семантики на основе корпуса публичных выступлений президентов РФ 2000–2020 гг. Такое выявление и последующая систематизация предполагают в качестве промежуточной задачи сопоставление структуры декларируемых президентских ценностей с устойчивыми характеристиками ценностной структуры российского общественного сознания, определяемых с помощью той же методологии, применённой к общезыковому корпусу.

■ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Классификация значимых человеческих ценностей представляет собой давнюю исследовательскую задачу; в большинстве случаев оказывается, что исследователи, скорее, склонны формировать классификационные модели *ad hoc*, чем выстраивать универсальный консенсусный подход к этой проблеме [5]. Наиболее распространённые подходы к формированию универсального списка ключевых ценностей, ориентированного на прикладные исследования, – будь то в рамках психологии³ или политологии [6], – эмпирически обоснованы, даже приобрели статус классических, но ориентированы преимущественно на ценности индивида. В контексте политологического исследования нам представляется необходимой разработка ценностного классификатора, который в большей степени учитывал как коллективный характер многих ценностей, так и их разнообразие, в т. ч. несводимое разнообразие, связанное с разными основаниями для классификации.

Первый методологический шаг, таким образом, заключался в разработке перечня ключевых ценностей, на основе которого можно было бы составить соответствующие им тезаурусы. Мы выделили четыре группы ценностей, которые могли бы претендовать на широкое распространение и в то же время обладают специфи-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022). Ст. 80.

³ Рокич М. Природа человеческих ценностей. Санкт-Петербург : Росноу, 2004. 276 с.

ческим вокабуляром: народные ценности, христианские ценности, идеологические ценности и ценности постмодерна.

По данным «Аксиологического фразеологического словаря русского языка», народные ценности представляют собой ключевые аксиологические установки и оценки, содержащиеся во фразеологии русского языка⁴. «Это витальные ценности и антиценности (аксиологемы *жизнь* и *смерть*; *здоровье* и *болезнь*); священная ценность и её антиценность (аксиологемы *родина* и *чужбина*); гедонистические ценности и антиценности (аксиологемы *счастье* и *несчастье*); социально-утилитарные ценности и антиценности (аксиологемы *труд* и *безработица/лень/отдых*); материально-утилитарные ценности и антиценности (аксиологемы *богатство* и *бедность*); интеллектуально-познавательные ценности и антиценности (аксиологемы *ум* и *глупость*); нравственно-этические ценности и антиценности (аксиологемы *правда* и *ложь*); эмоционально-утилитарные ценности и антиценности (аксиологемы *смех* и *плач*)» [7, с. 131]. Придерживаясь того же бинарного подхода «ценность/антиценность», мы дополнили этот перечень некоторыми семантическими парами, также широко представленными в русской фразеологии (*любовь/ненависть, победа/поражение*). Кроме того, каждый из элементов ценностных антиномий был представлен в разных частеречных формах для нейтрализации склонности некоторых векторных моделей подбирать при поиске преимущественно слова, относящиеся к одной части речи. Итоговый список на этом этапе содержал такие лексемы, как *счастье, счастливый, любовь, любить, богатство, богатый, богатеть* и т. д.

Христианские ценности в целях нашего анализа представляют собой простой перечень семи главных добродетелей (лат. *septem virtutes principales*) и семи главных («смертных») грехов (лат. *septem peccata capitalia*). Список был дополнен за счёт тех грехов и добродетелей, которые различны в православной и католической традициях, а также ценностей, содержащихся в десяти заповедях Моисеевых. Как и в случае с народными ценностями, соответствующие концепты были по возможности представлены в разных частеречных формах.

Идеологические ценности формировались на основе схемы идеологических антиномий Модерна, представленной в [8]: каждому элементу антиномических пар были сопоставлены ключевые ценности, идентифицирующие данную идеологическую позицию.

Наконец, сформированные таким образом внутренне связанные блоки ценностей были дополнены набором ценностей, которые большинство исследователей связывают с постмодерном [9] (в частности – с консюмеристскими установками [10]) и которые не тематизируются и не проблематизируются в должной мере в классических ценностных системах, будь то народно-фольклорная, христианская или идеологическая система. Речь идёт о таких ценностных категориях, как безопасность, комфорт, приятность, (индивидуальное) саморазвитие, доступность, выбор, удобство и их антитезах. Итогом этого этапа стали четыре списка лексем, маркирующих соответствующие им ценности, 12–20 лексем в каждом.

Каждый из четырёх базовых тезаурусов был затем пропущен через дистрибутивно-семантические модели с целью поиска наиболее близких по значению ассоциатов (для поиска использовался программный пакет *Gensim* [11], порог контекстной близости значений для всех списков 0,6). Результатом стали расширенные тезаурусы, учитывающие разнообразие словоупотребления и обогатившие базовые тезаурусы синонимами, антонимами и контекстными ассоциатами, отражающими современные дискурсивные практики.

Для формирования базовой (референтной) семантической модели ценностей использовались шесть дистрибутивно-семантических моделей современного русского словоупотребления, представленные в рамках проекта *RusVectōrēs* [12] и основанные, соответственно, на Национальном корпусе русского языка⁵ (далее – НКРЯ), корпусе «Тайга»⁶, объединении НКРЯ и русскоязычной Википедии. Использованные модели различаются как составом исходных корпусов («Тайга» и НКРЯ в значительной степени литературоцентричны, в НКРЯ присутствуют тексты XIX–XX вв., а привлечение мате-

⁵ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

⁶ Shavrina, T., & Shapovalova, O. (2017). To the methodology of corpus construction for machine learning: “Taiga” syntax tree corpus and parser. In *Corpora2017*.

⁴ Байрамова Л. К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка : словарь ценностей и антиценностей. Казань : Центр инновационных технологий, 2011. 359 с.

риалов из Википедии сдвигает содержание корпуса в сторону энциклопедичности), так и алгоритмами создания моделей (алгоритмы *Continuous Bag-of-Words* либо *Continuous Skipgram* с различными настройками для разных моделей)⁷. Сочетание моделей, основанных на разных корпусах, должно дать максимальный охват современного русского ценностно-семантического пространства. Итогом этого шага стали четыре расширенных ценностных тезауруса, насчитывающих до полутора сотен лексем каждый и основанных на русскоязычных корпусах, послуживших эмпирическим материалом для моделей *RusVectōrēs*.

Следующий этап исследования предполагал анализ распределения ассоциатов к лексемам из тематических ценностных тезаурусов в публичном дискурсе Президента РФ. С этой целью нами был сформирован корпус публичных высказываний Президента РФ в период с 2000 по 2020 гг. (выступления на мероприятиях, официальные заявления, статьи в прессе, послания к Федеральному собранию и т. д. – всего более 45 млн словоупотреблений)⁸. На этом материале с помощью программного пакета *Gensim* нами была построена векторная модель президентского дискурса ($m = 10$, $x = 100$, $w = 15$, *Continuous Skipgram*, словарь 49 918). Модель была выбрана из множества экспериментально сгенерированных моделей на основе стандартных тестов *RuLex* и *ru_simlex965*.

Все тезаурусы были последовательно пропущены через векторную модель корпуса президентских выступлений с целью поиска наиболее близких ассоциатов и связей между ними. Используя глубину погружения в ассоциативные цепочки — 3, т. е., на каждый найденный ассоциат искались ассоциаты к нему, затем к найденным применялась та же процедура. Для ограничения перечня найденных лексем лишь наиболее значимыми во всех случаях использовался двойной фильтр: во-первых, учитывались только ассоциаты, имеющие косинусный показатель близости не менее 0.6⁹, во-вторых,

учитывались лишь лексемы, входящие в первую треть выстроенного по частотности вокабуляра векторной модели, т. е. относящиеся к самой частотной трети всего её словарного запаса. Поскольку сформированные таким образом цепочки ассоциатов образовали слишком масштабный для качественной интерпретации граф (более тысячи узлов), получившиеся семантические кластеры были сжаты с использованием ещё одного дополнительного фильтра: учитывались лишь ассоциаты, имеющие в рамках графа не менее пяти связей с другими элементами либо встречающиеся в ассоциативных цепочках не менее пяти раз. Этот фильтр позволил отсеять некоторые шумы (например, имена собственные); на этом же этапе была проведена ручная фильтрация, отсеявшая втянутые по ассоциативной цепочке специальные термины («муниципальное образование»), коллоквиальные обороты («рад приветствовать») и прошедшие предыдущие фильтры служебные части речи. Кластеризация проводилась средствами *Graphviz* [13]. Результатом этого шага стал набор графов, характеризующих ценностную структуру президентского дискурса: лексем-маркеры были распределены по соответствующим контекстам их упоминания кластерам, с учётом коллокационной близости.

Вместе с тем характеристика единичного феномена, каким здесь предстаёт президентский дискурс, малоинформативна если не сопровождается сравнением. Возможности диахронического анализа выступлений Президента РФ за разные годы, подобно проводившимся нами ранее исследованиям логики посланий Федеральному собранию [14], затруднены несколькими соображениями. Во-первых, объём соответствующих текстовых корпусов слишком велик для того, чтобы обеспечить единство методологии: достоверные векторные модели требуют корпусов значительно большего размера, чем совокупность выступлений Президента РФ за любой произвольно взятый год¹⁰. Во-вторых, сравнения внутри монологического корпуса не дают оснований для ответа на вопрос о том, как президентская ценностная система соотносится с ценностями общества в целом либо каких-то его частей, а этот вопрос пред-

⁷ *RusVectōrēs*: семантические модели для русского языка. URL: <https://rusvectors.org>.

⁸ На основании транскриптов выступлений и полнотекстовых публикаций, представленных на официальном сайте Президента России (<http://kremlin.ru>).

⁹ Для сравнения: в рамках той же модели строки «президент» и «глава государства» имеют показатель близости 0,77, лексемы «мама» и «мать» – 0,75, строки «Россия» и «Российская Федерация» – 0,73.

¹⁰ Shavrina, T. (2018). Differential approach to web-corpus construction. In *Komp'juternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*. <https://elibrary.ru/ybgvkv>.

Таблица 1 — Модели, использованные для анализа ценностных вариаций
Table 1 — Models used to analyze value variations

Корпус	Структура	Даты (охватываемый период)	Объём (кол-во словоупотреблений)	Модель	Авторство модели	Дата создания модели
НКРЯ	46% – художественная литература, 54% – периодика, мемуары, устная речь, документы	55 % XX в., 20 % XIX в., 23 % XXI в.	≈ 250 млн	m10x300w10, Continuous Skipgram, словарь 184 973	RusVectōrēs (ВШЭ и Университет Осло)	2017
Президентский корпус	Публичные выступления Президента РФ (транскрипты)	2000–2020	≈ 45 млн	m10x100w15, Continuous Skipgram, словарь 49 918	Я. Ю. Старцев	2020

ставляется принципиальным с точки зрения позиционирования президентского дискурса в современном информационном и ценностном пространстве. Наконец, относительная новизна используемого подхода требует прояснения того, в какой мере выявленная структура ценностей определена спецификой объекта исследования, а в какой связана с особенностями методологии.

Для такого сравнения необходим как минимум один референтный корпус, который можно было бы использовать в качестве точки отсчёта, поскольку сопоставление президентского дискурса с любым произвольно взятым текстовым массивом мало поможет в его позиционировании: нам необходимо либо начало координат, либо большое количество корпусов, позволяющих выстроить систему координат. Исходя из этих соображений в качестве референтной использована модель, разработанная в рамках проекта *RusVectōrēs* и основанная на Национальном корпусе русского языка (*ruscorpora_upos_skipgram_300_10_2017*)¹¹, как наиболее сбалансированная с точки зрения состава исходного корпуса и отражающая устойчивые пласты языка и ценностные предпочтения.

Словарный список модели, основанной на НКРЯ, включает 184 973 вхождений, тогда как в модели президентского дискурса их всего 49 918. Такое различие естественным образом предполагает, что ценностно-семантическая карта НКРЯ будет более обширной и разнообразной, чем в случае с корпусом президентских выступлений, в частности, потому что частотный фильтр в первом случае будет учитывать около 60 000 лемм, а во втором – только около 16 000. Следовательно, сравнение масштаба и степени разнообразия

результатов представляется малоосмысленным. Напротив, если мы рассматриваем президентский дискурс как своеобразную выборку из общерусского ценностно-семантического пространства, структура и направленность этой выборки представляет самостоятельный интерес и может быть изучена с использованием предложенных методов. Результатом этого шага стала ценностно-семантическая модель российского общественного сознания в том виде, в котором оно представлено в НКРЯ.

Основные характеристики использованных векторных моделей представлены в таблице 1.

■ ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Результатом проведённых операций стала семантическая карта президентского дискурса, отражающая, на наш взгляд, его ценностную структуру. Отображение разработанных на первом этапе расширенных ценностных тезаурусов на семантическое пространство президентского дискурса формирует 13 связанных друг с другом крупных ценностных кластеров и некоторое количество более мелких. Каждый кластер формируется перекрёстно связанными ассоциатами, относящимися к одному или нескольким ценностным тезаурусам либо являющимися ассоциатами первого или второго порядка по отношению к элементам этих тезаурусов (рис. 1).

Первый кластер (№ 1 на рисунке 1) организован вокруг таких ценностей, как *мужество, доблесть, стойкость, профессионализм, сила духа*, и отражает традиционную милитаризованную трактовку социально одобряемых установок и поведенческих качеств, преимущественно маскулинных. В этом же кластере оказываются связанные с остальными элементами через уважение и ценности религиозные когнаты: *религия, церковь, духовный, патриарх* и т. д.

¹¹ https://rusvectors.org/static/models/ruscorpora_upos_skipgram_300_10_2017.bin.gz

Кластер 1 тесно связан с соседними: *доблесть, мужество* и *героизм* сцепляют его с историко-патриотическим кластером 2 (*подвиг, Родина, Великая Победа, советский народ, гордость, вера, традиция* и т. д.). Через *ценности* и *духовность* традиционно-мужской кластер 1 связан с историко-культурным кластером 5 (*идентичность, культура, Пушкин, Достоевский, музыка, русский* и пр.), а через *религиозность* и *дух* – с кластером угроз 9 (*терроризм, ксенофобия, нетерпимость, противоракетная оборона, американские партнёры* и т. д.). Наконец, через небольшой промежуточный кластер, сближающий *братство с дружбой* и *добрососедством*, кластер 1 соединяется с внешнеполитическим и внешнеэкономическим кластером 6 (*взаимное доверие, сотрудничество, совместная работа, взаимопонимание, деловые связи* и пр.).

В свою очередь историко-патриотический кластер связан многими отношениями с позитивно-оценочным кластером 4 (*нравится, замечательный, великолепный, здорово* и пр.) и с особым кластером 12, объединяющим реалии Второй мировой войны (*нацизм, фашизм, мировая война*), а через понятия *жертва* и *событие* – с кластером катастроф 3 (*катастрофа, трагедия, трагическое событие* и пр.). Связь между остальными кластерами слабее (меньше общих ассоциатов), так что мы можем говорить о своеобразном ценностном ядре, ограниченном названными семантическими блоками. Тем не менее через образовательную тематику историко-культурный кластер связан с семейно-здравоохранительным (№ 7), где такие категории, как *семья, мама, родители, дети*, переходят посредством *подростков* и *школьников* к тематике наркомании, а далее – к перечню содержащихся в том же семантическом блоке заболеваний, от *рака* до *COVID*. Семантическая цепочка *люди – жизнь* также связывает этот кластер с традиционно-мужским кластером 1.

Остальные крупные кластеры изолированы от ядра, т. е. связанные с ними списки ассоциатов не пересекаются ни с семантическими блоками ядра, ни друг с другом. Это политико-электоральный кластер 8 (*демократия, выборы, партии* и т. д.), полицейский кластер 10 (*убийство, расследование, уголовное дело, преступление, приговор* и т. д.), инновационно-технологический кластер 11 (*инновации, новые технологии, разработка, проект, концепция* и пр.) и спор-

тивный кластер 13 (*спорт, соревнования, здоровый образ жизни, олимпийские игры* и пр.). Из мелких кластеров, содержащих небольшое количество ассоциатов (на рисунке не пронумерованы), можно отметить два, относящихся к экономике, но не связанных друг с другом (*работа – прибыль – зарплата, и темпы роста – хорошие показатели*).

На наш взгляд, выявленные таким образом семантические блоки характеризуют именно ценностные установки, а не предметно-тематические области, которые в президентском дискурсе, конечно, гораздо более разнообразны. Во-первых, это отчасти обеспечивается использованной методикой: каждый элемент семантической карты является близким ассоциатом какой-либо ценностной категории из расширенных тезаурусов ценностей. Во-вторых, качественная интерпретация содержания всех кластеров позволяет увидеть, что каждый элемент или явно содержит в себе оценочное суждение (*трагедия, героизм, гордость*), либо непосредственно связан с какой-либо ценностью или антиценностью из стартовых списков (*здоровье, доход, преступление* и т. д.).

Промежуточные выводы на данном этапе исследования очевидны. Речь идёт о системе ценностей с преимущественно консервативным ядром, ориентированным на героизацию прошлого и характерных для него установок и достижений с заметной долей религиозности. Это совпадает и с наблюдениями многих других исследователей [15]. В ней почти не представлены материальные и гедонистические ценности, но существенное место занимают угрозы, несчастья и болезни, разумеется, как антиценности, однако существенные для проецируемой президентским дискурсом картины мира в целом. Ядро характеризуется значительной монологичностью и унитарностью: оно ориентировано на ценности объединяющего или унифицирующего характера (*патриотизм, дружба, священный, духовный* и пр.), тогда как взаимодействие, учитывающее различия, делегировано во внешний мир, будь то конфликт (*враг, борьба*) или сотрудничество (*партнёры, совместная работа*). В значительной степени такая тематизация может быть объяснена спецификой президентских полномочий, однако наличие заметных ценностных кластеров, затрагивающих инновационные разработки, уголовные

преследования и спортивную жизнь, не являющихся специфично президентскими, показывает, что, если такой фактор и присутствует, он не является ни единственным, ни решающим. Ценности проспективного характера, будь то *инновации*, *близкое будущее*, *темпы роста* или *демократия*, не связаны с ядром или друг с другом устойчивыми ассоциатами и, с этой точки зрения, не интегрированы в базовую ценностную систему.

Обработка модели, основанной на НКРЯ, с помощью тех же тезауросов и ограничений, что и в отношении президентского дискурса, позволяет построить карту, отражающую структуру русского ценностно-семантического пространства в том виде, в каком оно представлено в НКРЯ (рисунок 2). Как и в случае с президентской моделью, мы произвольно пронумеровали наиболее крупные кластеры для простоты и наглядности сравнительного анализа.

Прежде всего, сравнение показывает наличие сходных семантических кластеров: кластер *му-*

жество – благородство (№ 2 на семантической карте НКРЯ), в значительной степени соответствует кластеру № 1 президентского дискурса, кластер *горе – беда* (№ 3 в НКРЯ), соответствует № 3 (катастрофы) у Президента РФ, религиозный кластер (№ 1 в НКРЯ), в значительной степени соответствует традиционалистскому кластеру № 1 в президентском дискурсе, кластер *болезней* (№ 9 в НКРЯ, № 7 у Президента РФ) и кластер *преступлений* (№ 11 в НКРЯ, № 10 в президентском корпусе). Как и в случае с моделью, основанной на президентских выступлениях, в модели НКРЯ существует семантическое ядро, состоящее из тесно связанных кластеров 1–8 и 12: религиозно-философские ассоциаты (1), личные качества (2), эмоциональные состояния и их проявления (3–8, 12).

Различия, однако, гораздо более существенны. Ценностно-семантическое ядро, выявленное в модели НКРЯ, представляет собой лексемы, преимущественно отсылающие к эмоцио-

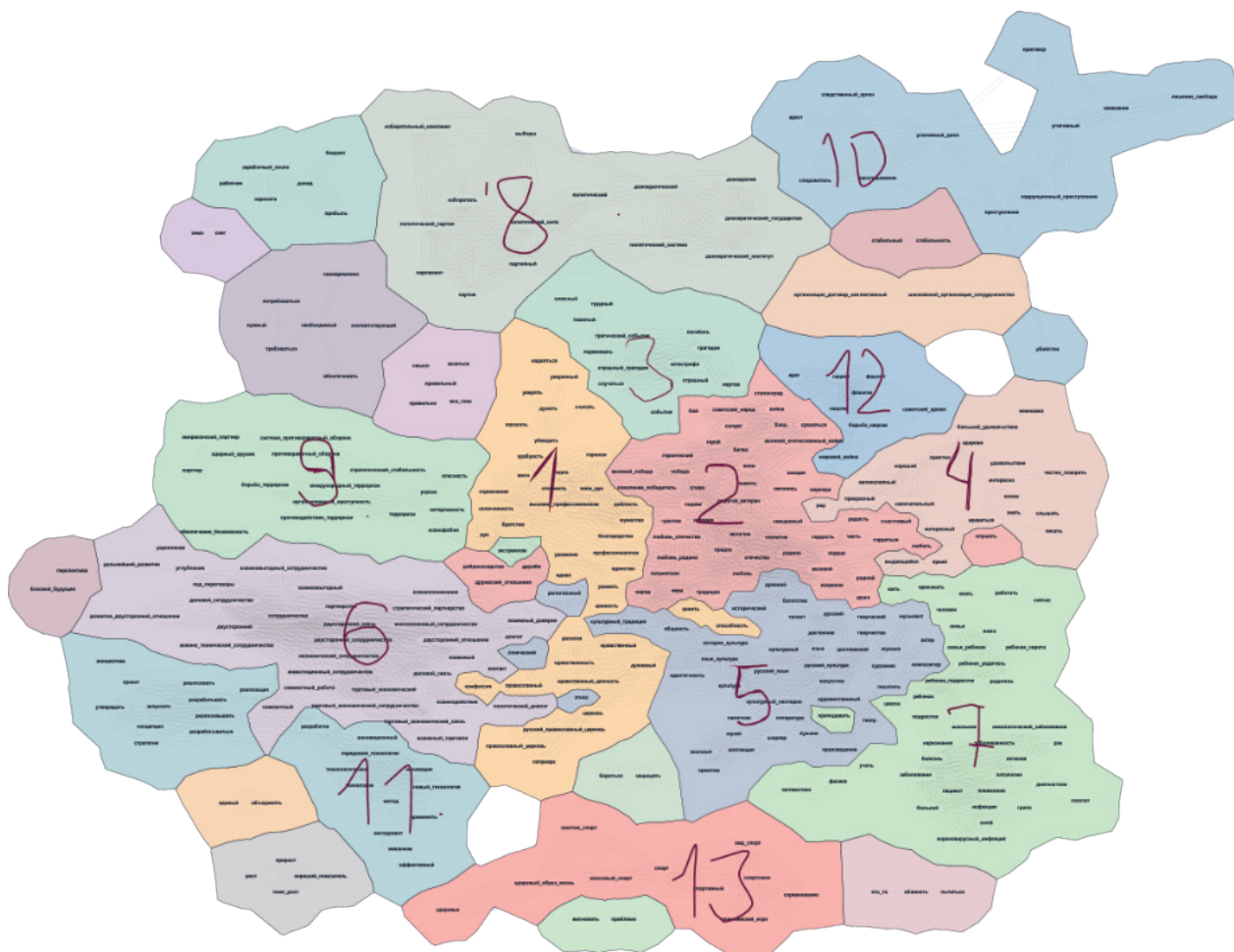

Рис. 1. Ценностно-семантическая карта президентского дискурса
 Fig. 1. Value-semantic map of presidential discourse

нальным состояниям (*ярость, ужас, смех, скорбь, изумление* и пр.). Напротив, в президентском корпусе эмоциональные состояния почти не представлены. Вероятно, здесь можно говорить о своего рода институциональном сдвиге: ввиду тематики и контекста президентских выступлений, ассоциатами к тем или иным ценностям выступают не индивидуальные человеческие реакции, а социальные абстракции, несущие часто ту же ценностную нагрузку. Можно сравнить, например, пары *ужас – трагедия, страх – угроза, ненависть – ксенофобия, смеяться – радоваться* (первые элементы пар – из НКРЯ, вторые – из президентского корпуса). С этим же институциональным настроением можно связать наличие в дискурсе Президента РФ ценностно окрашенных упоминаний о собственно социальных институтах, событиях либо процессах (*терроризм, международное сотрудничество, русская культура, великая отечественная вой-*

на и пр.), отсутствующих в самых частотных ассоциатах из НКРЯ.

Однако семантический сдвиг, формируемый президентским дискурсом по отношению к модели НКРЯ, не ограничивается институциональной окраской высказываний. Мы проанализировали списки ассоциатов к одним и тем же лексическим маркерам, отражающим различные ценности, по нескольким параметрам: а) максимальная преэмптентность (ассоциаты к данной лексеме, присутствующие и в НКРЯ, и в президентском дискурсе)¹², б) максимальный разрыв с сохранением общих оснований (различия в ассоциатах к одной и той же лексеме в разных моделях, т. е. смена интерпретации или, шире, смена значения ценностного маркера)¹³, в) разрыв преэмптентности (ценности, представленные через

¹² Не менее двух совпадений в каждом случае.

¹³ Учитывались лишь случаи, когда между ассоциатами к одному и тому же маркеру в разных моделях нет ни одного совпадения.

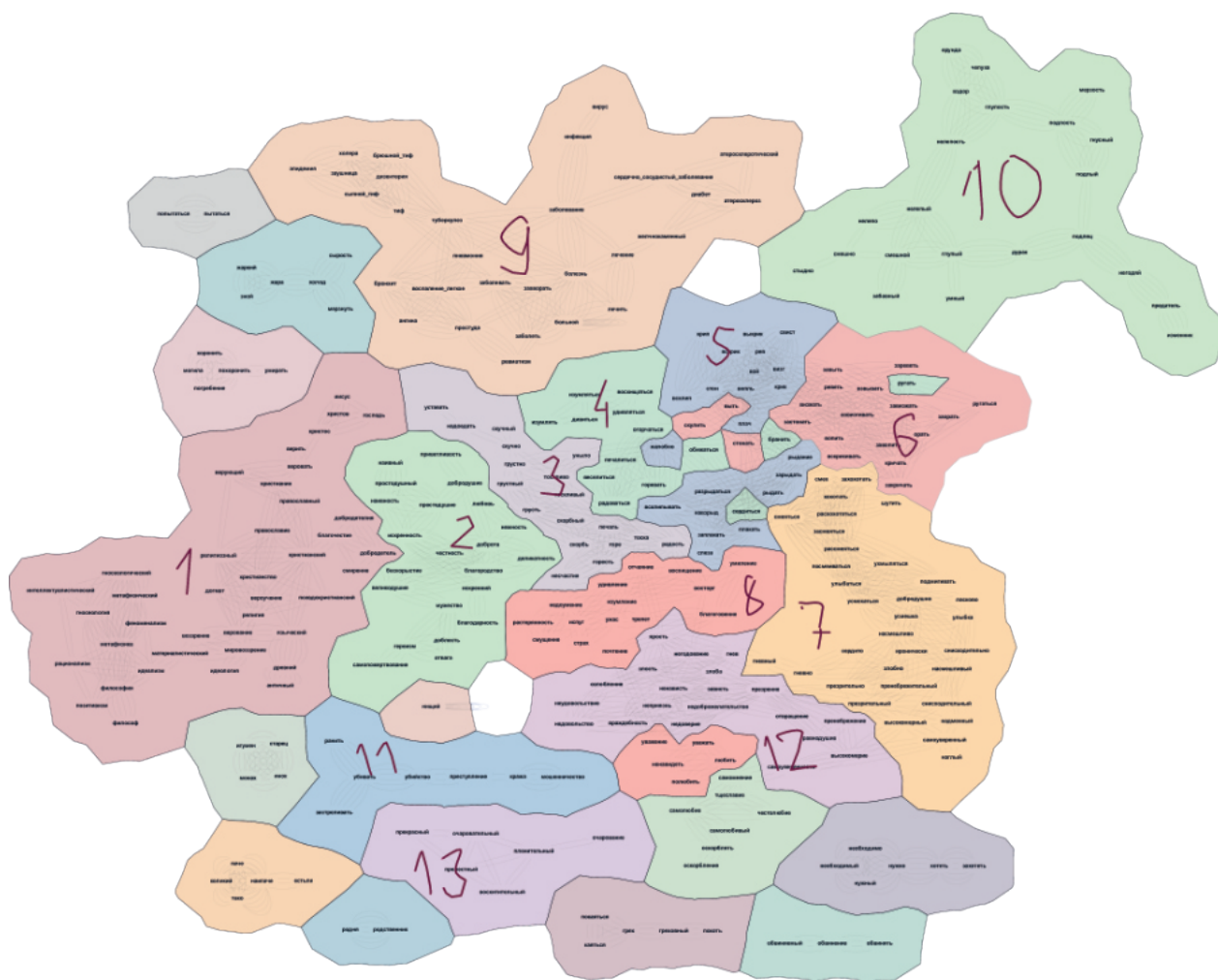

Рис. 2. Ценностно-семантическая карта Национального корпуса русского языка
Fig. 2. Value-semantic map of the National Corpus of the Russian Language

лексические маркеры, и ассоциаты к ним из стартовых тезаурусов в одной модели, но отсутствующие в другой или не прошедшие частотный фильтр).

Пословный анализ ценностно-семантической преемственности, в целом, подтверждает выводы предыдущего этапа исследования: лексика Президента сохраняет присутствующие в русском семантическом пространстве устойчивые ассоциации, затрагивающие смерть и болезни, христианство (преимущественно православие, но без детализации христианских ценностей) и героике. В меньшей степени (меньшее количество ассоциатов и синонимов) представлены такие ценности, как *стабильность, уважение, родина, счастье и радость, прибыль*.

Семантические сдвиги при сохранении общих лексических маркеров оказываются несколько более информативными. Во-первых, некоторые ценностные категории существенно меняют свой смысл: *благородство* из общечеловеческого проявления доброты (НКРЯ) трансформируется в президентском дискурсе в военную доблесть, а *гордость* из осуждаемого качества, родственного хвастовству и зависти (НКРЯ), превращается в положительную ценность. Во-вторых, многие ценности обретают в президентском дискурсе приземлённый и прагматический характер: из всего возможного многообразия ассоциатов к *методологии* в президентском дискурсе устойчива лишь *методика, теоретическое* сводится к *прикладному*, а *почитание* – к дани уважения ветеранам Великой Отечественной войны. К этой же группе можно добавить сдвиг временной границы, определяющей *древность*: если для русского семантического пространства, в целом, этот термин отсылает к античности и Древнему Востоку, то в президентском дискурсе прагматизированно приближенная древность ограничивается русским средневековьем или XVIII веком. В целом, президентский дискурс более прагматичен и операционален. В-третьих, многие ценностные лексические маркеры имеют в президентской речи гораздо более дифференцированные и детализированные ассоциации, чем в НКРЯ: это касается планирования, уже упоминавшейся военной гордости и традиции, которая из нейтрального явления становится, безусловно, положительным. Такое разнообразие ассоциатов, разумеется, говорит о большем значении соот-

ветствующих тем в президентском корпусе, чем в русском ценностно-семантическом пространстве в целом.

Лексемы, относящиеся к последней группе, – слова-маркеры, присутствующие или в модели президентского дискурса, или в НКРЯ, но не в обеих моделях одновременно (с учётом частотного порога), – дают ещё более богатый материал для сопоставлений. Прежде всего, необходимо учитывать, что большее лексическое разнообразие и больший объём НКРЯ неизбежно порождают многочисленные синонимы, которые отражают богатство русской литературной и повседневной речи, но отсутствуют в президентских высказываниях. Те из них, которые встраиваются в указанные выше паттерны (ценностно-семантическая преемственность, совпадение семантических кластеров), вряд ли заслуживают специального внимания как в силу малой информативности, так и из-за невозможности в рамках используемой методологии обоснованно различить принципиальные ценностные коннотации и простое расширение/сужение тезауруса, связанное с разным объёмом корпусов и жанрово-стилистическими особенностями.

Вместе с тем значительная часть несовпадающих маркеров формирует вполне обособленные ценностно-семантические кластеры, выявляемые, в данном случае, уже средствами качественного анализа: мы учитывали не только лексемы, попавшие в итоговые таблицы, но и их возможные близкие синонимы. Во-первых, это христианские ценности и антиценности как таковые, широко представленные в НКРЯ, но отсутствующие в модели президентских высказываний: *корысть* и *нестыжательство* (*корыстный, корысть, алчность, бескорыстие, жадно, жадность, жадный, корыстолюбие, скупость, скаредность, сребролюбие, щедрость, богато, богач, небогатый, скупость*), *правда* и *ложь* (*истина, недоверие, подлог, вероломство, вранье, врать, измена, изменник, истинность, лживый, лицемерный, ложность, наврать, неправда, неправильность, обман, обманщик, обманывать, правдиво, правдивость, правдивый, предатель, предательство, присяга, притворство, прямота, соврать, солгать, фальшивый, фальшь*), однако в модели президентского дискурса присутствует частотный маркер *истинный*), *уныние* и *рвение* (*апатия, безразличие, вялость, возмущение, грусть, депрессия, лень, мелан-*

холия, нерадение, отчаяние, пессимизм, печаль, равнодушие, рвение, ревностия, ревностный, скука, тоска, уныние, усердие, усердный, грустить, одерживать, одолевать), похоть и воздержание (блуд, ветреность, воздержание, непорочность, плотский, похоть, прелюбодеяние, разврат, распутство, сластолюбие, стыд, стыдливость, целомудренный, целомудрие, бесстыдный), гнев и смирение (аскетизм, бешенство, высокомерие, гнев, гневный, гордыня, кротость, озлобление, покаяние, покорность, раздражение, сдержанность, смирение, смиренномудрие, смиренный, ярость, сердиться, раздражать, однако в президентской модели присутствует терпение). Кроме того, в семантической модели президентских высказываний отсутствуют маркеры и ассоциаты, связанные с грехом, греховностью, воздаянием, покаянием, спасением. На данном этапе это даёт основания говорить, что христианский уклон в президентском дискурсе является довольно поверхностным: регулярные отсылки к христианству вообще, к православию в частности и к религиозной вере в целом не сопровождаются ни статистически значимым упоминанием ключевых для данной конфессии ценностей, ни их ассоциированием с важными для главы государства темами и ценностными маркерами.

Во-вторых, в модели президентского дискурса отсутствует значимое отражение одной из «народных» ценностных антиномий, широко представленной в НКРЯ: ум и глупость (*благоразумие, благоразумный, невежество, невнимание, непонимание, болван, глупец, глупо, глупость, глупый, дура, дурак, дурацкий, дурачиться, дурачок, дурень, душевнобольной, идиот, идиотский, кретин, мудрец, неглупый, начитанный, нелепость, нелепый, неумный, образованный, придурок, разум, рассудок, смыслённый*). Это различие лишь в очень небольшой степени сглаживается присутствием в президентской модели достаточно нейтрального знания.

Ещё одно заметное зияние, характерное для президентского дискурса, – отсутствие когнатов, связанных с тем, что можно обозначить как *самость* (в НКРЯ это такие лексемы, как *самоопределение, самоорганизация, самостоятельность, обособление, обособленность, самодовольство, самолюбие, самомнение, самоотверженность, самоотречение, себялюбие, самонадеянность, самонадеянный, самоорганизация,*

самопознание). Это достаточно разнородные ассоциаты, связанные либо с христианскими антиценностями (*себялюбие*), либо с ценностью автономизма и самостоятельности из идеологического тезауруса. В президентской модели к этому семантическому кластеру примыкает разве что *самореализация* и по формальному признаку общего корня клишированная формула *местное самоуправление*.

В свою очередь в президентской ценностно-семантической сфере формируется вполне целостный и внутренне связанный смысловой кластер, совершенно не представленный в НКРЯ: это взаимодействие, учитывающее различия (*взаимопонимание, взаимоуважение, совместный* – модель НКРЯ содержит лишь отчасти связанную с этим блоком лексику *компромиссный*). Выше мы уже отмечали, что всё это взаимодействие делегировано Президентом во внешнеполитическую сферу: устойчивые ассоциаты связывают её исключительно с зарубежными партнёрами, другими странами и международными организациями; в отношении внутренней политики эти когнаты не используются. Столь же заметным оказывается отсутствие в модели НКРЯ таких лексических маркеров и ассоциатов к ним, как *воля, свобода, справедливость*, тогда как в президентской модели они присутствуют вполне уверенно. Все эти лексемы связаны с идеологическим тезаурусом, отражая соответственно индивидуалистические и умеренно-коллективистские ценности.

Напротив, в отношении унитарных ценностей (*единный, общий* – президентская модель; *нераздельный, совокупность, целостный, цельность* – НКРЯ) наблюдается значительное синонимическое сходство, несмотря на отсутствие буквальных совпадений. Точно такая же синонимия позволяет говорить о равной или сопоставимой представленности в обеих моделях значительной части «народных» ценностей (см. выше), консервативных ценностей (*традиция* и ассоциаты) и постмодернистских/консюмеристских ценностей (*безопасность, доступность, надёжный, обеспеченность, самореализация, удобно, досуг* – в президентской модели; *осмотрительность, безопасно, комфорт, неудобный, неудобство, удобство, уют, уютно, уютный* – в модели НКРЯ). Существенно, что в президентской модели ассоциатом к традиционалистским ценностям регулярно выступает

этноним русский – обособленно либо в составе устойчивых выражений (*русская культура, русский язык* и др.); в модели НКРЯ эта лексема не преодолевает частотного порога. Иными словами, для общезыковой модели традиционность не является типично и преимущественно русской чертой, а для президентского дискурса является. *Русский* – не единственный этноним, встречающийся в президентском дискурсе: кроме него в сходном контексте упоминается советский, и с высокой частотностью американский, тогда как в модели НКРЯ ценностно нагруженные этнонимы на анализируемом уровне не представлены вовсе.

■ ВЫВОДЫ

Ядро ценностной системы, транслируемой президентским дискурсом, может быть охарактеризовано как религиозно ориентированный, маскулинный, милитаризованный консерватизм. Присутствующие там же ценностные маркеры, относящиеся к экономическому развитию, технологиям, политическим институтам, не связаны с ядром и присутствуют, скорее, в качестве изолированных фрагментов. К этому ядру примыкает ряд когнатов, концентрирующихся на антиценностях *бедствий* и *невзгод*, которые дополняют общую ценностную картину мира. В то же время президентская власть остаётся «единственным европейцем», с точки зрения внимания к развитию, технологиям и прогрессу [16]: в общерусском семантическом пространстве эти ценности не играют существенной роли, как и важные для президентской власти спорт и здоровый образ жизни. То же самое касается отношений с внешним миром: для него у пре-

зидентской власти заготовлены взаимопонимание и сотрудничество, несущественные для русской языковой картины мира в целом, так же, как и сверхважное ценностное отграничение *русского* и *советского* от остального мира. Президентский дискурс гораздо менее эмоционален, но более формализован и институционализирован, чем массовое сознание, что вполне ожидаемо. Если рассматривать президентский дискурс как своего рода выборку из общероссийских ценностных установок, то она явно смещена в сторону институционального действия. В то же время целый ряд ценностей, значимых в русском ценностно-семантическом пространстве, в ценностных установках президентской власти отсутствует: это дихотомии ума и глупости, правды и лжи, самостоятельности и обособленности отдельных людей или групп.

Однако сравнение ценностных установок президентской власти и общекультурной ценностной модели русского общества даёт основания для их сближения: это тот якорь, который удерживает их рядом. Прежде всего, речь идёт об общем для обеих систем религиозно окрашенном традиционализме (притом что в президентском дискурсе традиционализм почти сводится к военному героизму, а религиозность игнорирует ключевые христианские ценности). Затем эта общая для обеих систем сфокусированность на несчастиях, катастрофах и связанных с ними угрозах. С этой точки зрения, можно говорить о том, что президентская власть позиционирует себя как модернизационный милитаризованный (но и договороспособный) инструмент, опирающийся на страхи традиционалистского общества. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Журавлева Н. А. Психология социальных изменений: ценностный подход : монография. Москва : Институт психологии РАН, 2013. 524 с. EDN SJNRRP.
2. Галицкая К. А. Политика национальной памяти как технология легитимации власти // *Дискурс-Пи*. 2021. Т. 18, № 1 (42). С. 48–61. DOI 10.24412/1817-9568-2021-1-48-61. EDN ZDOZJJ.
3. Масленникова С. В., Матвеева М. В. Традиционные семейные ценности: конституционно-правовая интерпретация // *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 12. С. 23–29. DOI 10.18572/1812-3767-2020-12-23-29. EDN SSDDGL.
4. Ковозева И. М., Шарнин М. М., Сомин Н. В., Тищенко А. С., Маслак А. А. Понятия добра и зла в рамках нейросетевого подхода // *Русский лингвистический бюллетень*. 2022. № 8 (36). DOI 10.18454/RULB.2022.36.6. EDN GRNLKG.
5. Синицына А. О. Проблема определения и классификации ценностей: отечественный и зарубежный опыт // *Педагогическое образование и наука*. 2017. № 3. С. 100–105. EDN ZKATWX.
6. Inglehart, R., & Welzel, C. (2001). *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. Cam-

bridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511790881>.

7. БАЙРАМОВА А. К. Отражение во фразеологическом словаре ценностей и антиценностей // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2009. № 4 (26). С. 136–140. EDN JZFFMI.

8. МАРТЪЯНОВ В. С., ВАХРУШЕВА Е. А., КИСЕЛЕВ К. В., ИЛЬЧЕНКО М. С., ПАНКЕВИЧ Н. В., СТАРЦЕВ Я. Ю., ФАН И. Б., ФИШМАН А. Г. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ : монография. Москва : Издательство «Политическая энциклопедия», 2016. 334 с. EDN WMVPAJ.

9. МАКАРЕВИЧ Э. Ф., КАРПУХИН О. И. Культура информационного общества: противостояние традиций и постмодерна // *Горизонты гуманитарного знания*. 2020. № 3. С. 12–20. DOI 10.17805/ggz.2020.3.2. EDN QZPPLK.

10. ЖУРАВЛЕВА Н. А. Ценностные ориентации личности в изменяющемся российском обществе // *Психологический журнал*. 2012. Т. 33, № 1. С. 30–39. EDN OUWQIJ.

11. ŘENŮŘEK, R., & SOJKA, P. (2010). Software Framework for Topic Modelling with Large Corpora. In *LREC 2010 Workshop on New Challenges for NLP Frameworks* (pp. 45–50). ELRA. <https://doi.org/10.13140/2.1.2393.1847>.

12. KUTUZOV, A., & KUZMENKO, E. (2017). Web-Vectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In D. I. Ignatov, M. Yu. Khachay, V. G. Labunets, N. Loukachevitch, S. I. Nikolenko, A. Panchenko, A. V. Savchenko, & K. Vorontsov

(Eds.), *Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science* (pp. 155–161). Springer Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52920-2_15.

13. ELLSON, J., GANSNER, E. R., KOUTSOFIOS, E., NORTH, S. C., & WOODHULL, G. (2004). Graphviz and Dynagraph — Static and Dynamic Graph Drawing Tools. In M. Jünger, & P. Mutzel (Eds.), *Graph Drawing Software. Mathematics and Visualization*. Springer Berlin Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-18638-7_6.

14. СТАРЦЕВ Я. Ю. Политическая система в зеркале дискурса: опыт реконструкции логики президентских посланий // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2007. Т. 3, № 1. С. 175–190. EDN KNPOPH.

15. Пашков В. В. Становление системы ценностей России XXI в. // *Текст в языковом, историческом, культурном пространстве* : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (Москва, 22 мая 2022 г.) / под ред. В. В. Никульцевой. Москва : Московский финансово-юридический университет, 2023. С. 215–224. EDN XDMGKI.

16. ЗУБАРЕВ А. А., СЛИНЬКО А. А. Роль и значение посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на современном этапе развития // *Теории и проблемы политических исследований*. 2023. Т. 12, № 1-1. С. 11–18. DOI 10.34670/AR.2023.32.73.002. EDN IOQTAC.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Старцев Ярослав Юрьевич – кандидат политических наук, доцент; Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук — старший научный сотрудник (620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16); startsev-yay@ranepa.ru. AuthorID: 442571, ORCID: 0000-0002-8660-9401, ScopusID: 57192751307, ResearcherID: A-5057-2013.

Статья поступила 20.06.2023; рецензия получена 03.07.2023; принята к публикации 03.07.2023.

VALUE ATTITUDES OF PRESIDENTIAL POWER: DISTRIBUTIVE-SEMANTIC ANALYSIS

Ya. Yu. Startsev^a

^a Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The value attitudes of state power and officials are crucially important both in the formation of state policy and its legitimation. The purpose of the article is to analyze the value orientations of the presidential power in Russia in the form they are provided in public statements of the RF President.

Materials and methods. The research refers to the corpus of speeches of the President of the Russian Federation in the period from 2000 to 2020, published on the official presidential website. On this basis, a vector distributive-semantic model is formed, allowing for a comprehensive analysis of various aspects of the presidential public discourse, including its value structure. For this, a basic value thesaurus is developed, covering four value groups: "folk", ideological, Christian and consumerist. Each thesaurus is expanded through the closest associates revealed by publicly available vector models of the Russian-language corpora. Subsequent clustering enables forming a value representations structure based on the collocations frequency of associates of the first, second, and third orders. The application of the same procedures to a publicly available vector model based on the National Corpus of the Russian Language makes it possible to compare the specifics of the presidential discourse with the general Russian value-semantic area.

Results. Through the analysis 13 value-semantic clusters, structuring the presidential discourse, were identified, which form a conservative militarized and religiously oriented core, focused mainly on the anti-values of misfortunes and threats, and isolated clusters associated with progressive and modernization values, as well as values of cooperation - largely referring to foreign partners.

Discussion. The comparison of the value-semantic structure of the presidential discourse with the model data, based on the National Corpus of the Russian Language, made it possible to draw conclusions about the significant similar, and even common features, of a part of the value-semantic clusters (traditionalism, Christian religious commitment, focus on misfortunes and threats), as well as noticeable differences, primarily in relation to emotional content of values, content depth and value dichotomies of cleverness / stupidity and truth / lies.

KEYWORDS: presidential power, values, axiology, president of the Russian Federation, distributive semantics, political values, political discourse.

FOR CITATION: Startsev, Ya. Yu. (2023). Value attitudes of presidential power: distributive-semantic analysis. *Management Issues*, 17(4), 5–18. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-5-18.

REFERENCES

1. ZHURAVLEVA, N. A. (2013). *The psychology of social change: A value approach*. Institute of Psychology of RAS. <https://elibrary.ru/sjnrrp>.
2. GALITSKAYA, K. A. (2021). The politics of national memory as a technology of legitimation of the power. *Discourse-P*, 18(1), 48–61. <https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-48-61>.
3. MASLENNIKOVA, S. V., & MATVEEVA, M. V. (2020). Traditional family values: The constitutional law interpretation. *Constitutional and Municipal Law*, (12), 23–29. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-12-23-29>.
4. KOBOZEVA, I. M., SHARNIN, M. M., SOMIN, N. V., TISHCHENKO, A. S., & MASLAK, A. A. (2022). Concepts of good and evil in a neural network approach. *Russian Linguistic Bulletin*, (8), Article 19. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.6>.
5. SINITSYNA, A. O. (2017). The problem of value definition and classification: Russian and foreign

experience. *Pedagogical Education and Science*, (3), 100–105. <https://elibrary.ru/zkatwx>.

6. INGLEHART, R., & WELZEL, C. (2001). *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511790881>.

7. BAYRAMOVA, L. K. (2009). Values and anti-values in a phraseological dictionary. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, (4), 136–140. <https://elibrary.ru/jzffmi>.

8. MARTYANOV, V. S., VAKHRUSHEVA, E. A., KISELEV, K. V., ILCHENKO, M. S., PANKEVICH, N. V., STARTSEV, YA. YU., FAN, I. B., & FISHMAN, L. G. (2016). *Russia in search of ideologies: Transformation of the value regulators of modern societies*. Publishing house “Political Encyclopedia”. <https://elibrary.ru/wmvpaj>.

9. MAKAREVICH, E. F., & KARPUKHIN, O. I. (2020). Culture of the information society: The opposition between traditions and postmodernity. *The Horizons of Humanities Knowledge*, (3), 12–20. <https://doi.org/10.17805/ggz.2020.3.2>.

10. ZHURAVLEVA, N. A. (2012). Persons value orientations in changing Russian society. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 33(1), 30–39. <https://elibrary.ru/ouwqij>.

11. ŘEHŮŘEK, R., & SOJKA, P. (2010). Software Framework for Topic Modelling with Large Corpora. In *LREC 2010 Workshop on New Challenges for NLP Frameworks* (pp. 45–50). ELRA. <https://doi.org/10.13140/2.1.2393.1847>.

12. KUTUZOV, A., & KUZMENKO, E. (2017). Web-

Vectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In D. I. Ignatov, M. Yu. Khachay, V. G. Labunets, N. Loukachevitch, S. I. Nikolenko, A. Panchenko, A. V. Savchenko, & K. Vorontsov (Eds.), *Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science* (pp. 155–161). Springer Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52920-2_15.

13. ELLSON, J., GANSNER, E. R., KOUTSOFIOS, E., NORTH, S. C., & WOODHULL, G. (2004). Graphviz and Dynagraph — Static and Dynamic Graph Drawing Tools. In M. Jünger, & P. Mutzel (Eds.), *Graph Drawing Software. Mathematics and Visualization*. Springer Berlin Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-18638-7_6.

14. STARTSEV, YA. YU. (2007). Political system in discourse reflection: Experience of reconstruction of logic of presidential messages. *Political Expertise: Politex*, 3(1), 175–190. <https://elibrary.ru/knpoph>.

15. PASHKOV, V. V. (2023). The shaping Russia system of values of the XXI century. In V. V. Nikultseva (Ed.) *Text In Linguistic, Historical, and Cultural Space* (pp. 215–224). Moscow Finance and Law University. <https://elibrary.ru/xdmgki>.

16. SLINKO, A. A. (2023). The role and significance of the messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation at the present stage of development. *Theories and Problems of Political Research*, 12(1-1), 11–18. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.32.73.002>.

AUTHORS' INFORMATION:

Yaroslav Yu. Startsev – Ph.D. of Political Sciences, Associate Professor; Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences — *senior researcher* (16, S. Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620990, Russia); startsev-yay@ranepa.ru. RSCI AuthorID: 442571, ORCID: 0000-0002-8660-9401, ScopusID: 57192751307, ResearcherID: A-5057-2013.

The article was submitted 06/20/2023; reviewed 07/03/2023; accepted for publication 07/03/2023.

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ: СТРУКТУРА И СЦЕНАРИИ РЕАЛИЗАЦИИ

А. А. Победин^а, Д. В. Федулов^б

^а Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Екатеринбург, Россия)

^б Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Отличительной чертой международных экономических санкций является нацеленность на решение политических, а не экономических задач. Дискуссионным является вопрос легитимности применения санкционных мер, поскольку речь идет о вмешательстве в деятельность суверенных государств. Помимо прямого экономического ущерба, санкции могут оказывать влияние посредством угрозы их применения, выступая инструментом символической власти.

Материалы и методы. Целью статьи является уточнение структурных элементов международных экономических санкций, а также рассмотрение возможных вариантов развития санкционных эпизодов. Основными методами, используемыми при проведении исследования, являются структурный анализ, а также метод кейс-стади.

Теоретический обзор. Рассмотрены подходы как отечественных, так и зарубежных авторов к пониманию сущности экономических санкционных мер, выделены и обобщены их ключевые признаки, предложено авторское определение международных экономических санкций.

Результаты. Автором выделяются следующие структурные элементы санкционного эпизода: инициаторы, мишень, цели и объекты санкций, приводятся ключевые характеристики каждого элемента, среди которых отдельно акцентируется внимание на динамических характеристиках, определяющих развитие санкционного эпизода. На основе сочетания различных характеристик элементов санкций моделируются базовые сценарии применения санкционных мер, а также их варианты, что определяет новизну авторского подхода. Существенное влияние на характер и динамику санкционного эпизода оказывают роль, реализуемая в мировой экономике инициатором и мишенью санкционных ограничений, степень зависимости участников эпизода от мировой экономики, а также характер и значимость преследуемых целей.

Обсуждение. Предложенный авторский подход к моделированию санкционных эпизодов апробирован применительно к санкционным мерам, реализуемым в отношении Российской Федерации. Выделены следующие особенности текущих санкций против России: широкий спектр используемых мер, затрагивающих различные направления внешнеэкономической деятельности, в том числе внешнюю торговлю, кредитно-финансовые операции, инвестиционную деятельность; беспрецедентно большой объем санкционных ограничений; высокая степень влияния санкционного режима развитие мировой экономики в целом, особенно на рынок энергоносителей; значительное количество стран, примкнувших к инициаторам санкционных ограничений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: санкции, инициатор, мишень, международные отношения, санкционная политика, санкции против России.

© А. А. Победин, Д. В. Федулов, 2023

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Победин А. А., Фецулов Д. В. Международные экономические санкции: структура и сценарии реализации // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 4. С. 20-32. EDN SSAZKO. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-20-32.

■ ВВЕДЕНИЕ

В сфере международных экономических отношений исторически используется довольно широкий арсенал способов взаимовлияния и достижения геополитических целей. Международные экономические санкции занимают особое место в этом инструментарии. С одной стороны, они являются прямым нарушением национального суверенитета, позволяя вмешиваться (порою достаточно грубо) во внутренние дела соседних стран, с другой – санкционные меры позволяют достигать внешнеполитических результатов с помощью относительно «мягкого» воздействия, поскольку альтернативой их применению часто является прямое вооружённое столкновение. Санкции использовались довольно давно в исторической перспективе, однако масштаб их реализации значительно вырос с XX века, что напрямую сопряжено с процессами глобализации и высокими темпами взаимопроникновения экономических систем отдельных стран. С учетом того, что Российская Федерация столкнулась со значительным санкционным давлением, повышается запрос на качественную аналитику отдельных санкционных мер, что невозможно без четкого понимания их сущности, структуры и особенностей динамики.

К сожалению, международные экономические санкции часто смешиваются с прочими инструментами международного политико-экономического влияния, рассматриваются в одном ряду как с внешнеторговыми, так и с дипломатическими и даже с военно-политическими мерами. Не умаляя значения подобных обобщений и сравнений, заметим, что при этом специфика международных экономических санкций может потеряться среди всего арсенала мер межстранового взаимодействия, в результате эффективность контрсанкционной политики может существенно снизиться.

Новизна исследования, представленного в настоящей статье, определяется как обобщением и конкретизацией признаков международных экономических санкций, так моделированием возможных сценариев реализации санкционных эпизодов.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Целью настоящей статьи является уточнение понятия и структурных элементов международных экономических санкций, а также рассмотрение возможных вариантов развития санкционных эпизодов. Основными методами исследования являлись анализ российских и зарубежных исследований, структурный анализ, сравнение различных санкционных эпизодов и метод кейс-стади. Для работы с зарубежными публикациями преимущественно использовалась международная библиографическая база данных Scopus. Новизна исследования заключается в уточнении понятия «международные экономические санкции», выделении и характеристики структурных элементов санкционного эпизода, типологизации сценариев реализации санкций. В качестве ключевого примера, иллюстрирующего структуру и сценарий санкционного эпизода, рассмотрены международные экономические санкции в отношении России, действующие в течение 2014–2023 годов.

■ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Несмотря на широкое использование как во внешнеполитическом дискурсе, так и в исследовательской литературе, понятие «санкции» не является достаточно однозначным и требует уточнения. В юриспруденции санкция является частью правовой нормы, указывающей на меры, которые применяются при ее несоблюдении¹. Соответственно, при наличии юридически закреплённого правила (правовой нормы), именно санкция указывает на возможные негативные последствия, возникающие в отношении лиц, нарушающих данное правило. Меры, указанные в санкциях, будут реализованы только если правовое деяние будет отклоняться от требуемого нормой поведения [1]. Кёхнер отмечает, что в современном международном праве меры принуждения как экономического и политического, так и военного характера допустимы только в случае восстановления международного мира и порядка (VII гл. Устава ООН) – много-

¹ Алексеев С. С. Общая теория права : учебное пособие. Москва : Издательство «Юридическая литература», 1982. 360 с.

сторонние меры, а также в качестве защиты законных прав и жизненных интересов стран – односторонние меры [2]. С другой стороны, Фитуни констатирует, что глобальный консенсус относительно монопольного права ООН вводить санкционные ограничения отсутствует, а в Уставе ООН непосредственно термин «санкции» не используется, соответственно, не представлена и его дефиниция. В результате отдельные страны могут интерпретировать правомерность собственных действий карательного характера в отношении других стран, руководствуясь стратегическими и тактическими задачами собственной внешней политики [3]. Тимофеев подчеркивает, что санкции являются попыткой повлиять на суверенитет той или иной страны (или способствовать его ограничению), а также на суверенный политический курс с помощью мер экономического характера. Таким образом, санкции подразумевают прямое или косвенное вмешательство одного государства в процесс принятия решений другого государства [4].

Валентин разграничивает понятия «экономические санкции», «экономическая война», «конкретные экономические действия» и «тарифные войны». По мнению заявленного автора, экономические санкции включают в себя общие запреты на торговлю между странами, затрагивающие большую часть их внешней торговли без применения военных средств. Напротив, экономические войны охватывают ситуации, когда военные, а также экономические меры используются для нанесения максимального ущерба экономике других стран, при этом обычно активно используются и военные средства – от морских блокад до тотальных бомбардировок. Примерами конкретных экономических действий могут служить манипуляции с экономической помощью, эмбарго на поставки оружия, национализация и другие меры, не принимающие форму общих запретов на торговлю. Тарифные войны, в свою очередь, предполагают изменение тарифов и применение иных экспортно-импортных ограничений с целью влияния на другие страны [5]. Смитс отмечает, что санкции охватывают политику ограничения торговли между суверенными государствами, включая так называемые «бойкоты» и «эмбарго». Масштабы санкций могут существенно отличаться вплоть до полной изоляции страны и разрыва экономических и торговых отношений, что, впрочем,

достаточно трудно осуществить. Об этом свидетельствуют примеры санкционных ограничений в отношении Кубы и Северной Кореи². В известной работе, посвящённой анализу практики международных санкций Хабфауэра, Шотта, Эллиотта и Оег, санкции определяются как преднамеренное, инспирированное правительством прекращение или угроза прекращения традиционных торговых или финансовых отношений. В этом контексте санкции являются неотъемлемым элементом дипломатической деятельности, инструментом для принуждения правительств отдельных стран к определённым вариантам реагирования. Санкции предполагают готовность одной страны вмешиваться в принятие решений другого суверенного государства без немедленного применения военной силы³. Отметим, что в приведенном определении объединяются санкции как фактические меры и санкции как угроза применения этих мер. Однако другие авторы различают эти два направления, рассматривая угрозы как отдельный элемент санкционной политики. В этом случае санкции выполняют роль инструментария «символической власти», при этом есть вероятность, что на этом этапе разногласия будут урегулированы и введения санкций не понадобится [4], что подтверждается некоторыми эмпирическими исследованиями [6].

Развивая подход Хабфауэра и др., Эллис предлагает следующее определение экономических санкций – преднамеренный отказ от обычных торговых или финансовых отношений, предписанный государством, наднациональной или международной правительственной организацией в отношении другого государства, группы государств, отдельных организаций или граждан с целью изменения политики или отдельных действий перечисленных субъектов. Таким образом, санкции отличаются от прочих экономических ограничений международного уровня специфическими целями: они направлены на изменение политики в целом или отдельных действий сторонних государств [7]. Подобной точки зрения придерживается и Спиндлер, указывающий, что экономические санкции пред-

² Smeets, M. (2018). Can economic sanctions be effective? Staff Working Paper ERSD-2018-03. https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201803_e.pdf.

³ Hufbauer, G. C., Schott, J. J., & Elliott, K. A., Oegg, B. (2009). *Economic Sanctions Reconsidered*. Peterson Institute For International Economics. <https://www.piie.com/bookstore/economic-sanctions-reconsidered-3rd-edition-paper>.

ставляют собой навязанное правительством ограничение экономического обмена, они отличаются от других мер, налагаемых правительством, таких как тарифы, квоты или другие ограничения на международные потоки продуктов или факторов, главным образом с точки зрения их рационализации на основе целей внешней политики, а не на основе целей внутренней политики [8].

Обобщая приведенные мнения, выделим следующие особенности международных санкций.

1. Санкции служат мерами принуждения, предпринимаемыми в отношении отдельных государств и иных субъектов.

2. В широком смысле под санкциями могут пониматься меры любого характера, вплоть до военных, экономические санкции, соответственно, используют экономические рычаги, изменяющие режим международных экономических отношений.

3. Санкции отличаются от прочих экономических мер спецификой целей (политические, а не экономические).

4. По масштабу и сферам реализации экономические меры также могут существенно различаться – применяться в ограниченном варианте, носить сплошной характер, сопровождаться военной поддержкой (от конкретных экономических мер до экономических войн, согласно Валенстину).

5. Легитимность санкционных мер, как правило, не подвергается сомнению в случае одобрения ООН, в иных случаях возможны различные трактовки правового статуса санкций, поскольку последние затрагивают суверенитет сторонних государств.

6. Кроме самих санкций в качестве отдельного инструмента можно рассматривать угрозу их применения.

В итоге можно предложить авторское определение – международные экономические санкции являются специфическим инструментом международной политики, с помощью которого одна сторона (инициатор санкций) пытается воздействовать на другую сторону (мишень санкций) путем ограничения возможностей внешнеэкономической деятельности (объекты санкций) для достижения определенных внешнеполитических целей. Легитимизация таких действий может происходить через решения международных организаций, в первую очередь, ООН.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Применение санкций следует рассматривать с учетом отмеченных структурных элементов – инициатора, мишени, целей и объектов воздействия (см. рис. 1). Инициатором санкций может являться государство, группа государств или международная организация [7], демонстрирующие готовность вмешательства в процессы принятия решений правительствами других стран с помощью дипломатических и иных мер. Как правило, инициаторы – это крупные государства, реализующие активную внешнюю политику⁴. Инициатор санкций стремится получить некий результат, имея возможность нанести вред другому государству, но при этом может пострадать и государство, выступившее инициатором за счет снижения внешнеэкономических возможностей [9]. Санкции можно рассматривать как ответ инициатора на противоречивые действия другой страны. Этот ответ, как правило, ограничен предпочтениями внутренних акторов и внутриполитическими институтами. К примеру, на решение инициатора может повлиять мнение избирателей, а также группы субъектов, напрямую затронутые внешнеэкономическими ограничениями, в том числе, экспортёры. В исследовании Макклин и Уанга утверждается, что, когда избиратели информированы в вопросах формирования внешней политики, их предпочтения увеличивают вероятность введения санкций, в то время как предпочтения групп с особыми интересами оказывают прямое влияние на выбор конкретных санкционных мер, таких как адресные санкции, сокращение помощи и экспортные ограничения [10].

Мишенью санкций может выступать государство, группа государств, отдельные организа-

⁴ Hufbauer, G. C., Schott, J. J., & Elliott, K. A., Oegg, B. (2009). Economic Sanctions Reconsidered. Peterson Institute For International Economics. <https://www.piie.com/bookstore/economic-sanctions-reconsidered-3rd-edition-paper>.

Рис. 1. Структурные элементы санкционных мер
Fig. 1. Structural elements of sanctions measures

ции и граждане. Инициатор санкций стремится побудить страну-мишень изменить политику, которую она в противном случае не стала бы менять. Хотя принять решения, которые добивается инициатор, способно лишь правительство соответствующей страны, предполагается, что подверженные санкционным ограничениям организации и граждане способны повлиять на решения руководства государства-мишени.

Цели санкций, как уже отмечалось, в отличие от прочих ограничений носят политический характер. Хайдар отмечает, что санкции направлены на то, чтобы заставить правительство страны-мишени скорректировать деятельность, используя в качестве рычага давления снижение совокупного благосостояния государства. Причем влияние может осуществляться напрямую, через убеждение правительства страны-мишени в том, что возможные проблемы не стоят издержек, которые могут возникнуть при санкционных ограничениях либо косвенно, вызывая недовольство населения [11]. Хотя основные цели санкций направлены на изменение политики государства-мишени, прекращение военных действий, сокращение военного потенциала, но мотивы введения санкционных ограничений для государства-инициатора могут иметь как внешнеполитические, так и внутриполитические предпосылки. К примеру, санкционные меры могут служить для демонстрации решимости перед избирателями, даже если экономический эффект от этих мер будет незначительным. Хафбауэр и др. приводят следующую классификацию целей санкционной политики, взятую за основу и многими другими авторами: ограниченное изменение политики страны, при этом затрагиваются скромные по шкале национальных ценностей страны-мишени, но часто имеющие существенное значение для отдельных участников санкционного эпизода проблемы (примерами могут служить многие ограничения, связанные с защитой прав человека и преследованиями по религиозным мотивам); изменение политического режима страны-мишени, в период холодной войны подобные цели часто преследовали СССР и США, пытаясь сменить режим в третьих странах на более лояльный (Югославия, Куба, Бразилия, Чили); прекращение военного вмешательства со стороны страны-мишени; ослабление военного потенциала страны-мишени; существенно

изменение политики страны-мишени по какому-либо ключевому вопросу⁵. По мнению Тимофеева, многие из этих целей являются предвестниками силовых действий, являясь частью широкого инструментария воздействия на страну-мишень [4]. Вопрос об обоснованности, рациональности и эффективности целей, обозначаемых инициаторами санкций, является достаточно дискуссионным. Мнения авторов разнятся от сомнений в реалистичности и достижимости целей [12], неоднозначности долгосрочных последствий их реализации [11] до выявления неявных целей санкционной политики, зачастую весьма далеких от формально провозглашаемых [13].

Объектами санкционных ограничений могут служить различные направления внешнеэкономической деятельности страны, в том числе внешняя торговля, международное движение капитала, международная миграция, международные финансово-кредитные операции, валютные операции. Наиболее популярными объектами воздействия являются торговля и финансы. Различные торговые ограничения – одни из самых широко используемых инструментов внешнеэкономической политики. Как правило, страны-отправители обладают значительным экономическим потенциалом (к примеру, такие как США, Япония, страны ЕС), очень часто страна-мишень санкционного давления обладает весомой зависимостью от товарообмена с ведущими странами. Причем наиболее популярным является контроль над экспортом, а не импортом, поскольку более вероятно, что поставщиков той или иной продукции, производимой в странах-инициаторах, намного меньше, чем покупателей. К тому же в силу определённых правовых ограничений, сложившихся в США – одной из самых активных стран-инициаторов, у президента этой страны намного больше полномочий по ограничению экспорта, чем импорта, к примеру, экспорт может быть остановлен в рамках механизма Закона об управлении экспортом. Подробно вопросы экспортного контроля со стороны США рассмотрены в исследовании Кириченко [14]. Финансовая сфера – не менее популярный объект санкционных ограничений. Фи-

⁵ Hufbauer, G. C., Schott, J. J., & Elliott, K. A., Oegg, B. (2009). *Economic Sanctions Reconsidered*. Peterson Institute For International Economics. <https://www.piie.com/bookstore/economic-sanctions-reconsidered-3rd-edition-paper>.

Таблица 1 — Ключевые характеристики структурных элементов санкционного эпизода
Table 1 — Key characteristics of the structural elements of the sanctions episode

Структурные элементы санкций	Статические характеристики	Динамические характеристики
Инициатор	– роль в мир экономике; – зависимость от потенциальной мишени	Количество инициаторов, доля международных операций, затронутых ограничениями
Мишень	– величина экономики; – роль в мировой экономике; – зависимость от мировой экономики	Реакция мишени: – принятие (частичное или полное); – поиск компромисса; – игнорирование; – поиск и реализация способов обхода; – реализация контрмер
Цели	– значимость для инициатора; – значимость для мишени; – «серьезность» намерений инициатора (готовность реализовать вопреки негативным последствиям); – внутри- или внешнеполитическая направленность для инициатора	Направленность целей: – отдельные действия со стороны государства-мишени; – политический режим; – персоналии
Объекты	как правило, отсутствуют	– охват сфер внешнеэкономической деятельности; – охват (количество и доля) субъектов экономики страны-мишени; – охват ключевых сфер экономики страны-мишени

нансовые санкции предполагают ввод ограничений на доступ к кредитным ресурсам, доступ к международной финансовой инфраструктуре, снижение возможностей проведения международных финансовых операций. Можно разделить финансовые санкции на три подгруппы: секторальные (список SSI), список SDN, а также «мягкие» санкции [15]. Секторальные финансовые санкции лишают банки и компании возможности привлекать кредитные ресурсы США и Европы, однако возможность проводить платежи сохраняется, т. е. подобные ограничения вынуждают организации изменить структуру баланса – увеличить объем использования внутренних источников финансирования. Санкции списка SDN предполагают жесткие финансовые ограничения, налагая запрет на проведение валютных платежей, вынуждая компании корректировать географическую структуру своих внешних финансовых потоков. «Мягкие» санкции не объявляются официально, но означают изменение условий ведения бизнеса, в том числе, процедур контроля технического оформления сделок, перевода оформления сделок в ручной режим, удлинения сроков осуществления платежей. Финансовые санкции становятся в последнее время все более разнообразными и в условиях глобализации финансовых потоков все более эффективными при достижении конкретных целей. Имеются примеры высокой эффективности санкционных мер финансового

характера среди которых наиболее часто обсуждается санкционный пакет, реализованный в ответ на иранскую ядерную программу [16]. Ужесточение финансовых санкций может привести к ограничениям для центрального банка страны-мишени в получении доступа к резервам в иностранной валюте, ограничениям на продажу золота, отключение ряда банковских организаций от системы SWIFT. Все это способно существенно ограничить возможности по проведению трансграничных расчетов и выплата купонов по ранее взятому долгу, эти черты весьма характерны для санкционного режима, введенного в отношении РФ в 2022 году, что стало тревожным сигналом для многих развивающихся стран, в том числе для Китая и Индии, способствуя поиску эффективных мер защиты от таких действий [11].

Можно выделить несколько ключевых характеристик для каждого из структурных элементов эпизода введения санкционных ограничений (см. табл. 1).

По мнению авторов, характеристики каждого из структурных элементов следует разделить на две категории – статические и динамические. Предполагается, что статические характеристики неизменны в течение действия санкционного эпизода, а динамические могут меняться, порой весьма существенно. Подобное разделение, разумеется, довольно условно – при определенных обстоятельствах, а также при доста-

точном временном промежутке могут измениться и статические характеристики, однако эти параметры обладают существенной инерционностью, что снижает потенциал изменений. Параметры стран-инициаторов и мишеней, связанных с ролью в мировой экономической системе, величиной собственной экономики и зависимостью от мирового рынка отнесены к статическим, поскольку данные черты меняются достаточно медленно. А вот количество стран, которые присоединились к санкционному пакету, может измениться довольно быстро – как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения.

Реакция страны-мишени на введение ограничения может быть различной. Страна может частично или полностью выполнить требования инициатора (в том числе еще на этапе предъявления угроз санкционного давления), а также вступить в переговорный процесс, в результате всего перечисленного санкционный эпизод может быть исчерпан. В случае, если компромисс невозможен или труднодостижим, а также если ограничения не существенны для мишени, санкционный пакет может быть проигнорирован. Однако в случае значимости наложенных ограничений страны, как правило, стараются найти возможности для обхода санкционных мер – от смены торговых партнёров до параллельного импорта. Кроме того, страна-мишень может в ответ также принять определенные ограничения в отношении других стран, в данном случае по сути мишень и инициатор меняются ролями. С течением времени реакция со стороны государства-мишени трансформируется – так, если первоначально может быть сделана попытка удовлетворить хотя бы часть требований инициатора и приступить к переговорам, то в дальнейшем, если переговоры будут безрезультатны, страна-мишень переходит к другим вариантам реакции на ограничения.

В самом начале санкционного эпизода, как правило, очевидно, насколько высока значимость поставленных целей санкционного воздействия (соответственно, и значимость отказа от определённых действий) как для инициатора, так и для мишени санкционных мер. Чем выше значимость для инициатора, тем настойчивее и серьезнее будет в дальнейшем санкционная политика, чем выше значимость для мишени – тем менее охотно будет происходить выполне-

ние санкционных требований, даже вопреки негативным последствиям для экономики. Данные параметры отнесены к статическим, поскольку они достаточно медленно меняются, скорее, именно эти характеристики определяют дальнейшую динамику развития санкционного эпизода. К динамическим характеристикам целей отнесены направления санкционного воздействия, от отмены отдельных действий, до смены режима в целом. Чем выше значимость действий, ставших поводом санкционного эпизода, тем выше вероятность постепенного ужесточения направленности целей с течением времени.

Что касается характеристик объектов воздействия, последние, как правило, могут существенно меняться в течение санкционного эпизода, как в сторону увлечения количества субъектов, затронутых ограничениями, и масштаба реализуемых мер, так и в сторону смягчения санкционного режима, поэтому применительно к данному элементу все характеристики отнесены к динамическим.

В зависимости от сочетания статических характеристик в начале реализации санкционных мер и дальнейшего изменения динамических характеристик возможен широкий спектр вариантов построения и развития санкционных эпизодов. На основе моделирования ключевых санкционных характеристик авторами предложено несколько базовых сценариев санкционных эпизодов (см. табл. 2).

Разумеется, в таблице 2 учтена лишь небольшая часть из спектра возможных сценариев, с увеличением количества характеристик, принимаемых во внимание при построении сценариев, увеличивается и их вариативность. Тем не менее рассмотренные варианты представляют определенный интерес, поскольку затрагивают такие важнейшие характеристики санкционного эпизода, как роль сторон в мировых хозяйственных связях, степень зависимости (для мишени выбрана зависимость от мирового рынка, поскольку это определяет в целом возможные негативные последствия от санкционных ограничений; для инициатора выделена зависимость от страны-мишени – именно данный фактор служит основным ограничителем объема санкций, а также создает предпосылку реализации ответных экономических мер). Базовый сценарий 1 отражает достаточно типичную ситуацию, когда инициатор санкций и ми-

Таблица 2 — Базовые варианты сценариев санкционного эпизода

Table 2 — Basic scenarios for the sanctions episode

Модельные сценарии	Величина и роль в мировой экономике		Степень экономической зависимости		Значимость целей	
	инициатора	мишени	инициатора от мишени	мишени от мирового рынка	для инициатора	для мишени
Сценарий 1а	большая	малая	низкая	высокая	низкая, средняя	низкая, средняя
Сценарий 1б	большая	малая	низкая	высокая	средн., высок.	высокая
Сценарий 2	малая	малая	средн., высок.	средн., высок.	средн., высок.	средн., высок.
Сценарий 3а	большая	большая	низкая, средняя	средн., высок.	низкая, средняя	низкая, средняя
Сценарий 3б	большая	большая	низкая, средняя	средн., высок.	высокая	высокая

шенъ резко отличаются по величине экономики и роли в мировой экономической системе. Инициатор является крупным государством, а мишень – малой страной. Соответственно, у мишени, скорее всего, будет существенная зависимость от мирового рынка, а у инициатора, напротив, зависимость от мишени маловероятна. В этом случае ключевым фактором, в том числе определяющим эффективность санкционных мер, окажется значимость целей для мишени – если значимость не высока – есть предпосылки для компромиссного решения проблемы (сценарий 1а), если значимость существенна – возможно длительное противостояние (в лучшем случае, экономическое) между инициатором и мишенью, если такая ситуация затянется (на 10 и более лет), то даже статические характеристики страны-мишени начнут постепенно меняться: зависимость от мирового рынка будет снижаться, поскольку страна вынуждена перестроить экономические процессы только с использованием внутренних возможностей (сценарий 1б). Примерами реализации сценария 1а могут служить санкции США и ЕС против Гаити 2001–2005 гг., США против Гвинеи 2003–2004 гг., ЕС и США против Центральноафриканской республики 2003–2005 гг., США против Южной Кореи 1973–1977 гг. А иллюстрацией сценария 1б вполне могут служить санкции США против Кубы (с 1960-х) и Северной Кореи (с 1950-х), которые привели к экономической изоляции мишеней, однако не позволили достичь поставленные цели в полном объеме (в том числе, сменить политический режим).

Сценарий 2 является примером ситуации, когда и инициатор, и мишень – небольшие страны с невысокой ролью в рамках мирового рынка, но достаточно тесно зависимые друг от друга, весьма вероятно, что они будут иметь совместную границу. Санкционный эпизод бу-

дет выглядеть как локальный конфликт, скорее всего, в ответ на санкции мишенью будут приняты ответные меры, продолжительность эпизода может затянуться, вмешательство третьих сторон становится тем вероятнее, чем выше значимость инициатора или мишени с геэкономической или геополитической точки зрения. Исторически подобный сценарий достаточно часто сопровождал многочисленные приграничные конфликты. Примерами подобных санкционных эпизодов могут служить санкции Греции против Турции 1986–1999 гг., Индонезии против Малайзии 1963–1966 гг., Греции против Македонии 1994–1995 гг.

Наконец, базовый сценарий 3 предполагает, что как инициатор, так и мишень – достаточно крупные государства, оказывающие значимое влияние на мировую экономическую систему, с развитыми международными контактами. Здесь, как и в случае со сценариями 1а и 1б, на развитие санкционного эпизода будет оказывать влияние значимость целей для мишени и инициатора, а также насколько паритетными являются экономические возможности стран. При невысокой значимости целей обе стороны, весьма вероятно, будут склонны к скорейшему решению проблемы для снижения экономических последствий (сценарий 3а), однако при высокой значимости целей возможна полномасштабная экономическая война с ответными экономическими мерами, перестройкой мировых хозяйственных связей и существенными экономическими потерями как для инициатора, так и для мишени, а также многих третьих стран (сценарий 3б). Примером сценария 3а могут быть санкции США против Индии 1998–2001 гг., а сценария 3б – многочисленные санкционные эпизоды, иллюстрирующие экономическое противостояние СССР и США в XX веке. В настоящее время сценарий 3 реализуется

Таблица 3 — Базовые варианты сценариев санкционного эпизода

Table 3 — Basic scenarios for the sanctions episode

Элемент санкционного эпизода	Краткая характеристика
Инициаторы	большое влияние на мировом рынке; зависимость от мишени – от низкой до высокой; динамика – на увеличение стран, присоединившихся к ограничениям
Мишень	крупная экономика; по отдельным направлениям – значимая роль на мировом рынке; зависимость – по отдельным направлениям – существенная
Цели	—
Объекты	широкий охват, как по направлениям внешнеэкономической деятельности, так и по отраслевому составу

в рамках санкционных ограничений, наложенных США на Китай (с 2018 г.), однако пока трудно предсказать, будет это сценарий 3а или 3б, есть предпосылки как для первого, так и для второго варианта.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Предложенный авторский подход может быть проиллюстрирован на примере текущих экономических санкций, введенных в отношении РФ, начиная с 2014 года (см. табл. 3).

Применительно к ситуации с санкционными ограничениями, наложенными на Российскую Федерацию, характеристики структуры санкционного эпизода соответствуют сценарию 3. Причем, если в период 2014–2021 годов были предпосылки реализации сценария 3а, включая многосторонние переговоры и заключенные на их основе договоренности, в 2022–2023 годах однозначно реализуется сценарий 2б. Согласно отчету CNAS⁶, набор ограничений включает многосторонние экономические санкции, финансовые ограничения и экспортный контроль в отношении ключевых сфер российской экономики, в том числе банковского сектора, энергетики, системы технологического развития, ОПК и транспорта, а также персональные санкции в отношении физических лиц. Однако присутствуют и ограничительные факторы санкционных мер, в том числе зависимость европейских стран от энергоносителей, импортируемых из России, прежде всего, нефти и природного газа, этот фактор может быть использован (и используется) в качестве рычага при применении ответных контрсанкционных мер со стороны РФ. Учитывая беспрецедентный характер санкций, ожидается сильное негативное воз-

действие на мировую экономику, в том числе проблемы в сфере продовольственной безопасности, сокращение мировой торговли, глобальный рост цен. Экономические последствия для российской экономики также могут быть довольно серьезными, включая усиление инфляционных процессов, проблем на рынке труда [16]. Хотя окончательный результат санкций в настоящий момент довольно трудно оценить, наряду с отрицательными последствиями, возможен и ряд позитивных эффектов для российской экономики, связанных с ростом мировых цен на энергоносители и перспективами импортозамещения [17].

Инициаторы по эпизоду антироссийских ограничений достаточно типичны. Основными инициаторами выступают США и Европейский Союз, другие страны присоединяются к пакету санкций полностью или частично. Однако объём ограничительных мер чрезвычайно высок, по количеству санкций данный эпизод на середину 2022 года занимает первое место, обогнав прежних «лидеров» санкционной политики – Иран, Сирию и Северную Корею. На 28 июня 2023 года с 2014 года в отношении РФ введено 14967 санкционных ограничений, в том числе со стороны США – 3628, Канады – 2400, Швейцарии – 2261, Великобритании – 1860, ЕС – 1763, Франции – 1696, Австралии – 1359, Японии – 1246⁷. Поскольку инициаторами выступают ведущие развитые страны, в их арсенале существенные возможности по применению экономических мер. Однако Российская Федерация, являясь крупным государством, занимающим по итогам 2021 года шестое место в мире по объему ВВП, также имеет существенное влияние на мировой рынок, как уже отмечалось, в первую очередь, на рынок энергоносителей.

⁶ Sanctions by the Numbers: Economic Measures against Russia Following Its 2022 Invasion of Ukraine. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/sanctions-by-the-numbers-economic-measures-against-russia-following-its-2021-invasion-of-ukraine> (accessed 28.06.2023).

⁷ Castellum.AI. Russia Sanctions Dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (accessed 28.06.2023).

Большую проблему представляет то, что цели, декларируемые инициаторами санкций, достаточно широкие, затрагивают существенные направления внешней политики как для инициаторов, так и для РФ, к примеру, в качестве основания реализации санкционных мер в соответствии с программой RUSSIA-EO14024, определяющей основной объем санкций со стороны США, указана «вредоносная зарубежная деятельность», в том числе «подрыв безопасности в странах и регионах, важных для национальной безопасности США, и нарушение общепризнанных принципов международного права, включая уважение территориальной целостности государств»⁸. Соответственно улучшение санкционного режима оказывается возможным либо при условии существенного пересмотра внешнеполитической деятельности РФ, что в текущих условиях маловероятно (учитывая, что российская сторона не признает выдвигаемых обвинений), либо корректировки целей в направлении смягчения формулировок и требований, что также затруднительно в силу сложившейся внутривластной ситуации в странах-инициаторах. Очевидно, разрешению ситуации может способствовать экономический фактор, поскольку в текущем виде санкции приносят ущерб всем вовлеченным сторонам, что существенно отличает данный санкционный эпизод от санкций в отношении, например, Северной Кореи, длящихся несколько десятилетий ввиду невысокой экономической значимости последствий санкционных ограничений для инициаторов. В любом случае динамика на дальнейшее ужесточение санкционных ограничений против РФ будет малопродуктивной в силу того, что наиболее существенные ограничения уже инициированы, скорее, стоит ожидать экономических последствий уже реа-

лизованных мер, которые постепенно ощущаются, в частности, странами Европы.

Ключевые структурные элементы санкционных мер имеют решающее значение как для характера, так и динамики санкционного эпизода, влияя на продолжительность и эффективность санкционной политики. Поскольку санкционные инструменты в современных реалиях используются достаточно широко, для обеспечения национальной экономической безопасности странам требуется учитывать потенциал возникновения и сценарии развития санкционного давления при планировании внутри- и внешнеэкономического развития. Беспрецедентный санкционный режим в отношении РФ, усилившийся в 2022 году, находится под пристальным вниманием значительного количества участников международных экономических отношений, безусловно, характер применения санкционных мер против России и способы, направленные как в сторону ужесточения, так и смягчения условий внешнеэкономической деятельности, оказывает влияние не только на конкретные рынки, затронутые санкционными мерами, но и на мировую экономику в целом. Китай, Индия и ряд других стран вынуждены закладывать санкционные риски при построении внешних связей, что может стать одной из ключевых особенностей развития мировой хозяйственной системы в текущем столетии, приводя к деглобализации и децентрализации ресурсных, транспортных и финансовых потоков несмотря на определенные потери в экономической эффективности. Вероятно, это ослабит возможности отдельных участников мирового рынка оказывать влияние на другие страны, применяя принуждающие экономические меры. Укреплению безопасности и стабильности международных хозяйственных связей могло бы существенно способствовать повышение роли международных организаций как при введении мер экономического воздействия, так и при оценке эффективности и целесообразности их применения. ●

⁸ Discover U.S. Government Information. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-04-19/pdf/2021-08098.pdf> (accessed 28.06.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **ВАСИЛЬЕВ П. В.** Санкции в механизме правового регулирования // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2015. № 4 (32). С. 22–26. EDN VCWYMX.
2. **КЕХЛЕР Х.** Санкции и международное пра-

- во // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2019. Т. 14, № 3. С. 27–47. DOI 10.17323/1996-7845-2019-03-02. EDN SIFKGJ.

3. **ФИТУНИ А. А.** «Санкционное таргетирова-

ние»: инструмент внешней политики, нечестной конкуренции или глобального социального инжиниринга? // *Вестник МГИМО Университета*. 2019. № 3 (66). С. 17–41. DOI 10.24833/2071-8160-2019-3-66-17-41. EDN RJMHXI.

4. ТИМОФЕЕВ И. Н. Экономические санкции как политическое понятие // *Вестник МГИМО Университета*. 2018. № 2 (59). С. 26–42. DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42. EDN XPUCKL.

5. WALLENSTEEN, P. (1968). Characteristics of Economic Sanctions. *Journal of Peace Research*, 5(3), 248–267. <https://doi.org/10.1177/002234336800500303>.

6. БАРАТ, N. A., HEINRICH, T., KOVAYASHI, Y., & MORGAN, T. C. (2013). Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data. *International Interactions*, 39(1), 79–98. <https://doi.org/10.1080/03050629.2013.751298>.

7. ELLIS, E. (2020). The Ethics of Economic Sanctions: Why Just War Theory is Not the Answer. *Res Publica*, 27(3), 409–426. <https://doi.org/10.1007/s11158-020-09483-z>.

8. SPINDLER, Z. A. (1995). The public choice of “superior” sanctions. *Public Choice*, 85(3-4), 205–226. <https://doi.org/10.1007/bf01048196>.

9. EATON, J., & ENGERS, M. (1992). Sanctions. *Journal of Political Economy*, 100(5), 899–928. <https://doi.org/10.1086/261845>.

10. MCLEAN, E. V., & WHANG, T. (2014). Designing foreign policy: Voters, special interest groups, and economic sanctions. *Journal of Peace Research*, 51(5), 589–602. <https://doi.org/10.1177/0022343314533811>.

11. RAMASWAMY, S. (2022). The Threat of Financial Sanctions: What Safeguards Can Central Banks

Build?. *China and World Economy*, 30(3), 23–41. <https://doi.org/10.1111/cwe.12417>.

12. ΡΕΟΥ, S. (2019). Why “Smart” Sanctions Still Cause Human Insecurity. *Asian Journal of Peacebuilding*, 7(2), 265–285. <https://doi.org/10.18588/201911.00a092>.

13. СМЕРНОВ Е. Н. Научно-методические и практические аспекты применения антироссийских санкций как инструмента внешней политики // *Вестник евразийской науки*. 2019. Т. 11, № 5. EDN GQPAKN.

14. КИРИЧЕНКО Э. В. Контроль США над международными каналами трансфера технологий: вызовы, механизмы, тенденции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 7. С. 89–97. DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97. EDN HCEITG.

15. Орлова Н. В. Финансовые санкции против России: влияние на экономику и экономическую политику // *Вопросы экономики*. 2014. № 12. С. 54–66. DOI 10.1080/10611991.2016.1200389. EDN TAZSZH.

16. Капогузов Е. А., Чупин Р. И. «Санкции 2022»: возможности и ограничения реакционного регулирования со стороны российского государства // *Journal of Economic Regulation*. 2022. Т. 13, № 1. С. 67–74. DOI 10.17835/2078-5429.2022.13.1.067-074. EDN IKMMDK.

17. Ваганова О. В. Россия и санкции // *Научный результат. Экономические исследования*. 2022. Т. 8, № 1. С. 4–11. DOI 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1. EDN OWPZWW.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Победин Александр Александрович – кандидат экономических наук, доцент; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации — *заведующий кафедрой экономики и управления* (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); pobedin-aa@ranepa.ru. AuthorID: 624671, ORCID: 0000-0002-2388-596X, ScopusID: 57220835337.

Федулов Дмитрий Владимирович – кандидат экономических наук, доцент; Южно-Уральский государственный университет — *доцент кафедры «Современные образовательные технологии»* (454080, Россия, Челябинск, пр-кт Ленина, 76); d373@rambler.ru. AuthorID: 642245.

Статья поступила 29.06.2023; рецензия получена 06.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

INTERNATIONAL ECONOMIC SANCTIONS: STRUCTURE AND IMPLEMENTATION SCENARIOS

A. A. Pobedin^a, D. V. Fedulov^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Ekaterinburg, Russia)

^b South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. A distinctive feature of international economic sanctions is their focus on solving political rather than economic issues. The question of the legitimacy of sanctions application is debatable, since it is about interference in the activities of sovereign states. Besides direct economic damage, sanctions can have an impact through the threat of their application, acting as a tool of symbolic power.

Materials and methods. The aim of the article is to specify the structural elements of international economic sanctions and to consider options of sanctions episodes development. The main research methods used are structural analysis and case study.

Theoretical review. Domestic and foreign scholars' approaches to understanding the essence of economic sanctions are considered, their key features are identified and summarized, and the author's definition of international economic sanctions is proposed.

Results. The author identifies the following structural elements of sanctions episodes: initiators, target, goals and objects of sanctions; and provides the characteristics of each element, among which special attention is focused on the dynamic characteristics which determine the development of sanctions episodes. Based on a combination of various characteristics of the sanctions elements, basic scenarios for the application of sanctions measures, and also their options, are modeled, which provides for the novelty of the author's approach. The role of the initiator and the target of sanctions restrictions in the world economy, the dependence degree of the episode participants on the global economy, as well as the nature and significance of the pursued goals have a significant impact on the nature and dynamics of sanctions episodes.

Discussion. The proposed author's approach to modeling sanctions episodes was tested in relation to the sanctions measures implemented against the Russian Federation. The following specific features of the current sanctions against Russia have been revealed: a wide range of measures, affecting various areas of foreign economic activity, including foreign trade; credit and financial operations and investment activities; unprecedented amount of sanctions restrictions; a high degree of influence of the sanctions regime on the development of the world economy in general, especially on the energy market; considerable number of countries, joining the initiators of sanctions.

KEYWORDS: sanctions, initiator, target, international relations, sanctions policy, sanctions against Russia.

FOR CITATION: Pobedin, A. A., & Fedulov, D. V. (2023). International economic sanctions: structure and implementation scenarios. *Management Issues*, 17(4), 20–32. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-20-32.

REFERENCES

1. VASILIEV, P. V. (2015). Sanctions in Mechanism of Legal Regulation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of The Ministry of Internal Affairs of Russia*, (4), 22–26. <https://elibrary.ru/vcwymx>.
2. KOCHLER, H. (2019). Sanctions and International Law. *International Organisations Research Journal*, 14(3), 27–47. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-02>.
3. FITUNI, L. L. (2019). Targeted Sanctions: A Tool of Foreign Policy, Unfair Competition or Global Social Engineering? *Mgimo Review of International Relations*, (3), 17–41. <https://doi.org/10.24833/2071->

8160-2019-3-66-17-41.

4. ТИМОФЕЕВ, И. Н. (2018). Economic Sanctions as a Concept of Power Politics. *MGIMO Review of International Relations*, (2), 26–42. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42>.

5. WALLENSTEEN, P. (1968). Characteristics of Economic Sanctions. *Journal of Peace Research*, 5(3), 248–267. <https://doi.org/10.1177/002234336800500303>.

6. ВАПАТ, N. A., HEINRICH, T., КОБАЯШИ, Y., & MORGAN, T. C. (2013). Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data. *International Interactions*, 39(1), 79–98. <https://doi.org/10.1080/03050629.2013.751298>.

7. ELLIS, E. (2020). The Ethics of Economic Sanctions: Why Just War Theory is Not the Answer. *Res Publica*, 27(3), 409–426. <https://doi.org/10.1007/s11158-020-09483-z>.

8. SPINDLER, Z. A. (1995). The public choice of “superior” sanctions. *Public Choice*, 85(3-4), 205–226. <https://doi.org/10.1007/bf01048196>.

9. EATON, J., & ENGERS, M. (1992). Sanctions. *Journal of Political Economy*, 100(5), 899–928. <https://doi.org/10.1086/261845>.

10. MCLEAN, E. V., & WHANG, T. (2014). Designing foreign policy: Voters, special interest groups, and economic sanctions. *Journal of Peace Research*, 51(5), 589–602. <https://doi.org/10.1177/0022343314533811>.

11. RAMASWAMY, S. (2022). The Threat of Finan-

cial Sanctions: What Safeguards Can Central Banks Build?. *China and World Economy*, 30(3), 23–41. <https://doi.org/10.1111/cwe.12417>.

12. ПЕОУ, S. (2019). Why “Smart” Sanctions Still Cause Human Insecurity. *Asian Journal of Peacebuilding*, 7(2), 265–285. <https://doi.org/10.18588/201911.00a092>.

13. SMIRNOV, E. N. (2019). Scientific, methodological and practical aspects of the application of anti-Russian sanctions as an instrument of foreign policy. *Bulletin of Eurasian Science*, 11(5), Article 12. <https://elibrary.ru/gqpakn>.

14. KIRICHENKO, E. V. (2021). US control over technology transfer international channels: Challenges, mechanisms, trends. *World Economy and International Relations*, 65(7), 89–97. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97>.

15. ORLOVA, N. V. (2014). Financial sanctions: Consequences for Russia’s economy and economic policy. *Voprosy Ekonomiki*, (12), 54–66. <https://doi.org/10.1080/10611991.2016.1200389>.

16. КАПОГУЗОВ, E. A., & ЧУПИН, R. I. (2022). “Sanctions 2022”: The impossibility and ban on regulation by the Russian state in a blow. *Journal of Economic Regulation*, 13(1), 67–74. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.1.067-074>.

17. VAGANOVA, O. V. (2022). Russia and sanctions. *Research Result. Economic Research*, 8(1), 4–11. <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1>.

AUTHORS’ INFORMATION:

Aleksandr A. Pobedin – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration — *head of the Department of Economics and Management* (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); pobedin-aa@ranepa.ru. RSCI AuthorID: 624671, ORCID: 0000-0002-2388-596X, ScopusID: 57220835337.

Dmitry V. Fedulov – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; South Ural State University — *associate professor of the Department “Modern Educational Technologies”* (76, Lenin Av., Chelyabinsk, 454080, Russia); d373@rambler.ru. RSCI AuthorID: 642245.

The article was submitted 06/29/2023; reviewed 07/06/2023; accepted for publication 07/11/2023.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОПОРНОГО КАРКАСА РАССЕЛЕНИЯ

О. А. Козлова^а, А. М. Ситковский^б

^а Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

^б Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Система расселения представлена населёнными пунктами, каждый из которых обладает социально-демографическими характеристиками. Изменение этих характеристик определяет динамику и перспективы развития всей системы расселения.

Материалы и методы. Произведён анализ системы расселения на примере Чувашии. Сформирована база данных, характеризующих социально-демографическое состояние населённых пунктов Чувашии, Установлено, что система расселения Республики является двухуровневой и представлена Чебоксарской агломерацией и сетью населённых пунктов, в неё не входящих. Предложен методический подход к анализу факторов формирования «опорного каркаса расселения», состоящий из оценки демографических процессов, идущих на уровне населённых пунктов региона с их классификацией по темпам роста или убыли населения, а также наличия и качественного состояния объектов социальной инфраструктуры, определяющих уровень и качество жизни в населённых пунктах, что в совокупности даёт возможность определять перспективы их развития. Анализ социально-демографических факторов проведен за период 2010–2020 годы.

Результаты. «Анализ демографической динамики» населённых пунктов Чувашии показал: в 76 % всех населённых пунктов Республики наблюдается сокращение численности населения. Прослеживается закономерность: прирост численности населения в относительно крупных населённых пунктах и сокращение в малых. Наиболее позитивная динамика сосредоточена в Чебоксарской агломерации и её периферии. Трансформацию системы расселения можно охарактеризовать как «социальная агрегация населения», которое происходит вследствие объективно более высокого качества жизни и сильной экономики в более крупных населённых пунктах. Анализ проиллюстрирован картограммой.

Методический подход включает анализ обеспеченности населения социальной инфраструктурой по восьми группам показателей, определяющих её наличие, качественное состояние и пространственную распределённость по населённым пунктам. Каждый раздел проиллюстрирован картой-схемой. В соответствии с численностью населения и атомизированным характером системы расселения, инфраструктурная обеспеченность Чувашии оценивается как высокая, в некоторых случаях – избыточная.

Обсуждение. Социально-демографические факторы могут быть использованы для анализа системы расселения и формирования «опорного каркаса расселения». Представленная в статье методика анализа «опорного каркаса расселения» на примере Республики Чувашии может служить инструментом для принятия обоснованных управленческих решений по формированию приоритетов в финансировании и модернизации узловых центров. Данный подход позволит создать ситуацию «управляемого сжатия» и обеспечить подавляющее большинство населения региона качественными услугами социальной сферы.

© О. А. Козлова, А. М. Ситковский, 2023

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: население, система расселения, демографические факторы, социальные факторы, опорные населённые пункты.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Козлова О. А., Ситковский А. М. Методический подход к анализу социально-демографических факторов формирования опорного каркаса расселения // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 4. С. 33-52. EDN WNENYT. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-33-52.

■ ВВЕДЕНИЕ

Анализ системы расселения представляет собой важную составляющую исследования сложных территориальных социально-экономических систем, к которым в том числе относятся субъекты Российской Федерации. Система расселения является незримым каркасом для осуществления социально-экономических взаимодействий. Интенсивные миграционные процессы, а также естественное движение населения способны в значительной степени повлиять на изменение её структуры. Хаотичная трансформация системы расселения ведёт к непредсказуемым социально-экономическим последствиям, что обуславливает необходимость исследования её детерминант.

Объектом исследования является социально-демографические факторы формирования «опорного каркаса расселения», предметом – процессы формирования «опорных населённых пунктов» под влиянием социально-демографических факторов. Цель данного исследования – предложить методический подход к анализу системы расселения, позволяющий выделить «опорный каркас расселения», проиллюстрировать перспективы его трансформации, а также выработать управленческие решения по его корректировке.

Под «опорным каркасом расселения» понимается совокупность наиболее устойчивых населённых пунктов территории, а также соединяющие их транспортные коридоры. Самым малоизученным элементом «опорного каркаса расселения» на сегодняшний день являются «опорные населённые пункты». Под «опорными населёнными пунктами» авторами понимаются наиболее крупные населённые пункты территории, которые, как правило, являются административным центром муниципального образования. Кроме того, они сопоставимы с таковым по численности населения или по уровню инфраструктурной обеспеченности, на базе которых населению предоставляются услуги социальной сферы как самого населённого пункта, так и иных, близкорасположенных к нему

в пределах зон эффективной транспортной доступности.

Все населённые пункты, из которых складывается система расселения, подвержены влиянию социально-демографических процессов. Чем крупнее населённый пункт по численности населения и чем более устойчива его социально-экономическая база, тем в меньшей степени он подвержен влиянию социально-демографических факторов. Сеть наиболее устойчивых, крупных и перспективных населённых пунктов именуется «опорным каркасом расселения». «Опорный каркас» не определён юридически и не очевиден, поэтому его выявление представляется актуальной задачей исследования процессов демографического сжатия и агломерирования. Трансформация системы расселения происходит последовательно: сначала сжимаются наименее устойчивые населённые пункты, затем это влияет на развитие (рост или сжатие) элементов «опорного каркаса расселения». Выявление элементов «опорного каркаса», а также сосредоточение в них ресурсов развития являются основой концепции «управляемого сжатия».

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

1. Обзор литературы

Исследования в области системы расселения и «опорного каркаса расселения» носят междисциплинарный характер и используют методы экономгеографии, региональной экономики и демографии. В синтезе различных подходов рождаются новые направления, такие как «геодемография», «геоурбанистика» и «пространственная демография».

Среди актуальных направлений исследований влияния различных факторов на систему расселения в зарубежных и отечественных работах можно выделить следующие.

1. Исследования, связанные с изменением соотношения населения, проживающего в городской и сельской местности в связи с развитием процессов урбанизации и их последствиями.

В данном направлении можно выделить работы, в которых анализируются процессы трансформации системы расселения сельских территорий после создания сети природоохранных территорий [1], ограничивающих социально-экономическую деятельность человека и меняющих политику расселения, процессы трансформации в результате изменения численности населения сельских поселений, находящихся в границах активно развивающихся городских агломераций [2]. Анализируя динамику численности населения в населённых пунктах, находящихся в зоне агломерационного эффекта Афин в Греции, коллектив авторов в своей работе [3] приходят к выводу, что темпы роста численности населения тем выше, чем ближе населённый пункт располагается к ядру агломерации. Исследователи А. Роснер и М. Веселовска в своей статье [4] анализируют трансформацию системы расселения на сельских территориях Польши в связи с утратой ведущей роли сельского хозяйства в XX веке. Результат их анализа демонстрирует две тенденции: разрастание пригородов крупных населённых пунктов и разделение малонаселённых пунктов на многофункциональные (более успешные) и сельскохозяйственные.

2. Второе направление в исследованиях факторов трансформации систем расселения связано с контекстом устойчивого развития. Так, результаты анализа динамики численности населения монопрофильных населённых пунктов в сельской местности северо-восточной Польши, в которых градообразующие предприятия прекратили свою деятельность [5], свидетельствуют о том, что рабочие поселения, расположенные вокруг крупных экономических объектов, удаленных от центров системы расселения, превращаются в депрессивные территории. Исследование динамики численности населения в южной Европе [6], на основе данных переписей населения с 1961 по 2011 гг. позволило авторам выделить «демографически устойчивые» (со стабильным или растущим населением), а также наглядно продемонстрировать и подтвердить центрально-периферийную теорию агрегирования населения вокруг крупных населённых пунктов. Как свидетельствуют результаты других исследований [7], значительную роль в формировании устойчивости системы расселения и развитии населённых пунктов играет уровень бедности и социальной изоляции.

3. Наиболее многочисленными исследованиями представлено третье направление, связанное с оценкой влияния различных, в том числе социально-демографических, факторов, на формирование системы расселения. Так, авторский коллектив [8] попытался выявить возможности создания автономных энергетических регионов, основанных на возобновляемых источниках энергии, и предложил свою модель выявления опорных центров на основе возможности поставок избытков электроэнергии близлежащим населённым пунктам («энергетические центры»).

Исследователи С. Ильвицкая и В. Приходько исследуют в своей работе [9] образовательный кластер как социально-территориальную структуру на основе разработанной модели пространственно-временного развития. Учёные М. Халамска и М. Станни в своём исследовании [10] проводят оценку социальной структуры жителей сельской местности в двух измерениях: временном (трансформация всей социальной структуры территории по годам) и пространственном (территориальная дифференциация социальной структуры на текущую дату).

В исследовании чешских авторов [11] проводится анализ пространственной и временной дифференциации с середины XIX века изменений в землепользовании и их детерминанты. Наиболее интересным выводом исследования является демонстрация агрегирования населения: в 1845 году половина заселённых территорий Чехии была сосредоточена на 31 % от общей площади страны, тогда как в 2010 году она составила лишь 21 % [11, с. 16]. Б. Антонича и А. Джукич [12] исследуют социально-экономическую и архитектурную деградацию населённых пунктов, вызванную отрицательной демографической динамикой, а также предлагают модель управления сокращением численности населения городов (плановую ликвидацию малоперспективных населённых пунктов).

В исследованиях активно используется проблематика влияния региональных факторов на систему расселения. Так, анализируя особенности региональных факторов и их влияние на перспективы заселения Арктической зоны, авторы предлагают методы оценки условий аэрации для жилых районов в условиях севера с целью более эффективной и комфортной жилой застройки [13].

4. В контексте нашего исследования особый интерес представляют работы, связанные с поиском методических подходов к анализу и оценке роли социально-демографических факторов в формировании системы расселения. Так, зарубежными авторами [14, с. 7] предлагается исследовать 11 показателей, характеризующих такое понятие, как «уровень жизни». Более расширенный список показателей, влияющих на систему расселения, предлагают авторы [15, с. 13], использующие в своём исследовании уже 19 показателей, из которых 4 – демографические, 4 – экономические, 3 – сельскохозяйственные, оставшиеся 8 – различные виды инвестиций в производственную, транспортную и социальную инфраструктуру. Б. Преволшек и др. использовали мультиатрибутивную иерархическую модель DEX, включающую три группы критериев (социальные, экономические и экологические) и включающую в себя 23 показателя [16, с. 6].

Среди исследований, в разной степени затрагивающих проблематику влияния социально-демографических факторов на формирование «опорного каркаса расселения», следует также выделить работы Г. М. Федорова, развивающего методологию «геодемографии» [17], В. А. Безвербного [18], в работах которого исследуются демографические проблемы агломераций, а также демографические факторы трансформации «опорного каркаса расселения» регионов Сибири и Дальнего Востока, Н. В. Зубаревич [19], которая в своих исследованиях выделяет региональную демографическую динамику как индикатор экономических процессов, Н. Н. Киселевой [20], исследующей управленческие аспекты трансформации системы расселения, включая управление демографическими и миграционными процессами на региональном и муниципальном уровнях, а также работу Т. Г. Нефёдовой [21], исследующей системы расселения на уровне малонаселённых пунктов, вымирающих деревень.

2. Источники данных и программное обеспечение

Предлагаемая в статье методика анализа социально-демографических факторов формирования «опорного каркаса расселения» является авторской. Её апробация производится на примере Чувашской Республики. Среди всех национальных республик России Чувашия обладает наиболее нуждающейся в управлении

трансформацией системой расселения. Чувашия неизбежно подверглась процессам социальной агрегации населения и урбанизации, а также вымиранию малонаселённых поселений.

Первая часть методики базируется на «анализе демографических факторов». На данном этапе используются данные о численности населения в населённых пунктах Чувашии. Для оценки текущего состояния используются оценочные данные о численности населения в населённых пунктах за 2020 год¹. С целью выявления динамики они были сопоставлены с данными по итогам «Всероссийских переписей населения – 2010»². В исследовании используются данные за 2020 г., поскольку более актуальные данные по численности населения в населённых пунктах, а не муниципальных образованиях не удалось обнаружить. Авторы полагают, что исследование десятилетней динамики численности населения за 2010–2020 гг. можно считать релевантным для анализа динамики трансформации системы расселения и оценки дальнейших перспектив её изменений.

Вторая часть методики сосредоточена на «анализе социальных факторов». В этой части используются данные о наличии и местонахождении на карте объектов социально значимой инфраструктуры, а также некоторые качественные характеристики данных объектов в соответствии с описанной ниже методикой. Все данные об объектах социально значимой инфраструктуры извлечены из официального геоинформационного портала Чувашской Республики.³ Он позволяет выгружать данные как в формате таблиц *Excel*, так и в формате слоёв геоданных (*Shapefile*). Данные актуальны на момент их выгрузки для исследования (2023 г.), однако нет точной информации о том, как регулярно они обновляются. Геоинформационный портал Чувашии начал свою работу в 2020 г., поэтому исходим из того, что данные не старше 2020 г. и релевантны проводимому анализу.

С целью подготовки базы данных о населённых пунктах Чувашии использовались *Microsoft*

¹ Населённые пункты России: численность населения // Инфраструктура научно-исследовательских данных (ИНИД), 2020. URL: <https://data-in.ru/data-catalog/datasets/160/> (дата обращения: 29.06.2023).

² Итоги «Всероссийской переписи населения-2010» // Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.06.2023).

³ Региональный портал пространственных данных // Правительство Чувашии. URL: <https://geo.cap.ru/portal/metadainfo> (дата обращения: 29.06.2023).

Office Excel – для обработки данных и вычислений, *Microsoft Power BI*⁴ – для сведения разнородных данных, унификации всего массива.

3. Авторская методика анализа социально-демографических факторов формирования «опорного каркаса расселения»

Предлагаемая методика анализа «опорных населённых пунктов» включает в себя два основных вида факторов, влияющих на расселение: демографические и социальные. Демографические процессы территории определяются совокупностью социально-экономических процессов. Динамика численности населения является индикатором всей совокупности социально-экономической жизни. Авторы полагают, что к «сжимающимся территориям» определённо можно отнести те, которые демонстрируют сокращение численности более чем на 1 % в год в среднем за последние десять лет. В отдельной статье более подробно описаны причины такого определения [22, с. 73]. Соответственно «опорные населённые пункты» не должны быть «сжимающимися территориями» и демонстрировать, по крайней мере, не столь отрицательную демографическую динамику.

Учитывая изложенное, населённый пункт, чтобы можно было причислить его к «опорным», должен попадать под следующие условия:

- не входит в границы других уровней системы расселения;
- располагается не ближе 50 км (60 мин) к более крупным центрам;
- обладает численностью населения более 3 тыс. чел.;
- численность населения сокращается не более чем на 1 % в год за последние десять лет;
- обеспечен круглогодичной транспортной доступностью до административного центра субъекта РФ.

Анализ социальных факторов территории предполагает, что в «опорных населённых пунктах» должна быть социально-значимая инфраструктура, при этом определённого уровня качества. Она должна обеспечивать потребности проживающего населения на уровне не ниже городского центра, а также позволять обеспечивать население прилегающих населённых пунктов. Перечень необходимой социальной

инфраструктуры, на базе которой в том числе предоставляются государственные и муниципальные услуги, включает следующее:

- газификация;
- водоснабжение и канализация;
- высокоскоростной Интернет;
- медицинские организации не ниже уровня «врачебная амбулатория»;
- средние общеобразовательные школы (1–11 класс);
- профессиональные образовательные организации;
- учреждения культуры;
- учреждения массового спорта;
- учреждения по предоставлению государственных и муниципальных услуг;
- учреждения дошкольного и дополнительного образования.

Населённый пункт может получить статус «опорного», только если соответствует всем вышеперечисленным критериям. Если он не соответствует некоторым критериям, то может быть причислен к «потенциальным», быть включённым в соответствующую программу развития и доведён до уровня «опорного населённого пункта». Изложенная методика во многом согласуется с Распоряжением Правительства РФ от 23.12.2022 № 4132-р «Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населённых пунктов и прилегающих территорий», но не повторяет её. Более подробно с авторской методикой анализа «опорных населённых пунктов» (ранее – малые центры социальных услуг), а также принципах определения перечня социальной инфраструктуры, можно ознакомиться в ранее опубликованных статьях [23; 24].

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Анализ демографических факторов

Территория Республики Чувашия имеет относительно небольшую площадь, что приводит к высокой плотности населения, являющейся одной из ключевых характеристик системы расселения. В рамках исследования были собраны и проанализированы данные по всем населённым пунктам Чувашии, включающей следующие административно-территориальные образования:

- пять городов республиканского значения (Алатырь, Канаш, Новочебоксарск, Чебоксары, Шумерля);

⁴ Power BI // Microsoft. URL: <https://powerbi.microsoft.com/ru-ru/> (дата обращения: 29.06.2023).

- 21 муниципальный округ;
- четыре города окружного значения (Козловка, Мариинский Посад, Цивильск, Ядрин);
- семь посёлков городского типа (Буинск, Вурнар, Ибреси, Кугеси, Новые Лапсары, Сосновка, Урмары);
- семь городских поселений;
- 284 сельских поселения;
- 1720 сельских населённых пунктов.

Среди всего многообразия административно-территориальных структур, которые включают друг друга, с точки зрения исследования системы расселения, интересны населённые пункты (сельские и городские), а не муниципальные образования (муниципальные и городские округа). Кроме того, города окружного типа, посёлки городского типа, а также городские поселения являются прообразом «опорного каркаса расселения», каким его видят (или видели раньше) управленческие структуры региона.

В рамках исследования были собраны и проанализированы данные о численности населения всех населённых пунктов Чувашии в 2020 г., динамике изменения этой численности по сравнению с данными «Всероссийской переписи населения – 2010», определены перечни населённых пунктов, «сжимающихся», растущих и не демонстрирующих ярко выраженную динамику. Проанализируем динамику трансформации системы расселения с учётом влияния демографических и социальных факторов, а также приведем результаты получившейся группировки.

Во-первых, в системе расселения Республики Чувашии доминирующую позицию занимает административный центр – г. Чебоксары. Вплотную к нему располагается второй по величине центр – г. Новочебоксарск. Вместе они образуют Чебоксарскую агломерацию, которая также включает в себя близлежащие муниципальные округа. Численность населения агломерации составляет 66 % от общей численности жителей региона (810 из 1218 тыс. чел.) [25, с. 200].

Во-вторых, за пределами агломерации наблюдаются ярко выраженные лидеры по численности населения, заметно опережающие все близлежащие населённые пункты: Ядрин (8 252 чел.), Шумерля (29 071 чел.), Цивильск (14 718 чел.), Вурнары (9 989 чел.) и Канаш (45 482 чел.). Ядрин и Шумерля демонстрируют сжатие (–16,5 % и –9,1 % соответственно), Цивильск – рост (+8,4 %), два последних демонстрируют сохранение чис-

ленности населения (Вурнары –1,0 %, Канаш –0,3 %).

В-третьих, система расселения атомизирована и представлена множеством малонаселённых пунктов, находящихся в непосредственной близости друг от друга: из 1736 населённых пунктов 685 насчитывают до 100 чел. (39,5 %), 1676 насчитывают численность населения до 1000 чел. (96,5 %); при общей площади в 18,3 тыс. км², на каждый населённый пункт приходится 10,5 км², т. е. примерно квадрат со сторонами 3,3 км. Большая их часть демонстрирует отрицательную демографическую динамику и является «территориями сжатия»: 1508 из 1736 (86,9 %) демонстрируют убыль населения.

В-четвёртых, демографическая динамика вблизи от ядра Чебоксарской агломерации заметно более позитивна, чем в остальной республике, что говорит о процессе социальной агрегации населения, с одной стороны, и разрастания агломерации – с другой. В Чебоксарах население выросло на 7,8 %, в Новочебоксарске – на 2,2 %. Рост наблюдается в 145 населённых пунктах Чувашии, из которых 45 находятся в границах Чебоксарской агломерации, из которых рост составил в 12 более чем на 10 % за 10 лет, в 11 – от 5 % до 10 %, ещё в 21 – менее чем на 5 %.

В-пятых, плотность населённых пунктов выше к северу (административному центру) и значительно ниже к югу Республики: если провести условную границу с запада на восток по географической середине Республики, то в южной половине окажется около 350 населённых пунктов, тогда как свыше 1350 – в северной.

В-шестых, большая часть населённых пунктов с наиболее позитивной демографической динамикой находятся на пути пролегания транспортного коридора Нижний Новгород – Казань (с запада на восток через Чебоксары).

В-седьмых, севернее Чебоксар на другой стороне реки Волги располагается часть территории Чувашской Республики, но фактически вследствие естественной водной преграды – в Республике Марий Эл. Таким образом, просматривается анклав, состоящий из двух населённых пунктов (Сосновка и Северный), фактически не включённый в систему расселения Чувашии.

Если рассмотреть более детально динамику численности населения по населённым пунктам в сравнении 2010 и 2020 годов, то результаты окажутся следующими. Как указывалось ранее

Таблица 1 — Численность и динамика численности населения населённых пунктов Чувашии с населением свыше 1000 человек, 2010–2022 гг.

Table 1 — The number and dynamics of the population of settlements of Chuvashia with a population of over 1000 people, 2010–2022

Тип	Населённый пункт	Численность населения			Тип	Населённый пункт	Численность населения		
		2010	2020	рост			2010	2020	рост
г	Чебоксары	453721	492331	8%	д	Толиково	2140	2072	-3%
г	Новочебоксарск	124097	126931	2%	с	Токаево	1745	1844	5%
г	Канаш	45607	45482	0%	с	Чурачики	1743	1649	-6%
г	Алатырь	38203	34785	-10%	с	Синьялы	1581	1633	3%
г	Шумерля	31722	29071	-9%	п	Опытный	1525	1566	3%
г	Цивильск	13479	14718	8%	п	Киря	1841	1505	-22%
п	Кугеси	11917	13280	10%	с	Большой Сундырь	1488	1492	0%
пгт	Вурнары	10086	9989	-1%	с	Большие Яльчики	1800	1466	-23%
г	Козловка	10359	8680	-19%	д	Новые Тренькасы	1491	1459	-2%
г	Мариинский Посад	9088	8550	-6%	с	Сугуты	1666	1399	-19%
г	Ядрин	9614	8252	-17%	д	Малые Бикшихи	1470	1341	-10%
пгт	Ибреси	8415	7724	-9%	с	Новое Чурашево	1447	1328	-9%
пгт	Новые Лапсары	6955	6975	0%	с	Турмыши	1417	1324	-7%
пгт	Урмары	5679	5472	-4%	д	Арабоси	1502	1263	-19%
с	Шыгырдан	5418	5349	-1%	с	Мусирмы	1404	1229	-14%
с	Батырево	5431	5218	-4%	д	Сугайкасы	1319	1203	-10%
с	Порецкое	5825	5191	-12%	д	Большие Катраси	1151	1195	4%
с	Комсомольское	4905	4888	0%	д	Старые Урмары	1374	1194	-15%
с	Красноармейское	4271	4168	-2%	с	Стемасы	1318	1184	-11%
с	Моргауши	3263	3569	9%	с	Калинино	1343	1178	-14%
с	Шемурша	3759	3284	-14%	с	Чуварлеи	1186	1175	-1%
п	Новое Атлашево	3427	3130	-9%	с	Напольное	1359	1139	-19%
с	Ишлеи	3092	3075	-1%	с	Трехбалтаево	1376	1125	-22%
с	Шихазаны	2997	2963	-1%	д	Татарские Сугуты	1290	1102	-17%
с	Янтиково	3151	2888	-9%	д	Большие Карачуры	1120	1090	-3%
д	Урмаево	2889	2777	-4%	с	Яншихово-Норваши	1241	1078	-15%
с	Аликово	2653	2493	-6%	д	Большие Бикшихи	1164	1066	-9%
с	Яльчики	2544	2342	-9%	с	Хормалы	1256	1047	-20%
с	Красные Четаи	2623	2342	-12%	с	Ухманы	1228	1019	-21%
п	Сосновка	2242	2268	1%	ст	Тюрлема	1106	1012	-9%

в методике исследования, для выявления «опорного каркаса расселения» должны быть исключены все населённые пункты с отрицательной демографической динамикой. Поскольку под «сжатием» в данной статье понимаем сокращение численности населения населенного пункта более чем на 1 % в год, то результаты группировки населённых пунктов выглядят следующим образом:

- в 1270 населённых пунктах численность населения снизилась на 10 % и более за 10 лет;
- в 252 снизилась менее чем на 10 %;
- в 57 выросла на 10 % и более;
- в 83 выросла менее чем на 10 %.

Таким образом, в 76 % всех населённых пунктов Республики наблюдается «демографиче-

ское сжатие». Они не могут претендовать на включение их в «опорный каркас расселения» Чувашии. Далее в соответствии с предложенной методикой будет проанализирована инфраструктурная обеспеченность региона.

Исследование компонентов динамики численности населения на уровне населённых пунктов затруднено ввиду отсутствия соответствующей статистики. Однако мы можем проанализировать процессы движения населения всей Чувашии, чтобы определить факторы, влияющие на итоговый результат (табл. 2). Численность населения Чувашии за десять лет сократилась на 3,4 %, или на 43 тыс.чел., составив к концу анализируемого периода 1 218 тыс. чел. Данный процесс продолжался и в последние два года.

Таблица 2 — Базовые варианты сценариев санкционного эпизода
Table 2 — Basic scenarios for the sanctions episode

Год	Численность населения ^I , чел.	Естественное движение населения, чел.			СКР ^{II}	Миграционное сальдо ^{III} , чел.		
		родившихся ^{IV}	умерших ^V	прирост ^{VI}		Всего	Межрегиональное	Международное
2010	1 255 852	16 174	18 186	-2 012	1,648	-804	-1 757	953
2011	1 250 518	16 165	16 923	-758	1,665	-2 748	-4 282	1 534
2012	1 247 012	17 472	16 607	865	1,827	-4 446	-5 161	715
2013	1 243 431	17 351	16 324	1 027	1,851	-4 474	-5 591	1 117
2014	1 239 984	17 224	16 535	689	1,878	-2 602	-3 800	1 198
2015	1 238 071	17 133	16 242	891	1,909	-2 334	-4 336	2 002
2016	1 236 628	16 358	16 296	62	1,869	-827	-2 530	1 703
2017	1 235 863	13 952	15 591	-1 639	1,649	-3 107	-4 354	1 247
2018	1 231 117	13 065	15 462	-2 397	1,594	-5 325	-5 179	-146
2019	1 223 395	11 624	15 196	-3 572	1,465	-2 005	-3 377	1 372
2020	1 217 818	11 305	18 845	-7 540	1,469	-2 332	-1 671	-661
2021	1 207 875	11 083	20 451	-9 368	1,481	-78	-2 086	2 008
2022	1 198 429	9 921	15 626	-5 705	1,423	-5 026	-2 780	-2 246

^I Численность населения представлена на 1 января следующего года. Источник: 23110000100030200002 Численность постоянного населения на 1 января // Витрина статистических данных. 2023. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928>.

^{II} СКР – суммарный коэффициент рождаемости за год. Источник: 23260000100010200001 Суммарный коэффициент рождаемости // Витрина статистических данных. 2023. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278974>.

^{III} Миграционное сальдо (всего, межрегиональное, международное) представлено за год. Источник: 23320000100030200006 Миграционный прирост населения // Витрина статистических данных. 2023. URL: <https://showdata.gks.ru/report/274846>.

^{IV} Родившихся – за год. Источник: 23210000100020200001 Число родившихся (без мертворожденных) за год // Витрина статистических данных. 2023. URL: <https://showdata.gks.ru/report/297696>.

^V Умерших – за год. Источник: 23220000100020200002 Число умерших за год // Витрина статистических данных. 2023. URL: <https://showdata.gks.ru/report/297700>.

^{VI} Естественный прирост – за год. Значение равно разнице между родившимися и умершими в том же году.

За период с 2020 по 2022 годы численность населения Республики с учетом последней переписи населения сократилась еще на 2,9 %, или 35 тыс. человек. Динамика естественного движения населения имеет волнообразный характер. Суммарный коэффициент рождаемости – 1,47, что обуславливает превалирование смертности над рождаемостью. Миграционное сальдо остаётся отрицательным во всём исследуемом периоде и вносит половину в убыль населения. Если охарактеризовать направленность миграционных потоков за десять лет, то во всём исследуемом периоде около 75 % составляет внутрирегиональная миграция, около 22 % – межрегиональная и около 3 % – международная. В 2020 г. половозрастной состав выглядел следующим образом⁵: 19 % – моложе трудоспособного возраста, 56 % – трудоспособного, 25 % – старше трудоспособного возраста.

⁵ Численность населения Чувашской Республики по полу и возрасту на 1 января 2021 года // Чувашстат, 2021. URL: <https://21.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/0MclD0B4/Численность%20населения%20по%20полу%20и%20возрасту%20на%201%20января%202021.pdf> (дата обращения: 25.07.2023).

По результатам демографического анализа можно заключить, что естественное движение населения не является определяющим в трансформации системы расселения Чувашской Республики. Наибольший вклад в динамику численности населённых пунктов вносят именно миграционные процессы.

2. Анализ социальных факторов

В рамках подготовки исследования были собраны данные о наличии и местоположении объектов социально-значимой инфраструктуры для всех населённых пунктов Чувашии. Сформированная база данных слишком обширна, чтобы представлять её в данной статье целиком, поэтому далее будут представлены карты-схемы, небольшие статистические сводки, а также выводы, которые можно сделать в отношении обеспеченности той или иной социальной инфраструктурой.

2.1. Газоснабжение, водоснабжение и канализация, высокоскоростной Интернет. Газоснабжение, водоснабжение и канализация, а также высокоскоростной Интернет не будут рас-

смотрены подробно, поскольку покрывают всю территорию региона. Система расселения Чувашской Республики обладает рядом отмеченных ранее характеристик: сравнительно невысокая общая площадь, множество близкорасположенных населённых пунктов, высокая плотность населения. Кроме того, Республика находится в Приволжском федеральном округе, на расстоянии около 600 км от Москвы, то есть является плотно включённой в социально-экономические процессы центральной России. Данные обстоятельства обуславливают стопроцентное покрытие территории Республики подключением к основным видам инженерных коммуникаций.

Данные о наличии подключения населённых пунктов к широкополосному интернету (по кабелю) не удалось обнаружить. Однако вышеперечисленные особенности системы расселения региона позволяют судить о высокой доступности и широком покрытии мобильным Интернетом. Для подтверждения данной гипотезы были исследованы данные оператора сотовой связи «МТС» (зоны покрытия представлены на рис. 1).

Как видно из представленных данных, большая часть всей территории и все населённые

Рис. 1. Зоны покрытия высокоскоростным интернетом «МТС» в Чувашской Республике, 2022 г.

Fig. 1. MTS high-speed internet coverage areas in the Chuvash Republic, 2022

пункты имеют доступ к мобильному интернету формата 3G, незначительно меньшая часть – к 4G. Таким образом, по первым трём критериям наличия базовой социально значимой инфраструктуры могут быть рассмотрены все населённые пункты Республики для включения их в «опорный каркас».

2.2. Медицинские организации не ниже уровня «врачебная амбулатория». Как видно из рисунка 2, обеспеченность территории Республики медицинскими учреждениями является сильной инфраструктурной стороной региона. Учреждения здравоохранения расположены в 699 населённых пунктах (41,7 % от числа населённых пунктов с численностью населения больше 0 чел.). Поскольку населённые пункты Чувашии находятся в пешей доступности друг от друга (в среднем не более пяти километров по дорогам общего пользования), то можно заключить, что всё население региона имеет свободный доступ к медицинским услугам. Однако, с точки зрения выявления «опорного каркаса», населённые пункты, не имеющие на своей территории медицинских организаций, не должны включаться в данную систему.

Существуют различные уровни оказания медицинской помощи в соответствии с действующим законодательством: первичная медико-санитарная помощь, специализированная и высокотехнологическая. Они выделены, в том числе, наименованием медицинских организаций. В соответствии с предложенной методикой, в «опорном населённом пункте» должно располагаться специализированное или высокотехнологическое медучреждение. Такие заведения, в отличие от «первичных», предполагают наличие врача, то есть специалиста с высшим, а не средним профессиональным образованием.

Анализ системы здравоохранения осложнён спецификой её организации. Наименование и местонахождение медицинского учреждения не дают полного представления о том, какого уровня медицинские услуги в нём оказываются. Данные о медучреждениях были дополнены сведениями о лицензиях на ведение медицинской деятельности.⁶ В Чувашии здравоохранение пред-

⁶ Единый реестр лицензий, в том числе лицензий, выданных органами государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с переданным полномочием по лицензированию отдельных видов деятельности // Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения. URL: <https://www.roszdravnadzor.gov.ru/services/licenses> (дата обращения: 29.06.2023).

ставлено 411 юридическими лицами, которые обладают 2661 лицензией на ведение медицинской деятельности. Был проведён анализ лицензий на ведение медицинской деятельности. В данном исследовании интерес представляет то, какой вид медицинской помощи может быть оказан в соответствии с выданной лицензией. Распределение всех лицензий по уровням оказываемой помощи выглядит следующим образом:

- 140 лицензий позволяют оказывать высокотехнологичную медицинскую помощь;
- 1442 лицензии позволяют оказывать специализированную медицинскую помощь (т. е. только врачом-специалистом);
- 1052 лицензии позволяют оказывать медицинскую помощь средним медицинским персоналом (медсестра, фельдшер);
- 27 лицензий относятся к санаториям.

Была произведена работа по сопоставлению перечня из 699 медучреждений и 2661 лицензией на оказание медицинских услуг, чтобы выяснить, к какому уровню системы здравоохранения относятся учреждения и, соответственно, какого уровня медицинские услуги можно получить в том или ином населённом пункте. По результатам сопоставления данных, медицинские учреждения различных уровней системы здравоохранения представлены в населённых пунктах Чувашии:

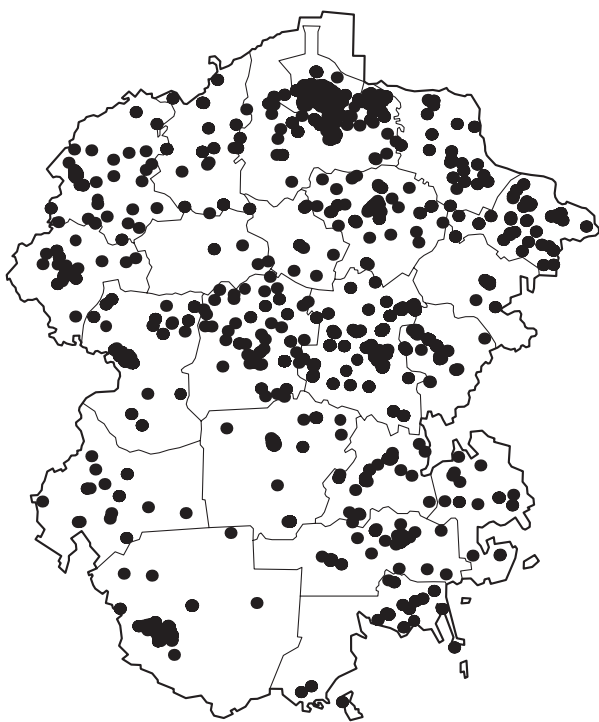

Рис. 2. Медицинские учреждения
Fig. 2. Medical institutions

- в семи населённых пунктах (0,4 %) оказывают высокотехнологичную медпомощь;
- в 412 населённых пунктах (24,6 %) – врачами-специалистами;
- в 283 населённых пунктах (16,9 %) – оказывают только средним медперсоналом;
- в 845 населённых пунктах (50,4 %) – отсутствуют медицинские учреждения.

С точки зрения выявления «опорного каркаса расселения», интерес представляют все населённые пункты, в которых медицинские услуги оказываются врачами-специалистами или оказываются высокотехнологичная медпомощь. Также стоит отметить, что населённые пункты, в которых нет собственных медучреждений, – это малонаселённые пункты и необходимость размещения в них собственных организаций здравоохранения дискуссионна.

2.3. Средние общеобразовательные школы (1–11 класс). Система школьной организации образования в России представлена четырьмя типами школьных организаций: начальная общеобразовательная школа (1–4 классы), старшая общеобразовательная школа (5–11 классы), основная общеобразовательная школа (1–9 классы), средняя общеобразовательная школа (1–11 класс). С точки зрения предложенной методики и выявления «опорного каркаса расселения», в населённом пункте должна быть либо средняя общеобразовательная школа, либо начальная и старшая общеобразовательные школы, чтобы охватывать период образования с 1 по 11 классы.

В Республике Чувашия осуществляют свою деятельность 449 школ, из которых:

- 281 средняя общеобразовательная школа;
- 109 основных общеобразовательных школ;
- 25 начальных общеобразовательных школ;
- 20 гимназий, лицеев, кадетских;
- 8 школ-интернатов;
- 6 специальных школ.

На рисунке 3 видно, что школьные организации равномерно распределены по территории Республики и обеспечивают возможность получения образовательных услуг в пределах 30-минутной транспортной доступности. Однако несмотря на их кажущуюся повсеместность, они представлены далеко не во всех населённых пунктах. В частности, 85 из 449 школ находятся в Чебоксарах. Так же, как и в случае с медучреждениями, создание школы в каждом малонаселённом пункте было бы избыточным.

2.4. Профессиональные образовательные организации.

Перечень объектов социальной инфраструктуры был сформирован исходя из критерия самодостаточности территории. «Опорный населённый пункт» должен предоставлять услуги социальной сферы своим жителям, а также жителям прилегающих населённых пунктов таким образом, чтобы минимизировать потребность в эмиграции. По мнению авторов, для того, чтобы заполнять сформированные рабочие места, необходимо, по крайней мере, наличие учреждения среднего профессионального образования. В противном случае, те, кто оканчивает 11 класс, вынуждены покинуть территорию и с большой вероятностью уже не вернуться.

Высшие учебные заведения Чувашии находятся только в административном центре – г. Чебоксары. Всего в Республике 27 учреждений среднего профессионального образования (колледжи, техникумы и училища), из которых:

- 14 находится в Чебоксарах;
- 3 – в Канаше;
- 2 – в Новочебоксарске;
- 2 – в Батыревском районе (с. Батырево и с. Шыгырдан);
- по одному – в г. Алатырь, пгт. Вурнары, г. Мариинский Посад, г. Цивильск, г. Шумерля и г. Ядрин.

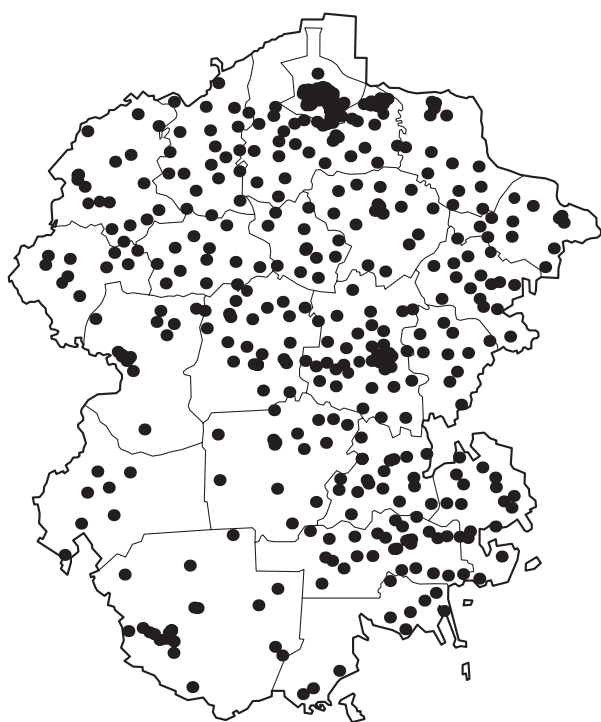

Рис. 3. Школьные образовательные организации
Fig. 3. School educational organizations

Образование в основном связано со строительством, технологическими специальностями, сельским хозяйством, транспортом, машиностроением, педагогикой, медициной, менеджментом, спортом. Также есть два религиозных училища (по одному для православных и мусульман). В отличие от медучреждений и школ, представленность учреждений среднего профессионального образования достаточно низкая. Видимо, это обусловлено малыми расстояниями и хорошей транспортной доступностью в регионе, однако это не умаляет значимость критерия в контексте исследования.

2.5. Учреждения культуры. Учреждения сферы культуры (досуга) должны быть представлены в каждом населённом пункте, претендующем на включение в «опорный каркас расселения». В их перечень могут быть включены различные учреждения, как муниципальной (государственной), так и частной форм собственности. Ограничимся двумя наиболее распространёнными, которые могут быть созданы и развиты за счёт бюджетных средств – библиотеки и музеи.

Библиотека для сельских территорий зачастую выполняет роль многофункционального общественно-культурного пространства, где проводятся официальные мероприятия и встречи жителей. В Чувашии насчитывается 538 би-

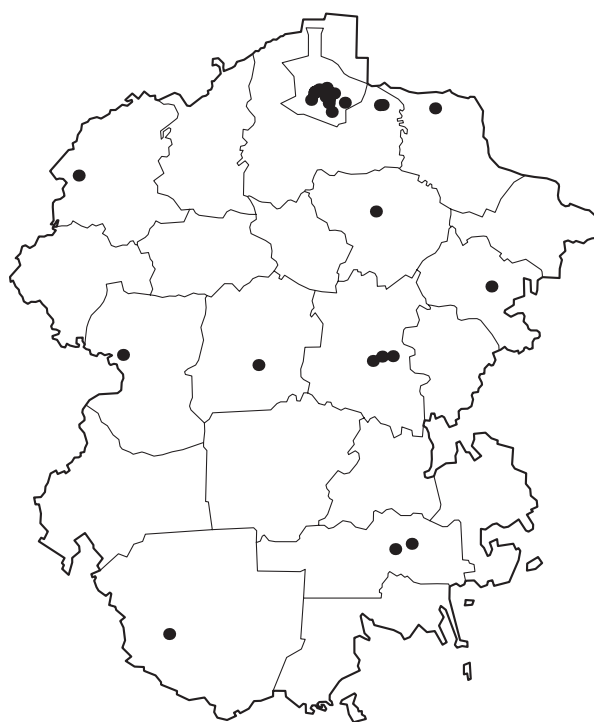

Рис. 4. Образовательные организации СПО
Fig. 4. Organizations of secondary vocational education

блиотек, из которых 23 находятся в Чебоксарах. Библиотеки равномерно распределены по территории Республики и обеспечивают доступ к услугам в пределах 30-минутной транспортной доступности для всего населения. Актуальным остаётся вопрос качественного состояния библиотек и их реального использования в соответствии с потребностями современного информационного общества. Однако нельзя не отметить, что Чувашия обладает выдающейся сетью библиотек, количество которых даже превышает количество школ. Возможно, что в некоторых случаях это избыточно и требует оптимизации.

Если говорить о музеях, то на территории Чувашии насчитывается 18 музейных организаций, из которых три находятся в Чебоксарах. Музеи, как и библиотеки, в современном мире выполняют роль не только сохранения культурно-исторического наследия территории, но также могут сочетать в себе функции многофункционального общественно-развлекательного центра, обеспечивающего проведения мероприятий для жителей близлежащих территорий в пределах 30-минутной транспортной доступности. Устойчивой зависимости между наличием или отсутствием тех или иных объектов социальной инфраструктуры (из исследуемого перечня) и динамикой численности населения не выявлено.

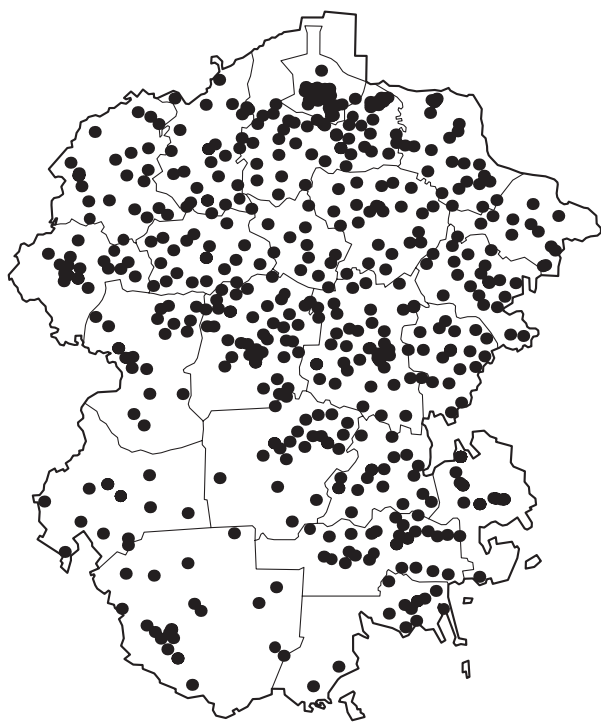

Рис. 5. Библиотеки
Fig. 5. Libraries

2.6. Учреждения массового спорта. Помимо учреждений культуры, к сфере досуга также относятся учреждения для занятий спортом. В России обычно выделяют учреждения «массового спорта» и «спорта высоких достижений». В контексте определения «опорных населённых пунктов» нас интересуют именно первые. Дискуссионным остаётся вопрос о том, какие именно учреждения данной категории остаются актуальными для сельских территорий. В малонаселённых пунктах не распространены фитнес-клубы и специальные спортивные стадионы, так как физический труд наполняет повседневную жизнь частных домохозяйств.

В данном исследовании в качестве спортивных учреждений были рассмотрены бассейны (рисунок 6), так как это объекты капитального строительства, которые выполняют незаменимую функцию в сфере поддержания здорового образа жизни.

На территории Чувашии 25 бассейнов, представленных в большинстве случаев физкультурно-спортивными комплексами, то есть включают дополнительные спортивные секции и сооружения. Средняя стоимость посещения бассейна в Чувашии:

- 102,6 руб. для взрослого (80–150 руб.),
- 60 руб. для ребёнка (35–100 руб.).

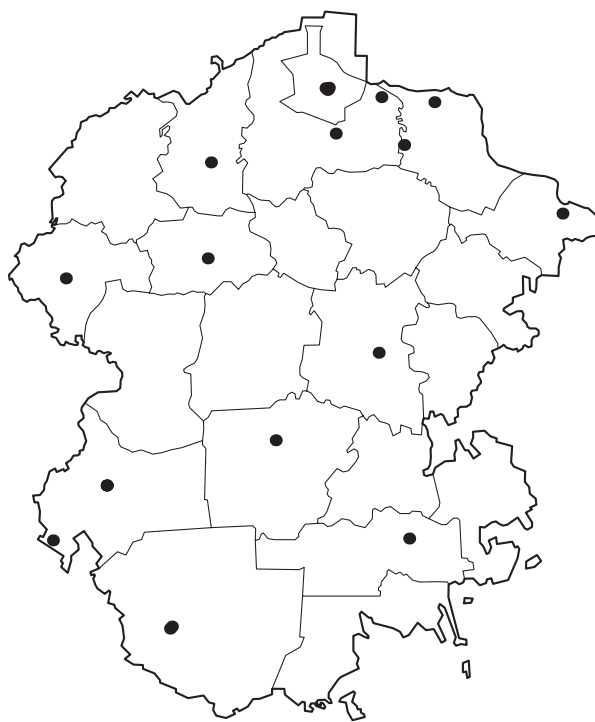

Рис. 6. Музеи
Fig. 6. Museums

Все бассейны соответствуют минимальным требованиям комфорта, оснащены раздевалкой, туалетом и осуществляют прокат инвентаря. При более подробном рассмотрении данных объектов выявлены диспропорции в их качественном наполнении, в частности:

- в трёх нет медицинских пунктов (с. Шихазаны, с. Моргауши, с. Порецкое);
- только в 16 из 25 есть доступ к Wi-Fi;
- только в 16 из 25 (других) есть точка питания.

В контексте данного исследования важно только принципиальное наличие или отсутствие бассейна в потенциальном «опорном населённом пункте», однако данная информация должна лечь в основу проекта по модернизации спортивных учреждений Республики.

2.7. Учреждения по предоставлению государственных и муниципальных услуг. В соответствии с современной парадигмой развития государственного и муниципального управления, концепциями «сервисного государства» и «одного окна», населению должны быть предоставлены государственные и муниципальные услуги в соответствующих учреждениях, а не только в электронном виде. Если для крупных городов речь идёт о многофункциональных центрах, то в малонаселённых территориях эти концеп-

ции находят своё отражение в деятельности местных администраций. На наиболее близком к населению уровне, местное самоуправление представлено администрациями городских и сельских поселений. На рисунке 8 представлена 291 администрация:

- 7 городских поселений;
- 284 сельских поселений.

Вся территория Республики равномерно покрыта сетью местных администраций, что позволяет предоставлять на их базе государственные и муниципальные услуги населению в пределах зон эффективной транспортной доступности. Однако, если рассматривать их именно как администрации, то есть органы местного самоуправления с собственным бюджетом, то их количество очевидно избыточно – на одно поселение в среднем приходится шесть населённых пунктов. Административное деление нуждается в оптимизации местных администраций.

Кроме того, демографически значимые процессы, такие как рождаемость, смертность, заключения браков, регистрируют органы записей актов гражданского состояния. По данной причине было решено также рассмотреть и их сеть в контексте выявления «опорного каркаса расселения» на рисунке 9. На территории Респу-

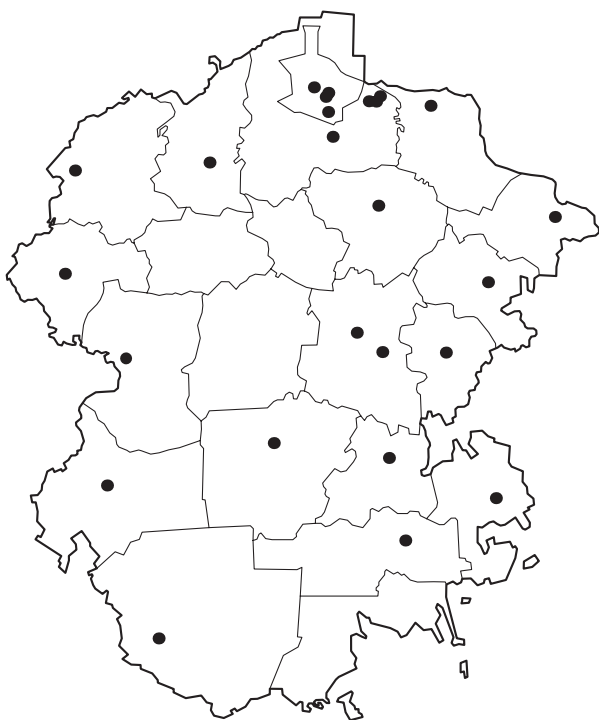

Рис. 7. Бассейны
Fig. 7. Swimming areas

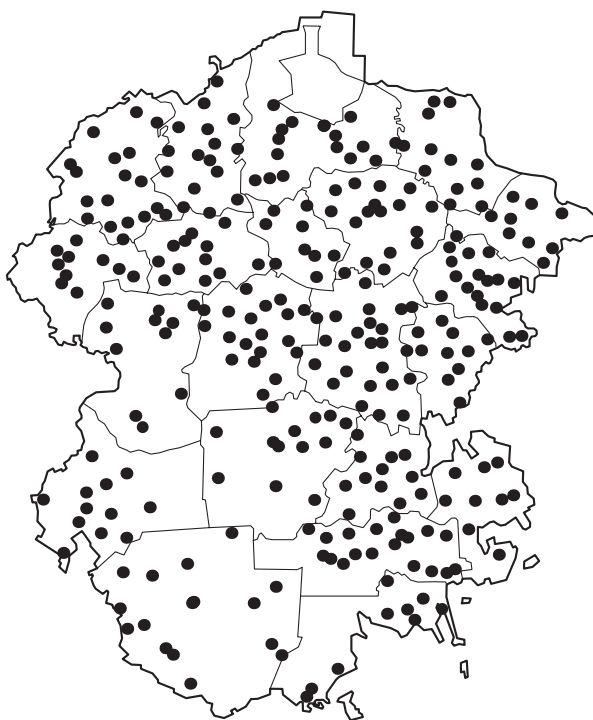

Рис. 8. Администрации сельских поселений
Fig. 8. Administrations of rural settlements

блики насчитывается 26 ЗАГСов, из которых четыре находятся в Чебоксарах. Определение расстановки органов ЗАГС осуществляется на основе численности населения и возможности обеспечения транспортной доступности до ближайший населённых пунктов, поэтому их расстановка во многом отражает видение наиболее значимых населённых пунктов территории со стороны органов государственного управления.

2.8. Учреждения дошкольного и дополнительного образования. Наличие детских садов является одним из обязательных критериев для современного перспективного населённого пункта. Учитывая выявленную ранее невысокую рождаемость, наличие или отсутствие учреждений дошкольного образования может стать причиной негативной демографической динамики – как сдерживания рождаемости, так и миграционного оттока. Данные об обеспеченности детскими садами были представлены в другом источнике⁷, но в рамках исследования были объединены с основной базой данных.

Всего на территории Чувашии представлено 347 дошкольных образовательных учреждений,

⁷ Открытые данные // Министерство цифрового развития, информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики. URL: <http://opendata.cap.ru/map> (дата обращения: 06.07.2023)

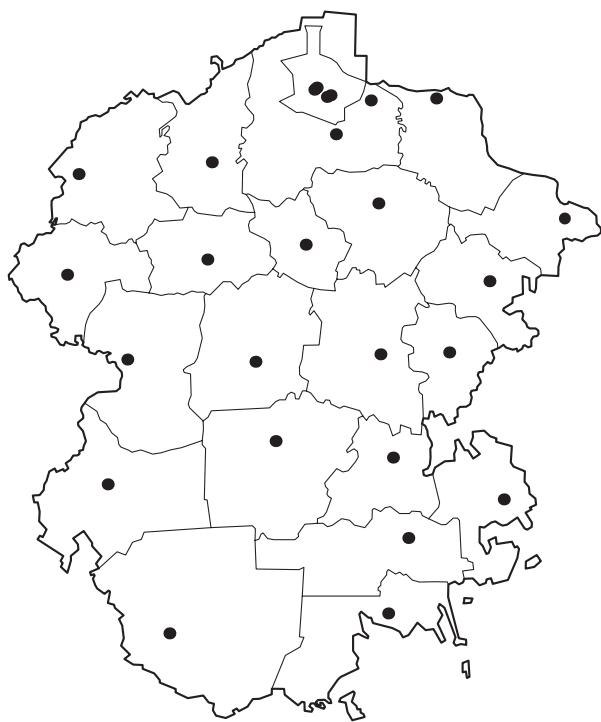

Рис. 9. Территориальные органы ЗАГС
Fig. 9. Territorial registry offices

из которых 5 – частные, остальные – муниципальные. 129 находятся в г. Чебоксары, ещё 27 – в Новочебоксарске. Территория Республики Чувашии значительно меньше обеспечена детскими садами, чем медучреждениями, школами и даже библиотеками. Предположительно, это связано с тем, что в сельской местности продолжают сохраняться традиционные уклады жизни и индивидуальное жилищное строительство, что обуславливает меньшую востребованность в детских садах, чем в городской местности.

Помимо названного, немаловажную роль в системе образования играют учреждения дополнительного образования. Объекты дополнительного образования представлены 312 учреждениями, подавляющее большинство из которых представлено центрами цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста», которые активно создавались по всей Чувашии с начала 2018 г. на базе уже существующих школьных учреждений в рамках реализации национального проекта «Образование».

Глубокий и многосторонний анализ инфраструктурной обеспеченности Чувашии показал, что она находится на достаточно высоком уровне. С одной стороны, школы и больницы есть в большинстве населённых пунктов, даже с крайне малой численностью населения. С другой стороны, из-за сравнительно небольшой площади Республики обеспечивается 30-минутная транспортная доступность до всех типов объектов инфраструктуры для всех жителей Чувашии. Синтез представленных в данном разделе данных, вкпе с представленным в настоящей статье демографическим анализом, является основой для формирования актуального и обоснованного перечня «опорных населённых пунктов» Чувашии.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Представленный в статье методический подход к анализу социально-демографических факторов формирования «опорного каркаса расселения» позволяет на основе открытых данных проанализировать систему расселения региона, выявить её сильные и слабые стороны, проследить динамику её трансформации и определить перспективы. Сильной стороной предложенного подхода является его универсальность в пределах субъектов РФ и возможность анализировать систему расселения на уровне населённых пунктов.

Данный методический подход не является единственным возможным, однако он позволяет определить наиболее перспективные населённые пункты, выявить диспропорции в их развитии и сформировать научно-обоснованные стратегии их модернизации. С управленческих позиций, подобный анализ позволяет взглянуть на региональную систему расселения на качественно новом уровне. Перечень социальной инфраструктуры позволяет определить, каких объектов капитального строительства в первую очередь не хватает на данной территории, а анализ демографических факторов позволяет сказать, имеет ли смысл их строительство с точки зрения перспектив демографического развития.

Предложенная в статье методика выявляет наиболее устойчивые населённые пункты, которые, помимо прочего, могут являться административными центрами муниципальных образований. Административно-территориальное деление субъекта РФ может быть модернизировано с использованием данных об «опорных населённых пунктах» таким образом, чтобы они стали административными центрами муниципальных районов и округов.

Анализ демографических факторов формирования «опорного каркаса расселения» Чува-

шии показал, что большинство малонаселённых пунктов имеет тенденцию к демографическому сжатию. Наиболее перспективными являются те, которые находятся в зоне агломерационного эффекта Чебоксарской агломерации. Население переселяется из малых сёл и деревень ближе к социально-экономическому центру территории. Таким образом, многовековая сеть населённых пунктов, подходящая в большей степени для сельского образа жизни, постепенно разрушается.

Анализ социальных факторов показал, что инфраструктурная обеспеченность Чувашской Республики находится на опережающем уровне. Перечень социально значимой инфраструктуры обширен и дополнится высокой транспортной доступностью (малым расстоянием между населёнными пунктами). В сложившейся ситуации можно заключить, что имеющаяся инфраструктура во многом избыточна, если рассматривать её вкуче с анализом демографических факторов.

Таким образом, «опорный каркас расселения» Чувашии стремительно трансформируется. Малонаселённые пункты вымирают, вместе с тем Чебоксарская агломерация разрастается не только с точки зрения численности населения, но и географически. Исследования соци-

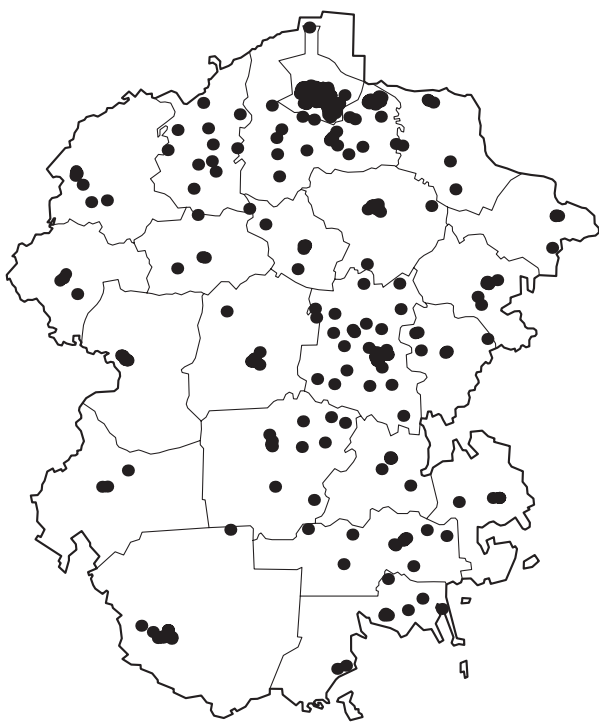

Рис. 10. Учреждения дошкольного образования
Fig. 10. Institutions of preschool education

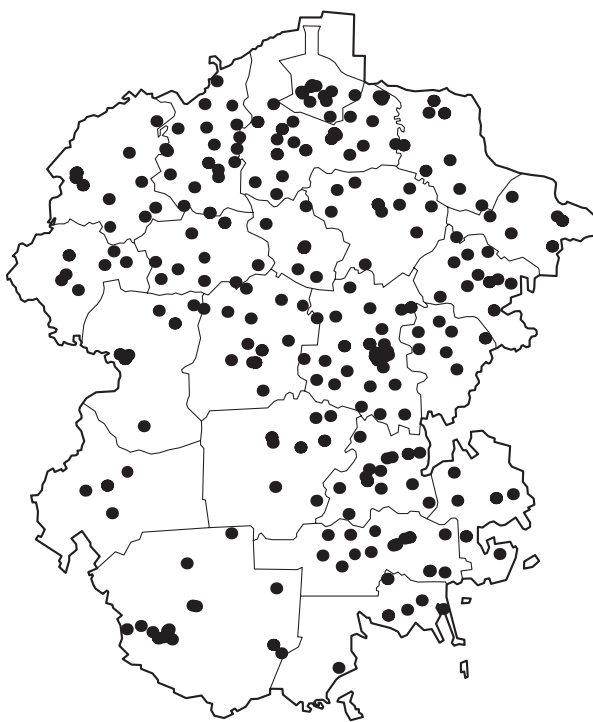

Рис. 11. Учреждения дополнительного образования
Fig. 11. Institutions of additional education

ально-демографических факторов формирования «опорного каркаса расселения» и управления данным процессом будут продолжены в направлениях более детального моделирования «опорного каркаса расселения» Чувашии, а так-

же в направлении апробации методического подхода на других субъектах РФ. Кроме того, исследования будут продолжены в рамках изучения механизмов финансирования программ модернизации социальной инфраструктуры. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- SCHMITZ, M. F., ARNAIZ-SCHMITZ, C., & SARMIENTO-MATEOS, P. (2021). High Nature Value Farming Systems and Protected Areas: Conservation Opportunities or Land Abandonment? A Study Case in the Madrid Region (Spain). *Land*, (10), Article 721. <https://doi.org/10.3390/land10070721>.
- WILKOSZ-MAMCARCZYK, M., OLCZAK, B., & PRUS, B. (2020). Urban Features in Rural Landscape: A Case Study of the Municipality of Skawina. *Sustainability*, 12, Article 4638. <https://doi.org/10.3390/su12114638>.
- SALVIA, R., CIVIDINO, S., SALVATI, L., & QUARANTA, G. (2020). From Rural Spaces to Peri-Urban Districts: Metropolitan Growth, Sparse Settlements and Demographic Dynamics in a Mediterranean Region. *Land*, 9, Article 200. <https://doi.org/10.3390/land9060200>.
- ROSNER, A., & WESOŁOWSKA, M. (2020). Deagrarianisation of the Economic Structure and the Evolution of Rural Settlement Patterns in Poland. *Land*, 9, Article 523. <https://doi.org/10.3390/land9120523>.
- ŻRÓBEK-RÓŻAŃSKA, A. (2020). Enclaves of Isolation and Neglect in Rural Areas. Evidence from North-Eastern Poland. *Land*, 9, Article 215. <https://doi.org/10.3390/land9070215>.
- COLANTONI, A., HALBAC-COTOARA-ZAMFIR, R., HALBAC-COTOARA-ZAMFIR, C., CUDLIN, P., SALVATI, L., & GIMENEZ MORERA, A. (2020). Demographic Resilience in Local Systems: An Empirical Approach with Census Data. *Systems*, (8), Article 34. <https://doi.org/10.3390/systems8030034>.
- KALINOWSKI, S., & ROSA, A. (2021). Sustainable Development and the Problems of Rural Poverty and Social Exclusion in the EU Countries. *European Research Studies Journal*, 24(2), 438–463. <https://doi.org/10.35808/ersj/2136>.
- ŚLUSARZ, G., GOŁĘBIEWSKA, B., CIERPIAŁ-WOLAN, M., TWARÓG, D., GOŁĘBIEWSKI, J., & WÓJCIK, S. (2021). The Role of Agriculture and Rural Areas in the Development of Autonomous Energy Regions in Poland. *Energies*, 14(13), Article 4033. <https://doi.org/10.3390/en14134033>.
- ILVITSKAYA, S., & ПРИНОДКО, V. (2018). Innovative technologies in the field of topography, land management, territorial planning, construction and architecture. In *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering* (Article 22030). <https://doi.org/10.1088/1757-899x/365/2/022030>.
- HALAMSKA, M., & STANNY, M. (2021). Temporal and spatial diversification of rural social structure: The case of Poland. *Sociologia Ruralis*, 61(3), 578–601. <https://doi.org/10.1111/soru.12341>.
- STYCH, P., KABRDA, J., BICIK, I., & LASTOVICKA, J. (2019). Regional Differentiation of Long-Term. *Land*, 8(11), Article 165. <https://doi.org/10.3390/land8110165>.
- ANTONIĆ, B., & DJUKIĆ, A. (2020). Environmentally-Friendly Planning for Urban Shrinkage. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 410(1), Article 012084. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/410/1/012084>.
- KOROBAYNIKOVA, A., DANILINA, N., & MAKISHA, N. (2021). Sustainable Development of the Slope. *Land*, 10(4), Article 354. <https://doi.org/10.3390/land10040354>.
- STANNY, M., KOMOROWSKI, Ł., & ROSNER, A. (2021). The Socio-Economic Heterogeneity of Rural Areas: Towards a Rural Typology of Poland. *Energies*, 14(16), Article 5030. <https://doi.org/10.3390/en14165030>.
- CÁRDENAS ALONSO, G., & NIETO MASOT, A. (2017). Towards Rural Sustainable Development? Contributions of the EAFRD 2007-2013 in Low Demographic Density Territories: The Case of Extremadura (SW Spain). *Sustainability*, 9(7), Article 1173. <https://doi.org/10.3390/su9071173>.
- PREVOLŠEK, B., MAKSIMOVIĆ, A., PUŠKA, A., PAŽEK, K., ŽIBERT, M., & ROZMAN, Č. (2020). Sustainable Development of Ethno-Villages in Bosnia and Herzegovina: A Multi Criteria Assessment. *Sustainability*, 12(4), Article 1399. <https://doi.org/10.3390/su12041399>.
- ФЕДОРОВ Г. М. Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России // *Балтийский регион*. 2014. № 2 (20). С. 7–28. DOI 10.5922/2074-9848-2014-2-1. EDN SFBMKN.
- БЕЗВЕРЬНЫЙ В. А., МИРЯЗОВ Т. Р. Депопуляция геостратегических территорий Российской

Федерации в зеркале пространственной демографии: теоретико-методологические аспекты // *Политическая наука*. 2022. № 4. С. 185–206. DOI 10.31249/poln/2022.04.09. EDN DSMFBV.

19. ЗУВАРЕВИЧ Н. В. Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2020. № 2 (46). С. 158–167. DOI 10.31737/2221-2264-2020-46-2-8. EDN DUITFM.

20. МАРКВАРТ Э., КИСЕЛЕВА Н. Н., СОСНИН Д. П. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // *Власть*. 2022. Т. 30, № 2. С. 95–111. DOI 10.31171/vlast.v30i2.8939. EDN UNFDYM.

21. НЕФЕДОВА Т. Г., ТРЕЙВИШ А. И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // *Демографическое обозрение*. 2020. Т. 7, № 2. С. 31–53. DOI 10.17323/demreview.v7i2.11138. EDN KXQEAW.

22. МАРКВАРТ Э., БЕЗВЕРВНЫЙ В. А., СИТКОВСКИЙ А. М. Пространственное сжатие территорий

Российской Федерации: понятие, критерии, система показателей // *Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии* / под ред. Д. П. Соснина. Москва : Издательский дом «Дело», 2021. С. 63–93. EDN UENFSM.

23. СИТКОВСКИЙ А. М. Методические аспекты развития малых центров социальных услуг муниципального образования // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2019. № 4 (29). С. 31–39. EDN ORLNRP.

24. СИТКОВСКИЙ А. М. Методика и практика формирования многоуровневой системы центров социальных услуг // *Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования*. 2019. № 1 (3). С. 48–62. EDN UABWKQ.

25. СИТКОВСКИЙ А. М. Система расселения Чувашской Республики: Чебоксарская агломерация // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. 2022. Т. 15, № 6. С. 189–203. DOI 10.17213/2075-2067-2022-6-189-203. EDN MXOUXL.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Козлова Ольга Анатольевна – доктор экономических наук, профессор; Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук — *руководитель Центра исследований социоэкономической динамики* (620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29); kozlova.oa@uiec.ru. AuthorID РИНЦ: 148806, ORCID: 0000-0002-0448-3519, ScopusID: 5805632300, ResearcherID: M-4659-2016.

Ситковский Арсений Михайлович – Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук — *младший научный сотрудник отдела геоурбанистики и пространственной демографии* (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); omnistat@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: 1012909, ORCID: 0000-0002-8725-6580, ScopusID: 57220956828, ResearcherID: AAG-1530-2021.

Статья поступила 11.07.2023; рецензия получена 14.07.2023; принята к публикации 02.08.2023.

METHODOLOGICAL APPROACH TO ANALYZING SOCIO-DEMOGRAPHIC FACTORS OF DEVELOPING THE FRAMEWORK OF SETTLEMENT PATTERN

O. A. Kozlova^a, A. M. Sitkovskiy^a

^a Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russia)

^a Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The settlement system is represented by settlements, each of which has certain socio-demographic characteristics. The change in these characteristics determines the dynamics and prospects for the entire settlement system development.

Materials and methods. The settlement system, exemplified by the Republic of Chuvashia, was analyzed. A database, characterizing socio-demographic state of Chuvashia settlements was formed. The study revealed that the settlement system of the Republic is a two-level one and is represented by the Cheboksary agglomeration and a network of settlements that are not part of it. A methodical approach to analyzing factors of the “framework of settlement pattern” development is proposed. It consists of an assessment of demographic processes at the level of regional settlements with their classification according to the rate of population growth or decline, as well as availability and quality of social infrastructure facilities, defining the level and quality of life in the given settlements, which together makes it possible to determine the prospects for their development. These socio-demographic factors were analyzed for the period of 2010–2020.

Results. “The demographic dynamics analysis” of the settlements of Chuvashia showed that in 76% of all settlements of the Republic the population is decreasing. A pattern is traced: an increase in the population in relatively large settlements and a decrease in smaller ones. The most positive dynamics is concentrated in the Cheboksary agglomeration and its periphery. The transformation of the settlement system can be described as “social aggregation of the population”, which occurs as a result of an objectively higher quality of life and a strong economy in larger settlements. The analysis is illustrated with a cartogram.

The proposed methodological approach involves the analysis of the population provision with social infrastructure in eight groups of indicators, determining its availability, quality state and spatial distribution in settlements. Each section is illustrated with a diagram. According to the population size and the atomized nature of the settlement system, the infrastructure provision of Chuvashia is assessed as high and in some cases, excessive.

Discussion. The socio-demographic factors can be used to analyze the settlement system and to develop a “framework of settlement pattern”. The method of the “framework of settlement pattern” analysis presented in the article, based on the example of the Republic of Chuvashia, can serve as a tool for making informed management decisions about the priorities development to finance and modernize the nodal points. This approach will allow for a situation of “managed compression” and provide the vast majority of the regional population with high-quality social services.

KEYWORDS: population, settlement system, demographic factors, social factors, stronghold points.

FOR CITATION: Kozlova, O. A., & Sitkovskiy, A. M. (2023). Methodological approach to analyzing socio-demographic factors of developing the framework of settlement pattern. *Management Issues*, 17(4), 33–52. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-33-52.

REFERENCES

1. SCHMITZ, M. F., ARNAIZ-SCHMITZ, C., & SARMIENTO-MATEOS, P. (2021). High Nature Value Farming Systems and Protected Areas: Conservation Opportunities or Land Abandonment? A Study Case in the Madrid Region (Spain). *Land*, (10), Article 721. <https://doi.org/10.3390/land10070721>.
2. WILKOSZ-MAMCARCZYK, M., OLCZAK, B., & PRUS, B. (2020). Urban Features in Rural Landscape: A Case Study of the Municipality of Skawina. *Sustainability*, 12, Article 4638. <https://doi.org/10.3390/su12114638>.
3. SALVIA, R., CIVIDINO, S., SALVATI, L., & QUARANTA, G. (2020). From Rural Spaces to Peri-Urban Districts: Metropolitan Growth, Sparse Settlements and Demographic Dynamics in a Mediterranean Region. *Land*, 9, Article 200. <https://doi.org/10.3390/land9060200>.
4. ROSNER, A., & WESOŁOWSKA, M. (2020). Deagrarianisation of the Economic Structure and the Evolution of Rural Settlement Patterns in Poland. *Land*, 9, Article 523. <https://doi.org/10.3390/land9120523>.
5. ŻRÓBEK-RÓŻAŃSKA, A. (2020). Enclaves of Isolation and Neglect in Rural Areas. Evidence from North-Eastern Poland. *Land*, 9, Article 215. <https://doi.org/10.3390/land9070215>.
6. COLANTONI, A., HALBAC-COTOARA-ZAMFIR, R., HALBAC-COTOARA-ZAMFIR, C., CUDLIN, P., SALVATI, L., & GIMENEZ MORERA, A. (2020). Demographic Resilience in Local Systems: An Empirical Approach with Census Data. *Systems*, (8), Article 34. <https://doi.org/10.3390/systems8030034>.
7. KALINOWSKI, S., & ROSA, A. (2021). Sustainable Development and the Problems of Rural Poverty and Social Exclusion in the EU Countries. *European Research Studies Journal*, 24(2), 438–463. <https://doi.org/10.35808/ersj/2136>.
8. ŚLUSARZ, G., GOŁĘBIEWSKA, B., CIERPIAŁ-WOLAN, M., TWARÓG, D., GOŁĘBIEWSKI, J., & WÓJCIK, S. (2021). The Role of Agriculture and Rural Areas in the Development of Autonomous Energy Regions in Poland. *Energies*, 14(13), Article 4033. <https://doi.org/10.3390/en14134033>.
9. ILVITSKAYA, S., & PRIHODKO, V. (2018). Innovative technologies in the field of topography, land management, territorial planning, construction and architecture. In *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering* (Article 22030). <https://doi.org/10.1088/1757-899x/365/2/022030>.
10. HALAMSKA, M., & STANNY, M. (2021). Temporal and spatial diversification of rural social structure: The case of Poland. *Sociologia Ruralis*, 61(3), 578–601. <https://doi.org/10.1111/soru.12341>.
11. STYCH, P., KABRDA, J., BICIK, I., & LASTOVICKA, J. (2019). Regional Differentiation of Long-Term. *Land*, 8(11), Article 165. <https://doi.org/10.3390/land8110165>.
12. ANTONIĆ, B., & DJUKIĆ, A. (2020). Environmentally-Friendly Planning for Urban Shrinkage. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 410(1), Article 012084. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/410/1/012084>.
13. KOROBENNIKOVA, A., DANILINA, N., & MAKISHA, N. (2021). Sustainable Development of the Slope. *Land*, 10(4), Article 354. <https://doi.org/10.3390/land10040354>.
14. STANNY, M., KOMOROWSKI, Ł., & ROSNER, A. (2021). The Socio-Economic Heterogeneity of Rural Areas: Towards a Rural Typology of Poland. *Energies*, 14(16), Article 5030. <https://doi.org/10.3390/en14165030>.
15. CÁRDENAS ALONSO, G., & NIETO MASOT, A. (2017). Towards Rural Sustainable Development? Contributions of the EAFRD 2007-2013 in Low Demographic Density Territories: The Case of Extremadura (SW Spain). *Sustainability*, 9(7), Article 1173. <https://doi.org/10.3390/su9071173>.
16. PREVOLŠEK, B., MAKSIMOVIĆ, A., PUŠKA, A., PAŽEK, K., ŽIBERT, M., & ROZMAN, Č. (2020). Sustainable Development of Ethno-Villages in Bosnia and Herzegovina: A Multi Criteria Assessment. *Sustainability*, 12(4), Article 1399. <https://doi.org/10.3390/su12041399>.
17. FEDOROV, G. M. (2014). Current issues in the geodemographic studies in Russia. *Baltiiskii Region*, (2), 7–28. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-2-1>.
18. BEZVERBNY, V. A., & MIRYAZOV, T. R. (2022). Depopulation of geostrategic territories of the Russian Federation in the mirror of spatial demography. *Political Science*, (4), 185–206. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.09>.
19. ZUBAREVICH, N. V. (2020). Opportunities and limitations of quantitative assessment of factors of the Russian regions' economic development. *Journal of the New Economic Association*, (2), 158–167. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-8>.
20. MARKWART, E., KISELEVA, N. N., & SOSNIN, D. P. (2022). The system of central (reference) settlements as a management tool: Theoretical and practical aspects. *Power*, 30(2), 95–111. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8939>.

21. NEFEDOVA, T. G., & TREIVISH, A. I. (2020). Polarization and shrinkage of active space in the core of Russia: Trends, problems and possible solutions. *Demographic Review*, 7(2), 31–53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>.

22. MARKWART, E., BEZVERBNY, V. A., & SITKOVSKY, A. M. (2021). Spatial compression of the territories of the Russian Federation: Concept, criteria, system of indicators. In D. P. Sosnin (Ed.) *Cities of the future: Spatial development, participatory governance and creative industries* (pp. 63–93). Publishing house “Delo”. <https://elibrary.ru/uensfm>.

23. SITKOVSKY, A. M. (2019). Methodological aspects of the development of small centers of social ser-

vices of the municipality. *Municipality: Economy and Management*, (4), 31–39. <https://elibrary.ru/orlnrp>.

24. SITKOVSKY, A. M. (2019). Methodology and practice of forming a multi-level system of centers of social services. *Scientific Yearbook of the Center for Analysis and Forecasting*, (1), 48–62. <https://elibrary.ru/uabwkq>.

25. SITKOVSKY, A. M. (2022). Settlement system of the Chuvash Republic: Cheboksar agglomeration. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 15(6), 189–203. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-189-203>.

AUTHORS' INFORMATION:

Olga A. Kozlova – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences — *head of the Center for Research on Socioeconomic Dynamics* (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russia); kozlova.aa@uiec.ru. RSCI AuthorID: 148806, ORCID: 0000-0002-0448-3519, ScopusID: 5805632300, ResearcherID: M-4659-2016.

Arseniy M. Sitkovskiy – Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences — *junior researcher of the Department of Geo-urban Studies and Spatial Demography* (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); omnistat@yandex.ru. RSCI AuthorID: 1012909, ORCID: 0000-0002-8725-6580, ScopusID: 57220956828, ResearcherID: AAG-1530-2021.

The article was submitted 07/11/2023; reviewed 07/14/2023; accepted for publication 08/02/2023.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ФУНКЦИЙ В ОТПУСКЕ ПО УХОДУ ЗА РЕБЁНКОМ: ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

А. В. Нешатаев^а, Н. Д. Бледнова^а, А. П. Багирова^а

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В последние десятилетия в России наблюдается устойчивое снижение рождаемости, несмотря на внедрение новых экономических мер, направленных на поддержку семей с детьми. По мнению исследователей, негативные репродуктивные установки могут быть обусловлены вероятностью возникновения конфликта между семьей и работой, с которым сталкиваются семьи после рождения ребенка. Одной из мер российской демографической политики, направленной на смягчение этого конфликта, может стать регулирование отпусков по уходу за ребенком. Несмотря на то, что российское трудовое законодательство позволяет использовать отпуск по уходу за ребенком не только матери, но и отцу или другому родственнику ребенка, этим правом чаще всего пользуются именно матери. Продолжительное отсутствие на рынке труда может провоцировать трудности, с которыми сталкиваются женщины при возвращении на работу. В результате у родителей возникает потребность в делегировании родительских функций другим субъектам – бабушкам и дедушкам, дядям и тетям, няням или бебиситтерам. Цель исследования заключается в определении возможностей трансформации системы родительских отпусков как меры демографической политики на основе социологических оценок делегирования родительских функций неродителям в период отпуска по уходу за ребенком.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования послужил опрос родителей, чьи семьи на момент исследования обладали правом на отпуск по уходу за ребенком. Опрошено 1000 человек, проживающих в разных федеральных округах России.

Результаты. Выявлено слабое участие других субъектов в реализации родительских функций до достижения ребенком возраста 1,5 лет при наличии потребности в увеличении нагрузки бабушек и дедушек в этот период. Кроме того, прослеживается необходимость в делегировании части хозяйственно-бытовых функций няням и другим родственникам ребенка.

Обсуждение. Нивелированию конфликта между семьей и работой среди работающих родителей может способствовать сразу несколько инструментов – стимулирование более активного участия неродителей в процессе ухода за детьми (например, внедрение декретных отпусков для неработающих бабушек и дедушек или материальная компенсация их затрат, связанных с уходом за детьми); возможность использования отпуска по уходу за ребенком двумя членами семьи одновременно при условии уменьшения продолжительности отпуска; активная работа с населением, направленная на информирование о существующих мерах поддержки семей с детьми.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: отпуск по уходу за ребенком, родительский труд, субъекты родительского труда, родственники, бабушки и дедушки, няни, конфликт «семья-работа», семейная политика, демографическая политика.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01847 (<https://rscf.ru/project/22-28-01847>).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нешатаев А. В., Бледнова Н. Д., Багирова А. П. Делегирование родительских функций в отпуске по уходу за ребёнком: возможности трансформации // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 4. С. 54-67. EDN YIRHEV. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-54-67.

■ ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия демографическая ситуация в России характеризуется рядом негативных тенденций – повышением среднего возраста рождения детей, сокращением уровня рождаемости, распространением социальных норм малодетности и бездетности. Негативные репродуктивные установки могут быть обусловлены необходимостью одновременного совмещения женщинами родительских и профессиональных функций. После рождения детей матери могут сталкиваться с так называемыми «motherhood penalties» (дословно – «наказание за материнство») – снижением уровня дохода, трудовой дискриминацией по признаку семейного положения, высоким уровнем физического и эмоционального напряжения [1, с. 1288]. Потенциальные издержки, связанные с материнством, зачастую приводят к тому, что молодые девушки отдают предпочтение профессионально-образовательной жизненной стратегии, нежели деторождению. По этой причине поиск новых механизмов государственной демографической политики, способных смягчить конфликт между семьей и работой, становится особенно актуальным.

В качестве одного из таких инструментов может рассматриваться отпуск по уходу за ребенком, призванный обеспечить сохранение рабочего места и заработной платы за сотрудником, который вынужден сделать перерыв в работе, чтобы уделить время семье и детям. Регулирование отпуска по уходу за ребенком потенциально является одной из административно-организационных мер демографической политики, которым в нашей стране пока уделяется гораздо меньше внимания, нежели мерам материального характера. Между тем потенциал государственного регулирования отпуска по уходу за ребенком, как меры демографической политики (и всей системы родительских отпусков), представляется достаточно широким – от повышения гибкости отпусков до изменения их продолжительности. Гибкость может, например, предполагать возможность выбора времени отпуска, совме-

щения отпуска, взятого разными членами семьи, вариации выбора между продолжительностью отпуска и суммой пособий и т.д.

Несмотря на то, что в России правом на отпуск по уходу за ребенком, согласно трудовому законодательству, может воспользоваться не только мать, но и отец или другой родственник ребенка, чаще всего этим правом пользуется именно женщина. Круг родственников, которые обладают потенциальным правом на родительский отпуск, ограничен: воспользоваться отпуском могут лишь трудоустроенные родственники. Исключение матерей из профессиональной среды на продолжительное время может провоцировать ряд проблем, с которыми сталкиваются после выхода из декретного отпуска прежде всего женщины – трудности адаптации на рабочем месте, ухудшение отношений с работодателем, вероятность понижения уровня заработка [2, с. 162].

В условиях конкурентного рынка труда женщины вынуждены возвращаться к работе, не используя отпуск в полной мере, а значит, жертвовать частью своего времени, предназначенного для семьи и детей, ради выполнения профессиональных задач и демонстрации собственной ценности как сотрудника. При этом, несмотря на активную занятость на рынке труда, женщины по-прежнему продолжают выполнять основной объем домашней нагрузки [3, с. 51].

Многие страны в рамках государственного регулирования семейно-демографической сферы повышают гибкость системы отпусков. Так, предпринимаются меры, направленные на повышение вовлеченности отцов в процесс воспитания детей. Например, в 1993 г. в Норвегии была впервые введена так называемая «отцовская квота» (*daddy quota*) – период во время родительского отпуска, предназначенный исключительно для отцов [4, с. 190]. Чуть позже эту практику переняли другие скандинавские страны: Швеция, Исландия и Финляндия. Особенность отцовской квоты заключается в невозможности ее делегирования матери ребенка. В случае неиспользования отцовской квоты семья теряет

не только дни отпуска, но и родительские пособия, которые выплачиваются в этот период. В ряде стран, помимо отцовских квот, существуют отцовские отпуска – отдельный вид родительского отпуска, которым может воспользоваться отец после рождения ребенка. Такие отпуска есть во многих странах Европы, например, во Франции, Болгарии, Испании, Эстонии, Греции, Италии и пр. [5]. Считается, что отцовские отпуска являются одним из действенных инструментов формирования гендерного равенства. По мнению исследователей, вовлечение отцов в реализацию домашних и родительских обязанностей оказывает положительное влияние не только на матерей и детей, но и на самих отцов: у них повышается уровень родительской ответственности и формируется позитивное отношение к семье [6, с. 29].

Консервативные установки относительно роли мужчины и женщины в семье ограничивают возможности реформирования семейной политики и системы родительских отпусков¹. В России, однако, эти установки по-прежнему сильны – традиционные семейные ценности транслируются на уровне права и культуры [7, с. 123]. Как правило, в отечественной культуре мужчинам отводится роль хозяина и добытчика, а женщинам – роль матери и домохозяйки. Из-за привычного убеждения в том, что матери лучше справляются с родительскими обязанностями, многие женщины сами ограничивают участие отцов в воспитании детей [8, с. 127]. Кроме того, многие отцовские сообщества продвигают модели поведения, основанные на традиционном распределении ролей [9, с. 50].

Существует и другая точка зрения. Как отмечают исследователи, традиционные гендерные установки относительно роли мужчины и женщины постепенно уходят в прошлое – наступающая информационно-технологическая эпоха характеризуется распространением эгалитарных взглядов на организацию семейно-брачных отношений [10, с. 184]. Сегодня молодые девушки чаще всего не готовы принять на себя однозначную роль матери и домохозяйки. Более того, они ожидают от мужчин ответственного и равного участия в осуществлении домашних и родительских функций [11, с. 12].

Гендерный дисбаланс в распределении домашних и родительских обязанностей между супругами приводит к повышению уровня конфликта «семья-работа» среди женщин. Поскольку конфликт носит деструктивный характер, женщины могут сталкиваться с рядом негативных последствий – ухудшением морального и физического состояния, повышением уровня родительской напряженности, снижением работоспособности и пр. [12, с. 212]. Двойная занятость провоцирует нехватку временных и физических ресурсов. Поскольку снижение профессиональной нагрузки не всегда представляется возможным, у женщин возникает потребность в высвобождении времени, затрачиваемого на реализацию домашних и родительских функций [13, с. 255]. По этой причине матери, занятые на рынке труда, могут делегировать свои родительские обязанности другим субъектам.

Родительские функции могут быть реализованы субъектами, не являющимися родителями ребенка – например, суррогатными матерями, приемными родителями, бабушками и дедушками, работниками, занятыми в сфере обеспечения ухода и воспитания детей [14, с. 294]. С. В. Черешова выделяет ключевые мотивы участия субъектов делегированного родительского труда в уходе за детьми. Среди них – любовь, общественной долг, личный долг, изменение социального статуса, материальная выгода, компенсация нереализованных амбиций [15, с. 137]. Е. В. Сивак отмечает, что предпосылки для роста спроса на услуги ухода за детьми внесемейными субъектами родительского труда формируются особенностями современного материнства. «Компетентность» родителя определяется объемами временных и финансовых инвестиций в воспитание детей – в результате для поддержания своего имиджа родитель делегирует свои родительские функции няням и беби-ситтерам [16, с. 304]. М. А. Романовская выделяет несколько причин передачи части родительских функций няням и воспитателям. В частности, к ним относятся желание матерей продолжать карьеру, ожидание успехов ребенка, игнорирование собственных детей и полное нежелание выполнять свои родительские функции [17, с. 49]. По мнению М. М. Пшеничниковой, делегирование родительских функций может способствовать получению более качественного результата родительского труда [18, с. 27].

¹ Dohotariu, A. (2015). Family policies, gendered norms, and cultural meanings in post-communist Romania. *Analele Universității București, Științe Politice*, 17(1), 119–137.

Зарубежные исследования, посвященные участию неродителей в уходе за детьми, показывают, что привлечение воспитателей и нянь к осуществлению родительского труда улучшает когнитивно-лингвистические показатели ребенка в течение первых трех лет его жизни [19, с. 100]. Дети, которые находятся под присмотром лиц, оказывающих услуги по уходу за детьми, обладают более развитыми навыками взаимодействия со сверстниками [20, с. 271]. Кроме того, дети, которые посещают детские центры и иные специализированные учреждения по уходу за детьми, в меньшей степени склонны к ожирению [21].

Несмотря на активное развитие услуг по уходу за детьми, бабушки и дедушки остаются наиболее востребованными субъектами делегированного родительского труда. Бабушки и дедушки участвуют в процессе воспитания внуков, оказывают им эмоциональную и финансовую поддержку, организуют их досуг, занимаются их образованием и передают свой жизненный опыт [22, с. 875]. Помощь бабушек и дедушек освобождает родителей от необходимости обращаться к няням и бебиситтерам, оберегая их от дополнительных финансовых трат [23, с. 799]. Кроме того, вовлечение дедушек и бабушек в родительский труд позволяет матерям активнее участвовать в профессиональной сфере [24, с. 234].

Отметим, что ближайшие родственники, в том числе бабушки и дедушки ребенка, не всегда являются наиболее предпочтительными субъектами делегированного родительского труда для самих родителей. Исследование Я. Я. Козьминой продемонстрировало, что каждая четвертая мать ограничивает времяпровождение детей с родственниками по причине разногласий, связанных с вопросами воспитания детей [25, с. 77]. Е. А. Здравомыслова отмечает, что молодые родители предпочитают пользоваться услугами нянь, поскольку выполняемая бабушками и дедушками домашняя работа способствует усилению власти старшего поколения в семье – молодые семьи стремятся этого избежать [26, с. 131].

Несмотря на существование ряда исследований, посвященных участию различных субъектов родительского труда и мотивам его делегирования неродителям, вопрос их участия в процессе воспитания детей в период родительских отпусков остается неизученным.

Цель нашего исследования заключается в определении степени вовлеченности неродителей (бабушек, дедушек, дядь, тетей, других родственников, няни и других работников, занятых в сфере обеспечения ухода и воспитания детей) в процесс ухода за детьми в период отпуска по уходу за ребенком для выявления возможностей трансформации российской системы родительских отпусков.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирической базой исследования послужил опрос родителей, проведенный в мае–июне 2022 г. Были опрошены респонденты, чьи семьи на момент проведения исследования обладали правом на отпуск по уходу за ребенком. Размер выборочной совокупности составил 1000 человек. Квоты были установлены пропорционально численности населения в федеральных округах РФ (табл. 1).

Для опроса мы воспользовались возможностями онлайн-панелей, которые реализуют целый ряд процедур для повышения надежности собираемых данных (анализ времени заполнения анкет, исключение противоречивости ответов в логически связанных вопросах, анализ ответов на вопросы-ловушки, оценка линейности заполнения табличных вопросов и др.).

Исследовательские вопросы работы таковы:

1. Кто из членов семьи чаще всего использует отпуск по уходу за ребенком?
2. Как выглядит распределение домашней и родительской нагрузки между субъектами родительского труда в период отпуска по уходу за ребенком?
3. Как выглядит идеальное распределение домашней и родительской нагрузки между субъектами родительского труда в период отпуска по уходу за ребенком?
4. Каков уровень удовлетворенности российских родителей распределением нагрузки между субъектами родительского труда в период отпуска по уходу за ребенком?
5. Какие функции осуществляются преимущественно неродителями в период отпуска по уходу за ребенком?
6. Каковы различия между реальным и идеальным распределением функций, осуществляемых преимущественно неродителями в период отпуска по уходу за ребенком?
7. Каково отношение родителей к делегированию части родительского труда неродителям – бабушкам и дедушкам, няням и бебиситтерам?

Таблица 1 — Распределение квот выборочной совокупности**Table 1** — Sample quota distribution

Федеральный округ	Кол-во респондентов, чел.	Доля, %
Центральный	269	27
Северо-Западный	96	10
Южный	113	11
Северо-Кавказский	69	7
Приволжский	198	20
Уральский	84	8
Сибирский	115	12
Дальневосточный	56	6
Всего	1000	100

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

В подавляющем большинстве случаев отпуск по уходу за ребенком используется матерью ребенка (96,7 %) среди опрошенных респондентов. Такое распределение наглядно иллюстрирует факт, что использование отпуска по уходу за ребенком в России является прерогативой матери. Среди крайне редко фигурирующих в ответах иных родственников упоминались только бабушки по материнской линии. О том, что бабушки по материнской линии являются вторыми по популярности субъектами, использующими отпуск по уходу за ребенком, свидетельствуют результаты более ранних исследований. Исследование уральских ученых продемонстрировало, что родители чаще готовы делегировать право на использование декретного отпуска бабушке со стороны матери, а не отцу или дедушке ребенка – такую позицию высказали более половины респондентов. С одной стороны, женщины в большей степени доверяют своим матерям, поэтому чаще обращаются за их помощью. С другой стороны, традиционно именно бабушки, а не дедушки в большей степени вовлечены в процесс воспитания внуков, поскольку считается, что они обладают более глубокими знаниями и родительскими компетенциями [27, с. 129].

Мы попросили респондентов распределить объемы родительской нагрузки между членами семьи таким образом, чтобы в сумме получилось 100 %. В среднем почти 90 % нагрузки приходится на родителей ребенка. По оценкам опрошенных респондентов, общий вклад бабушек и дедушек в реализацию родительских функций составляет около 9 %. Участие в процессе ухода за детьми других субъектов (иных родственни-

Таблица 2 — Распределение объемов родительской и домашней нагрузки между субъектами родительского труда в период отпуска по уходу за ребенком, %**Table 2** — Distribution of parental and domestic workload between the subjects of parental labor during parental leave, %

Член семьи	Доля респондентов, указавших ненулевой объем нагрузки, %	Доля, %			
		средн.	мин.	макс.	станд.-отклон.
Мать ребенка	99,4	67,90	70	100	17,28
Отец ребенка	95,2	20,83	20	100	12,56
Бабушки и дедушки	83,6	8,92	7	100	9,82
Другие родственники	31,6	2,01	0	100	5,05
Няня	4,4	0,34	0	35	2,06

Таблица 3 — Желаемое распределение объемов родительской и домашней нагрузки между субъектами родительского труда в период отпуска по уходу за ребенком, %**Table 3** — Desired distribution of parental and domestic workload between the subjects of parental labor during parental leave, %

Член семьи	Доля респондентов, указавших ненулевой объем нагрузки, %	Доля, %			
		средн.	мин.	макс.	станд.-отклон.
Мать ребенка	99,8	50,76	50	100	13,24
Отец ребенка	97,9	33,07	30	100	10,44
Бабушки и дедушки	87,1	12,32	10	100	8,62
Другие родственники	32,0	2,52	0	30	4,70
Няня	12,6	1,33	0	40	4,39

ков и нянь) является незначительным. При этом к услугам нянь прибегают лишь 4,4 % семей. Напротив, помощь других родственников является более востребованной среди родителей – практически каждый третий респондент отметил их вклад (хоть и незначительный) в реализацию функций по уходу за детьми (табл. 2).

Мы попросили родителей представить идеальное распределение объемов родительской нагрузки между членами семьи. Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии потребности родителей в дополнительной помощи со стороны других родственников. Тем не менее почти 13 % опрошенных хотели бы делегировать няням часть родительской нагрузки (табл. 3). Половина из этих респондентов предпочли бы передать няням 10 % нагрузки, связанной с уходом за детьми, в период декретного отпуска.

Таблица 4 — Различия между фактическим и желаемым распределением объемов родительской и домашней нагрузки между субъектами родительского труда в период отпуска по уходу за ребенком

Table 4 — Differences between the actual and desired distribution of parental and domestic workloads between the subjects of parental labor during parental leave

Член семьи	Разница между ненулевой оценкой фактической нагрузки и ненулевой оценкой желаемой нагрузки субъектов родительского труда, %	Разница между фактическим и желаемым распределением нагрузки, %	
		в средних оценках	в медианных оценках
Мать ребенка	-0,4	-17,1	-20,0
Отец ребенка	+2,7	+12,2	+10,0
Бабушки и дедушки	+3,5	+3,4	+3,0
Другие родственники	+0,4	+0,5	0,0
Няня	+8,2	+1,0	0,0

Различия между фактическими и желаемыми объемами родительской и домашней нагрузки свидетельствуют о том, что российские родители стремятся к снижению материнской нагрузки и перераспределению части функций, возлагаемых на мать ребенка, среди других членов семьи. В первую очередь эта нагрузка должна быть делегирована отцу как второму родителю (в среднем на 12,2 % больше фактического участия). Также опрошенные родители демонстрируют потребность в более активном участии бабушек и дедушек в процессе воспитания детей (в среднем +3,5% к существующей нагрузке) и нянь (+8,2%) (таблица 4).

В ходе исследования было выявлено, что практически каждый третий родитель (37,6 %) не удовлетворен текущим распределением родительской нагрузки между членами семьи. Самая распространенная причина неудовлетворенности связана со слабым вовлечением отцов в процесс воспитания детей (рис. 1), другая ве-

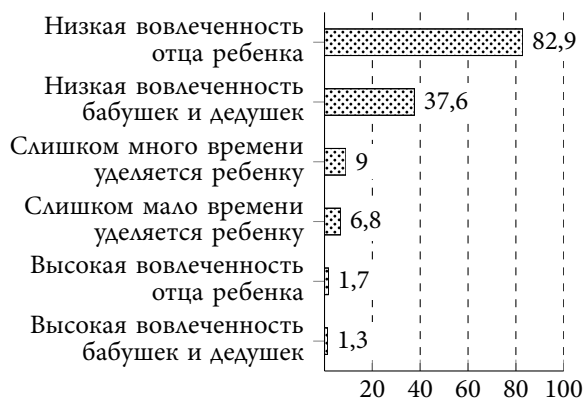

Рис. 1. Причины неудовлетворенности распределением родительской нагрузки (% от количества родителей, неудовлетворенных сложившейся нагрузкой)
Fig. 1. Reasons for dissatisfaction with the distribution of parental workload (% of the number of parents dissatisfied with the existing workload)

сомая популярная причина – низкая вовлеченность бабушек и дедушек в реализацию родительских функций.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что лишь в 5 % семей родительские функции выполняются преимущественно неродителями. Чаще всего им делегируются родительские функции, связанные с организацией досуга детей: например, чтение книг (4,6 %), занятия физкультурой (4,5 %) и посещение досуговых учреждений (4,1 %). Реже всего лечение (1,6 %), обучение (1,9 %) и гигиена (2 %) (рис. 2).

Несмотря на то, что каждый третий родитель, не удовлетворенный распределением родительской нагрузки между членами семьи, связывает это с низкой вовлеченностью бабушек и дедушек в процесс воспитания детей, идеальное

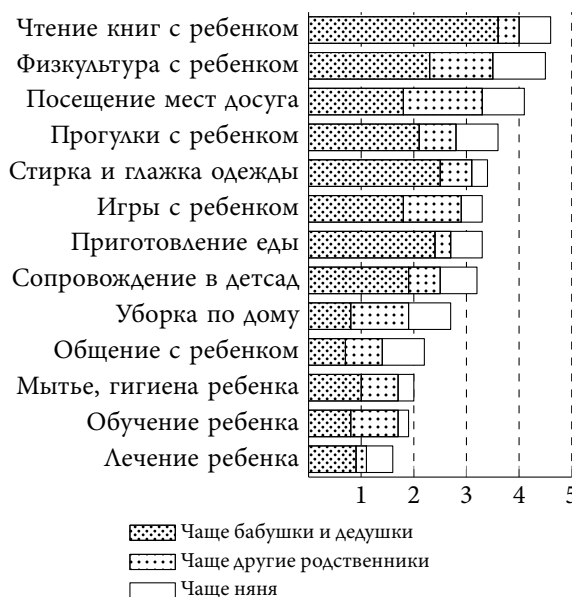

Рис. 2. Родительские функции, выполняемые преимущественно неродителями, %
Fig. 2. Parental functions performed mainly by non-parents, %

Таблица 5 — Степень согласия респондентов с высказываниями, касающихся участия неродителей в уходе и воспитания детей (1 – совершенно не согласен, 5 – совершенно согласен)

Table 5 — The degree of agreement of respondents with statements regarding the participation of non-parents in the care and upbringing of children (1 - completely disagree, 5 - completely agree)

Член семьи	Степень согласия с высказываниями			
	среднее	медиана	мода	стандартное отклонение
Если у семьи есть возможность, лучше воспользоваться услугами няни, а родители должны строить карьеру	2,29	2,00	2	1,121
Родители должны самостоятельно воспитывать ребенка, по возможности не привлекая для этого няню, поскольку она – это неродной ребенку человек	3,56	4,00	5	1,372
Бабушки и дедушки должны помогать с воспитанием ребенка, поскольку родителям тяжело справиться с этим самостоятельно	3,22	3,00	3	1,213
Родители не должны обращаться за помощью в воспитании детей к бабушкам и дедушкам, поскольку это их личная ответственность	2,73	3,00	3	1,271

распределение родительских функций в семье, по мнению родителей, должно быть направлено в сторону сокращения количества домашних и родительских обязанностей, которые в настоящее время реализуют неродители. В наибольшей степени это желание адресовано бабушкам и дедушкам детей, которые являются наиболее вовлеченными субъектами родительского труда после самих родителей. При этом незначительная часть родителей готова делегировать некоторые хозяйственно-бытовые функции (стирка и глажка одежды, приготовление еды, уборка по дому) другим субъектам – преимущественно няням (рис. 3).

На завершающем этапе респондентам было предложено оценить утверждения, связанные с вовлечением неродителей в процесс ухода за детьми. В целом, родители предпочитают самостоятельно воспитывать ребенка, не привлекая к этому процессу нянь. Опрошенные преимущественно не согласны с тем, что при наличии возможностей необходимо прибегать к услугам нянь. Скорее всего, родители не склонны делегировать часть родительских функций няням и бебиситтерам, поскольку считают их посторонними людьми, которые могут навредить ребенку. Гораздо больше доверия родители высказывают по отношению к дедушкам и бабушкам, чья помощь воспринимается, скорее, как устоявшаяся традиция (табл. 5).

■ **ОБСУЖДЕНИЕ**

Наши результаты показывают, что современные российские родители ограничивают делегирование родительского труда неродителям. Основной объем родительской нагрузки выполняется матерями, которые, будучи вовлеченными в реализацию семейных и профессиональных функций, могут испытывать трудности в одной из сфер.

Прослеживается потребность в более активном участии отцов в процессе воспитания детей в период отпуска по уходу за ребенком. Поскольку традиционно считается, что отцы обладают меньшим арсеналом родительских знаний и компетенций, нежели матери, их самостоятельный уход в отпуск по уходу за ребенком выглядит весьма затруднительным. В некоторых странах отцы и матери могут использовать родительский отпуск одновременно при условии, что пособие получает только один из родителей

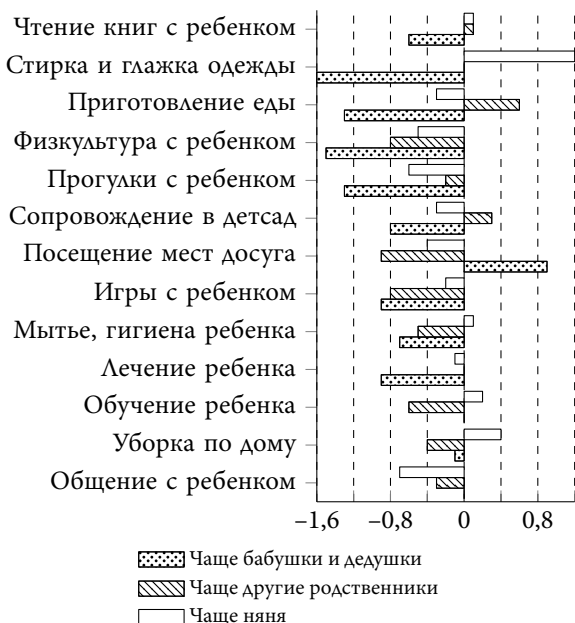

Рис. 3. Разница между оценками идеального и реального распределения родительских функций, выполняемых неродителями в период отпуска по уходу за ребенком, %

Fig. 3. The difference between the estimates of the ideal and actual distribution of parental functions performed by non-parents during parental leave, %

(например, в Швеции, Испании, Великобритании, Германии, Латвии, Польше и т.д.). В других странах родителям разрешается использовать только часть отпуска в одно и то же время (например, в Австралии, Австрии, Финляндии, Норвегии, Португалии). Возможно, практика использования родительского отпуска одновременно двумя субъектами (например, отцом и матерью или отцом и бабушкой ребенка и пр.) могла бы стать наиболее результативным механизмом вовлечения отцов в процесс воспитания детей в России.

Отметим, однако, что в зарубежных странах использование родительского отпуска бабушкой или дедушкой сильно ограничено – например, в Германии они могут уйти в декретный отпуск лишь в том случае, если родителю ребенка еще не исполнилось 18 лет или он продолжает обучение в вузе. По этой причине случаи использования отпуска одновременно отцом и одним из дедушек или бабушек в мировой практике практически отсутствуют. Между тем в нормативном закреплении подобного права видится большой потенциал. Во-первых, это снижает уровень материнской нагрузки и создает более благоприятные условия для совмещения профессиональных и домашних обязанностей. Во-вторых, отцы, ощущая поддержку со стороны дедушки или бабушки (вероятнее всего, бабушки), активнее вовлекаются в процесс воспитания ребенка и более уверенно участвуют в реализации родительских функций. Наконец, подобная мера соотносится с направлениями внутренней политики государства, которая нацелена на сохранение духовно-нравственных семейных ценностей² и укрепление межпоколенных взаимоотношений³. Таким образом, предлагаемая нами мера трансформации отпуска по уходу за ребенком соответствует отечественным правовым тенденциям развития традиционных семейных ценностей, поскольку способствует укреплению взаимосвязей между несколькими поколениями, сохранению и передаче духовно-нравственных и этических ценностей.

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

³ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р.

По результатам нашего исследования, иные субъекты родительского труда (например, бабушки и дедушки), которые могли бы взять на себя часть родительских функций, в период отпуска по уходу за ребенком не рассматриваются родителями в качестве активных помощников. С одной стороны, это может быть обусловлено возрастом ребенка. Результаты предыдущих исследований демонстрируют, что активность дедушек и бабушек увеличивается по мере взросления внуков – с возрастом дети перестают испытывать потребность в постоянном присутствии матери и могут оставаться наедине с бабушками и дедушками [27, с. 144]. С другой стороны, их низкая вовлеченность в процесс воспитания детей может быть связана с возрастом самих бабушек и дедушек. По оценкам исследователей, женщина в России в среднем становится бабушкой в возрасте от 48 до 49 лет [там же] – в это время подавляющее большинство женщин еще работают. Стремясь сохранить свой уровень дохода, они могут отказываться от права на использование родительского отпуска. При этом бабушка со стороны матери является вторым по популярности (после матери) субъектом, которому родители были бы готовы делегировать право на декретный отпуск. Более того, результаты предыдущих исследований свидетельствуют о том, что родители хотели бы, чтобы бабушки и дедушки уделяли больше времени воспитанию внуков, поскольку они являются носителями ценного опыта и оказывают благоприятное воздействие на развитие детей [там же].

Согласно российскому законодательству, право на отпуск по уходу за ребенком имеют матери либо отцы, другие родственники, опекуны, фактически осуществляющие уход за ребенком, которые подлежат обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности (а также ряд лиц, перечисленных в ст. 13 Федерального закона № 81 «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»)⁴. Неработающие родственники, в том числе бабушки и дедушки, которые уже вышли на пенсию, могут использовать отпуск по уходу за ребенком только в крайних случаях, когда родители абсолютно не в состоянии заниматься уходом за детьми. По этой причине одной из возможных мер

⁴ О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : Федеральный закон №81-ФЗ от 19.05.1995 г. (ред. от 21.11.2022).

могло бы стать внедрение декретного отпуска для неработающих бабушек и дедушек, которое бы, способствуя нивелированию конфликта между семьей и работой среди работающих родителей, было бы направлено на смягчение негативных демографических тенденций.

Другой возможный механизм стимулирования неродителей, участвующих в процессе воспитания детей, видится в компенсации их затрат, связанных с реализацией родительских функций, например, путем внедрения выплат за помощь по уходу за детьми для бабушек и дедушек. Подобная выплата может стать альтернативой заработной платы для бабушек и дедушек (особенно для тех, чьи внуки достигли возраста от 1,5 до 3 лет – именно в этот период усиливается прекаризация родительского труда).

Аналогичная мера в настоящее время действует в отношении неработающих граждан, которые осуществляют уход за инвалидами первой группы и престарелыми людьми старше 80 лет или младше 80 лет в случае такой необходимости. Они имеют право на получение специальной ежемесячной компенсационной выплаты. Выплата не распространяется на лиц, осуществляющих работу или иную деятельность, в период которой они подлежат обязательному пенсионному страхованию⁵. Иными словами, человек, осуществляющий уход, не может заниматься профессиональной деятельностью. Предлагаемая нами мера имеет схожий принцип реализации – ее целесообразно назначать только неработающим лицам (в нашем случае бабушкам и дедушкам), ухаживающим за нетрудоспособным гражданином (ребенком в возрасте до 3 лет).

Компенсация затрат может способствовать активизации участия бабушек и дедушек в процессе воспитания внуков в период до исполнения ими трех лет. Это именно тот период, когда дети, согласно российскому законодательству,

⁵ Об осуществлении ежемесячных компенсационных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за инвалидом I группы (за исключением инвалидов с детства I группы), а также за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет : Постановление Правительства РФ от 04.06.2007 № 343.

имеют право получать особый тип ухода, ради осуществления которого и предусматривается отпуск. Вовлечение бабушек и дедушек в реализацию родительских функций, в свою очередь, позволит снизить уровень конфликта, который испытывают родители, пытаясь совмещать профессиональную и семейную сферы.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной вывод исследования связан с разрывом между законодательно существующей возможностью матерям и отцам опираться на помощь неродителей в период, когда ребенку не исполнилось три года, и нерапространенностью этого явления в нашей стране. Для преодоления этого разрыва могут быть использованы механизмы информационной работы с населением. В последнее время в этом направлении в рамках государственной демографической политики делаются заметные шаги. Так, активно развивается информационный канал «Госуслуги для родителей», где в доступной форме родителям разъясняются их права и описываются алгоритмы действий. Наше исследование показало, что большинство родителей сегодня не готовы пользоваться помощью наемных работников, однако понимание вариативности выбора при принятии решений относительно использования права на отпуск по уходу за ребенком, осознание всех положительных и отрицательных следствий (экономических, психологических, социальных) такого решения, понимание возможностей гибкости выбора и его изменения, знание о законодательно разрешенной возможности смены родственников в период отпуска по уходу за ребенком – все это несет в себе определенный потенциал повышения вероятности принятия семьей новых репродуктивных решений. Дополнительный потенциал кроется в государственном регулировании родительских отпусков как меры демографической политики в сторону повышения ее гибкости и введения возможности использовать отпуск двумя членами семьи при сокращении его общей продолжительности. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ishizuka, P. (2021). The Motherhood Penalty in Context: Assessing Discrimination in a Polarized Labor Market. *Demography*, 58(4), 1275–1300. <https://doi.org/10.1215/00703370-9373587>.
2. Багирова А. П., Бледнова Н. Д. Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 5. С. 150–167. DOI 10.21064/WinRS.2021.0.10. EDN RQREMU.
3. Остапчук С. В., Клещенко М. И. Взаимосвязь уровня удовлетворенности браком и эмоционального труда у женщин // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки*. 2019. № 15. С. 49–54. EDN SQCRTV.
4. DUVANDER, A.-Z., EYDAL, G. B., BRANDTH, B., GÍSLASON, I. V., LAMMI-TASKULA, J., & ROSTGAARD, T. (2019). Gender equality: Parental Leave design and evaluating its effects on fathers' participation. In P. Moss, A.-Z. Duvander, & A. Koslowski (Eds.) *Parental Leave and Beyond: Recent International Developments, Current Issues and Future Directions* (pp. 187–204). Policy Press. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781447338772.003.0011>.
5. KOSLOWSKI, A., BLUM, S., DOBROTIĆ, I., KAUFMAN, G., & MOSS, P. (2022). *18th International Review of Leave Policies and Related Research*. <https://doi.org/10.18445/20220909-122329-0>.
6. Борисенко Ю. В. Особенности ценностного отношения к отцовству детей вовлеченных и невовлеченных отцов // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*. 2018. Т. 24, С. 23–33. DOI 10.26516/2304-1226.2018.24.23. EDN XRTQXJ.
7. Груздев В. В., Груздева М. А., Ершов В. Н., Смирнов В. А. Семейные ценности и нормы, регулирующие семейные отношения // *Теория государства и права*. 2022. № 2 (27). С. 109–127. DOI 10.47905/MATGIP.2022.27.2.010. EDN FTFZXE.
8. Янак А. А. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2018. № 2 (50). С. 124–131. EDN XWPOOD.
9. Козлова Н. Н., Рассадин С. В. Отцовские сообщества в современной России: дискурсы и практики // *Социальные и гуманитарные знания*. 2023. Т. 9, № 1. С. 44–57. DOI 10.18255/2412-6519-2023-1-44-57. EDN QXYESH.
10. Ростовская Т. К., Егорычев А. М. Особенности межпоколенных взглядов на формирование представлений о семейных ролях // *ЦИТИСЭ*. 2022. № 1 (31). С. 170–186. DOI 10.15350/2409-7616.2022.1.14. EDN LPGBLA.
11. Батурина Н. В. Изменение представлений о гендерных ролях в семье (на примере Сибирского федерального университета) // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2020. Т. 11, № 3. С. 12 EDN JICAFL.
12. Белехова Г. В., Ивановская А. А. Удовлетворенность балансом труда и семьи: взгляд работающих женщин (региональный аспект) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 1. С. 209–222. DOI 10.15838/esc.2022.1.79.11. EDN DOIXRG.
13. Голева М. А. Социальное значение времени в семье с детьми (на примере многодетных семей) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 3 (151). С. 239–260. DOI 10.14515/monitoring.2019.3.14. EDN IFKQEX.
14. Ильвес Э. В. Родительский труд как феномен прекаризированной занятости // *Демографические процессы на постсоветском пространстве : сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием (Екатеринбург, 4-5 июня 2015 г.) / под ред. А. И. Татаркина, А. И. Кузьмина. Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2015. С. 293–297. EDN UMEFNB.*
15. Черешова С. В. Мотивы субъекта родительского труда: теоретико-методологический аспект // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2017. Т. 8, № 12-1. С. 124–140. EDN YNZYSL.
16. Сивак Е. В. Установки интенсивного материнства и уберизация заботы о детях // *Психология семьи в современном мире : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 18-19 октября 2017 г.) / под ред. Н. Н. Васягиной, Е. А. Казаевой. Екатеринбург, 2017. С. 302–306. EDN YUMAIX.*
17. Романовская М. А. Социально-психологические типы мам детей, воспитывающихся в семье с наемным работником (няней) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2016. № 1. С. 44–53. DOI 10.18384/2310-7235-2016-1-44-53. EDN VXKNTD.

18. Пшеничникова М. М. Родительский труд как объект экономического анализа // *Экономический анализ: теория и практика*. 2010. № 39 (204). С. 23–29. EDN MWITSF.

19. HERBST, C. M. (2013). The impact of non-parental child care on child development: Evidence from the summer participation. *Journal of Public Economics*, 105, 86–105. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2013.06.003>.

20. CLARKE-STEWART, A., & MINER, J. L. (2008). Child and Day Care, Effects of. In M. M. Haith, & J. B. Benson (Eds.) *Encyclopedia of Infant and Early Childhood Development* (pp. 268–278). <https://doi.org/10.1016/b978-012370877-9.00033-5>.

21. KUCAB, M., KEOWN-STONEMAN, C., BIRKEN, C., PERLMAN, M., & MAGUIRE, J. (2022). Centre-Based Child Care Attendance in Early Childhood and Growth in Later Childhood: A Prospective Cohort Study. *Current Developments in Nutrition*, 6(1), Article 1069. <https://doi.org/10.1093/cdn/nzac070.028>.

22. КЕМП, С. Л. (2007). Grandparent - grandchild ties. Reflections on continuity and change across three generations. *Journal of Family Issues*, 28, 855–881. <https://doi.org/10.1177/0192513X07299599>.

23. SARTI, R. (2010). Who cares for me? Grandparents, nannies and babysitters caring for children in contemporary Italy. *Paedagogica Historica*, 46, 789–

802. <https://doi.org/10.1080/00309230.2010.526347>.

24. YUNRONG, L. (2017). The effects of formal and informal child care on the Mother's labor supply – Evidence from urban China. *China Economic Review*, 44, 227–240. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.04.011>.

25. КОЗЬМИНА Я. Я., СИВАК Е. В. Влияют ли на родительскую самоэффективность разногласия с родственниками по поводу правил воспитания и ухода за ребенком? // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2015. Т. 18, № 4. С. 65–81. EDN VKQM1H.

26. ЗДРАВОВОМЫСЛОВА Е. А. Няни: коммерциализация заботы // *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности* : труды факультета политических наук и социологии. Вып. 17 / под ред. Е. А. Здравомысловой, А. Роткирх, А. А. Темкиной. Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2009. С. 94–136. EDN XNGZQT.

27. БАГИРОВА А. П., БЛЕДНОВА Н. Д., ВОРОШИЛОВА А. И., НЕШАТАЕВ А. В., САИТОВА Д. Г., ШМАРОВА И. В., ШУВАТ О. М. Прародительский труд как ресурс российской демографической политики: оценки, прогнозы, возможности реализации : монография. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2022. 210 с. EDN TURS1M.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Нешатаев Александр Васильевич – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина — ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); a.v.neshataev@urfu.ru. AuthorID: 1086139, ORCID: 0000-0002-0145-7841, ScopusID: 57215964054, ResearcherID: AAG-5745-2021.

Бледнова Наталья Дмитриевна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина — ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); n.d.blednova@urfu.ru. AuthorID: 1075000, ORCID: 0000-0001-5362-7905, ScopusID: 57222049071, ResearcherID: ABB-7517-2021.

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, профессор; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина — профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); a.p.bagirova@urfu.ru. AuthorID РИНЦ: 511263, ORCID: 0000-0001-5653-4093, ScopusID: 55361822000, ResearcherID: M-7440-2013.

Статья поступила 16.05.2023; рецензия получена 21.06.2023; принята к публикации 28.06.2023.

DELEGATING PARENTAL RESPONSIBILITIES ON PARENTAL LEAVE: OPPORTUNITIES FOR TRANSFORMATION

A. V. Neshataev^a, N. D. Blednova^a, A. P. Bagirova^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. In recent decades, despite the introduction of new economic measures to support families with children, a steady decline in birth rate has been observed in Russia. According to the researchers, negative reproductive attitudes may stem from the highly likely conflict between family and work, which families face after childbirth. A Russian demographic policy measure to mitigate this conflict could be the parental leave regulation. Despite the fact that the Russian labor legislation guarantees parental leave not only for mothers, but also for fathers or other child's relatives, it is mothers, who most often use this right. Prolonged absence from labor market may cause difficulties for women on their returning to work. As a result, parents need to delegate parental functions to other subjects - grandparents, uncles and aunts, nannies or babysitters. The purpose of the research is to identify opportunities for parental leave system transformation as a demographic policy measure based on sociological assessments of delegating parental functions to non-parents during parental leave.

Materials and methods. The empirical basis of the research was a survey of parents whose families for that time had the right for parental leave. 1000 people living in different federal districts of Russia were surveyed.

Results. A rather weak parental functions implementation by other subjects was revealed until the child reaches the age of 1.5 years, with the need to increase the workload of grandparents during this period. Moreover, a need to delegate part of household functions to nannies and other child's relatives was identified.

Discussion. Applying several tools at a time can contribute to resolving the conflict between family and work among working parents - stimulating more active childcare involvement of non-parents (for example, introducing maternity leave for non-working grandparents or material compensation of their childcare costs), possibility to use childcare leave by two family members at the same time with a reduction in the leave period, active outreach efforts to inform population about the existing measures to support families with children.

KEYWORDS: parental leave, parental labor, subjects of parental labor, relatives, grandparents, baby-sitters, "family-work" conflict, family policy, demographic policy.

FUNDING: This work is supported by the Russian Science Foundation under grant No. 22-28-01847, <https://rscf.ru/project/22-28-01847/>.

FOR CITATION: Neshataev, A. V., Blednova, N. D., & Bagirova, A. P. (2023). Delegating parental responsibilities on parental leave: opportunities for transformation. *Management Issues*, 17(4), 54–67. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-54-67.

REFERENCES

1. ISHIZUKA, P. (2021). The Motherhood Penalty in Context: Assessing Discrimination in a Polarized Labor Market. *Demography*, 58(4), 1275–1300. <https://doi.org/10.1215/00703370-9373587>.
2. BAGIROVA, A. P., & BLEDNova, N. D. (2021). Combination of professional and parental labor in assessments of Ural women: Objective and subjective barriers. *Woman in Russian Society*, (S), 150–167. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.10>.
3. OSTAPCHUK, S. V., & KLESHCHENOK, M. I. (2019). Relationship between marital satisfaction and emotional labor in women. *Herald of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences*, (15), 49–54. <https://elibrary.ru/sqcrtb>.

4. DUVANDER, A.-Z., EYDAL, G. B., BRANDTH, B., GÍSLASON, I. V., LAMMI-TASKULA, J., & ROSTGAARD, T. (2019). Gender equality: Parental Leave design and evaluating its effects on fathers' participation. In P. Moss, A.-Z. Duvander, & A. Koslowski (Eds.) *Parental Leave and Beyond: Recent International Developments, Current Issues and Future Directions* (pp. 187–204). Policy Press. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781447338772.003.0011>.
5. KOSŁOWSKI, A., BLUM, S., DOBROTIĆ, I., KAUFMAN, G., & MOSS, P. (2022). *18th International Review of Leave Policies and Related Research*. <https://doi.org/10.18445/20220909-122329-0>.
6. BORISENKO, YU. V. (2018). Specificity of value attitude towards paternity of children of engaged and non-engaged fathers. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*, 24, 23–33. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.24.23>.
7. GRUZDEV, V. V., GRUZDEVA, M. L., ERSHOV, V. N., & SMIRNOV, V. A. (2022). Family values and norms regulating family relations. *Theory of State and Law*, (2), 109–127. <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2022.27.2.010>.
8. YANAK, A. L. (2018). Father involvement in different types of families. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, (2), 124–131. <https://elibrary.ru/xwpoood>.
9. KOZLOVA, N. N., & RASSADIN, S. V. (2023). Paternal communities in modern Russia: Discourses and practices. *Social'nye i Gumanitarnye Znania*, 9(1), 44–57. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2023-1-44-57>.
10. ROSTOVSKAYA, T. K., & EGORYCHEV, A. M. (2022). Features of intergenerational views for the formation of ideas about family roles. *CITISE*, (1), 170–186. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.1.14>.
11. BATURINA, N. V. (2020). Changes in the gender roles representation in family (the example of Siberian Federal University). *The world of science. Sociology, philology, cultural studies*, 11(3), Article 12. <https://elibrary.ru/jicaf1>.
12. BELEKHOVA, G. V., & IVANOVSKAYA, A. L. (2022). Satisfaction with the work-life balance: Working women's view (regional aspect). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(1), 209–222. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.11>.
13. GOLEVA, M. A. (2019). The social significance of time in a family with children (on the example of large families). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 239–260. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.14>.
14. ILVES, E. V. (2015). Parental labour as phenomenon of precarious employment. In A. I. Tatarkin, & A. I. Kuzmin (Eds.) *Demographic processes in the post-Soviet space* (pp. 293–297). Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. <https://elibrary.ru/umefhb>.
15. CHERESHOVA, S. V. (2017). The motivation of the subject of parental labor: Theory and methodology. *Modern research of social problems (electronic scientific journal)*, 8(12-1), 124–140. <https://elibrary.ru/ynzysl>.
16. SIVAK, E. V. (2017). Intensive motherhood and uberization of childcare. In N. N. Vasyagina, & E. A. Kazaeva (Eds.) *Family psychology in the modern world* (pp. 302–306). <https://elibrary.ru/yumaix>.
17. ROMANOVSKAYA, M. A. (2016). Socio-psychological types of mothers bringing up children in families with a wage worker (a baby-sitter). *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, (1), 44–53. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2016-1-44-53>.
18. PSHENICHNIKOVA, M. I. (2010). Parental labor as an object of economic analysis. *Economic Analysis: Theory and Practice*, (39), 23–29. <https://elibrary.ru/mwitsf>.
19. HERBST, C. M. (2013). The impact of non-parental child care on child development: Evidence from the summer participation. *Journal of Public Economics*, 105, 86–105. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2013.06.003>.
20. CLARKE-STEWART, A., & MINER, J. L. (2008). Child and Day Care, Effects of. In M. M. Haith, & J. B. Benson (Eds.) *Encyclopedia of Infant and Early Childhood Development* (pp. 268–278). <https://doi.org/10.1016/b978-012370877-9.00033-5>.
21. KUCAB, M., KEOWN-STONEMAN, C., BIRKEN, C., PERLMAN, M., & MAGUIRE, J. (2022). Centre-Based Child Care Attendance in Early Childhood and Growth in Later Childhood: A Prospective Cohort Study. *Current Developments in Nutrition*, 6(1), Article 1069. <https://doi.org/10.1093/cdn/nzac070.028>.
22. KEMP, C. L. (2007). Grandparent - grandchild ties. Reflections on continuity and change across three generations. *Journal of Family Issues*, 28, 855–881. <https://doi.org/10.1177/0192513X07299599>.
23. SARTI, R. (2010). Who cares for me? Grandparents, nannies and babysitters caring for children in contemporary Italy. *Paedagogica Historica*, 46, 789–802. <https://doi.org/10.1080/00309230.2010.526347>.
24. YUNRONG, L. (2017). The effects of formal and informal child care on the Mother's labor supply –

Evidence from urban China. *China Economic Review*, 44, 227–240. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.04.011>.

25. KOZMINA, YA. YA., & SIVAK, E. V. (2015). Does disagreement over child-rearing rules affect parental self-efficacy?. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 18(4), 65–81. <https://elibrary.ru/vkqmih>.

26. ZDRAVOMYSLOVA, E. A. (2009). Babysitters: the commercialization of care. In E. A. Zdravomyslova, A. Rotkirch, & A. A. Temkina (Eds.) *New way of life*

in modern Russia: gender studies of everyday life (pp. 94–136). European University at St. Petersburg. <https://elibrary.ru/xngzqt>.

27. BAGIROVA, A. P., BLEDNNOVA, N. D., VOROSHILOV, A. I., NESHATAEV, A. V., SAITOVA, D. G., SHMAROVA, I. V., & SHUBAT, O. M. (2022). *Ancestral labor as a resource for russian demographic policy: Estimates, forecasts, implementation possibilities*. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. <https://elibrary.ru/turslm>.

AUTHORS' INFORMATION:

Aleksandr V. Neshataev – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin — *assistant of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration* (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); a.v.neshataev@urfu.ru. RSCI AuthorID: 1086139, ORCID: 0000-0002-0145-7841, ScopusID: 57215964054, ResearcherID: AAG-5745-2021.

Natalya D. Blednova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin — *assistant of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration* (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); n.d.blednova@urfu.ru. RSCI AuthorID: 1075000, ORCID: 0000-0001-5362-7905, ScopusID: 57222049071, ResearcherID: ABB-7517-2021.

Anna P. Bagirova – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin — *professor of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration* (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); a.p.bagirova@urfu.ru. RSCI AuthorID: 511263, ORCID: 0000-0001-5653-4093, ScopusID: 55361822000, ResearcherID: M-7440-2013.

The article was submitted 05/16/2023; reviewed 06/21/2023; accepted for publication 06/28/2023.

СОЦИОЛОГИЯ ТУРИЗМА: СТАНОВЛЕНИЕ И РОЛЬ В УПРАВЛЕНИИ ТУРИСТСКОЙ СФЕРОЙ

И. Ф. Игнатьева^а, Б. А. Исаев^б, А. В. Воронцов^а

^а Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

^б Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
(Санкт-Петербург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Целью данной статьи является анализ становления социологии туризма и возможности формирования комплексного знания, включающего данные экономических, географических, политических и прочих наук в области туризма. Вопросы становления социологии туризма, формирования предметной области наук о туризме на сегодняшний день остаются недостаточно изученной сферой, что определяет актуальность избранной темы.

Материалы и методы. В статье использован системный подход к анализу туристских наук, к управлению в туризме. Материалами для исследования стали теоретические и практические работы по туризму, как в зарубежной, так и российской литературе.

Результаты. Исследован процесс становления социологии туризма. Рассмотрен вопрос возможности формирования комплексного туристского знания (единой науки о туризме), показана значимость социологических исследований в управлении туристской сферой. Каждый из множества разнородных компонентов туризма как системного образования является специфическим объектом управления, для успешного взаимодействия с которым требуются многообразные знания, имеющие конкретный прикладной характер, и в то же время представляющие целостную систему. Основными компонентами такой системы являются знания об экономическом, социальном, культурном и политическом состоянии места назначения, полученные с помощью конкретно-социологических методов. В статье раскрыта роль методов социологии туризма в решении управленческих проблем в туристской сфере.

Обсуждение. Бум в развитии исследований туризма породил множество направлений его изучения экономического, социального, культурологического, политического и др. характера. Междисциплинарные исследования признаны важным средством решения социальных проблем в туристской сфере на основе комплексного подхода. Это актуализирует вопрос о междисциплинарности туристского знания. Большинство исследователей туризма рассматривают туристское знание как междисциплинарную область. Однако к изучению туризма применяются, скорее, различные дисциплинарные подходы, чем реальная междисциплинарность. Проблема междисциплинарности туристского знания связана с особенностями изучения туризма. Туризм, как объект исследования, имеет различные измерения и перспективы, и для того, чтобы понять природу туризма, необходим междисциплинарный подход. Социология туризма, с одной стороны, осуществляет функцию интеграции туристского знания, с другой - поставляет конкретное знание для всех областей туристской сферы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социология туризма, единая наука о туризме, туристика, туризмоведение, междисциплинарность туристского знания, социология управления, управление в туризме.

© И. Ф. Игнатьева, Б. А. Исаев, А. В. Воронцов, 2023

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Игнатъева И. Ф., Исаев Б. А., Воронцов А. В. Социология туризма: становление и роль в управлении туристской сферой // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 4. С. 68-79. EDN KDUPHR. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-68-79.

■ ВВЕДЕНИЕ.

Начиная со второй половины XX века, сфера туризма бурно развивается. Это породило бум в развитии исследований туризма. Возникло множество направлений изучения туризма и гостеприимства экономического, социального, культурологического, политического и пр. направлений. В данной статье исследуется процесс становления социологии туризма как науки, анализируется место теории туризма в туристской практике и раскрывается роль социологических исследований в управлении туристской сферой. Особое внимание уделяется проблеме возможности формирования комплексного туристского знания (единой науки о туризме) и междисциплинарности туристского знания. Поставлен вопрос выделения социологического аспекта в разнонаправленных исследованиях туризма, раскрыта роль методов социологии в решении управленческих проблем в туристской сфере. Обоснован системный подход к управлению в туризме.

■ ЕДИНАЯ НАУКА О ТУРИЗМЕ

Начнем с вопроса о том, существует ли единая наука о туризме. Туризм – это, прежде всего, практика бизнеса, практика путешествий множества людей. Это деятельность, имеющая неоспоримое значение в современном обществе. Необычайный рост данного явления привел к сопутствующему росту знаний о туризме. В то же время предмет науки о туризме, как в зарубежной, так и российской литературе, остается несколько закрытой областью.

В России в классификации основных направлений высшего образования имеется направление бакалавриата «Туризм», появившееся не очень давно. При этом отсутствует такое направление в классификации специальностей по защите докторских и кандидатских диссертаций. Туризм в университетах преподают кандидаты и доктора наук экономики, географии, социологии, педагогики, философии и пр. За рубежом преподаватели туризма так же, как и в российских вузах, варьируются от специалистов по менеджменту и экономике до географов, антропологов и социологов.

Отечественная наука о туризме, судя по публикациям в российской литературе, переживает период своего становления. Как целое она пока не совсем сложилась, но движение в этом направлении прослеживается. Это проявляется, например, в том, что возникают концепции, предлагающие выделить науку о туризме в отдельную область¹ [1, с. 1–5; 2, с. 47–48]. Российский исследователь туризма В. А. Квартальнова использует для обозначения науки о туризме термин «туристика», которая рассматривается как комплекс наук о туризме, тесно связанный с туристской практикой².

С нашей точки зрения, наука о туризме, как особая наука, имеет интегративный характер и включает в себя экономический, социологический, географический, правовой, политический, философский и другие аспекты, причем социальная и экономическая составляющие являются определяющими. В статье И. Ф. Игнатъевой обосновывается потребность в формировании комплексной науки о туризме, проанализированы различные термины, предлагаемые в российской литературе для ее обозначения (туризмология, туристика, туризмоведение и др.) [3, с. 173–175]. Высказывается идея о том, что на сегодняшний день единая наука о туризме находится на начальном этапе своего становления.

В зарубежных исследованиях имеет место дискуссия о возможности существования и содержания единой науки о туризме. Активная дискуссия идет в отношении теоретического аспекта ее становления, и многие авторы высказываются в пользу создания такой науки. Существует большой пласт текстов, посвященных вопросам интеграции туристских дисциплин, междисциплинарному характеру туристского знания. Однако исследований, раскрывающих особенности различных аспектов изучения туризма (экономический, социологический, философский, психологический и пр.) недостаточно. Нет единого мнения о том, какой

¹ Ердэвлетов С. Р. К вопросу науки о туризме и ее становлении в Казахстане // География и туризм: сборник научных трудов. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2013. С. 3–23. EDN: TOFMXV.

² Квартальнов В. А. Теория и практика туризма: учебник. М.: Финансы и статистика. 2003. С. 58.

из аспектов туристского знания имеет наиболее приоритетное значение.

Феномен туризма стал активно исследоваться зарубежными социологами в начале 1970 гг. и в настоящее время изучается в рамках множества дисциплин. При этом одни авторы утверждают, что изучению туризма должна быть посвящена самостоятельная наука (Ж. Йовичич [4, с. 2–5], Н. Лейпер³). Эти авторы полагают, что туризм следует рассматривать целостно, через призму единой науки, а не только через отдельные дисциплины (дисциплинарную призму).

Другие авторы, такие как Д. Трайб [5, с. 7–33], К. Ханам М. Э. [6, с. 101–114], Корстанье⁴, утверждают, что туризм не может быть областью исследований единой науки, поскольку имеет несколько несовместимых между собой углов зрения (подходов).

Ряд авторов придерживается золотой середины между объединяющей теорией туризма и специальными исследованиями отдельных эмпирических проблем. Так, Э. Коэн (один из ведущих представителей социологии туризма) отмечает, что существует значительный разрыв между абстрактной теорией и эмпирическими исследованиями в сфере туризма. Это объясняет его пессимизм в отношении вероятности создания единой теории туризма, призванной дать широкую концептуализацию феномена (в частности, выходящую за рамки социологии). Он считает, что нет смысла искать единый теоретический подход к туризму. Он указывает на трудности, которые могут стоять на пути создания единой теории, требующей согласия (поддержки) исследователей из очень широкого круга дисциплин. В то же время он выступает за объединение усилий, за общий стиль исследования, который способствует непрерывности и обобщению результатов исследований [7, с. 32], за взаимосвязь между объединяющей теорией туризма и специальными исследованиями отдельных эмпирических проблем.

Б. Ричи, Л. Р. Шихан, С. Тимур рассматривают вопрос о возможности единого туристского знания, исследуя процесс формирования науки о туризме на основе анализа публикаций в фун-

даментальных тематических рецензируемых журналах и университетских образовательных программ. Авторы предлагают оценивать три круга туристских дисциплин. Первый круг – основные фундаментальные дисциплины, которые содержат наибольшее количество теоретических статей в ведущих туристических журналах. К ним относятся экономика туризма, менеджмент туризма, социология туризма, психология туризма и антропология туризма. Следующий круг, называемый «второстепенные фундаментальные дисциплины», включает те фундаментальные дисциплины, которые представили меньшее, но все же значимое количество статей. Это этика, география, философия и методология. Наконец, внешний круг, определяемый как «третичный», отражает те дисциплины, в которых только упоминаются туризм и его компоненты. Дисциплины этой категории, по мнению авторов, могут внести значительный вклад в наше понимание феномена туризма в будущем, особенно в долгосрочной перспективе [8, с. 37].

Авторы обращают особое внимание на образовательные программы по туризму в высших учебных заведениях. Общая цель программ заключается во всестороннем научном подходе на основе разнообразных туристских дисциплин. Обучая студентов туризму, необходимо обеспечить им полное и всестороннее понимание следующих моментов [8, с. 33]:

- мотивы и поведение туриста;
- диапазон и типы туристических впечатлений, к которым стремятся отдельные лица и организации при посещении места назначения;
- диапазон воздействий, которые туристы могут оказать на туристскую дестинацию⁵;
- спектр преимуществ, которые успешный туризм может предоставить местному сообществу;
- характер, содержание и структура туристского знания, отраженные в содержании университетских программ, специализированных журналов и в деятельности международных ассоциаций;
- различные виды организационных структур, которые осуществляют эффективное управление на всех уровнях такого многоаспектного явления, как туризм;

³ Leiper, N. (1981). Towards a Cohesive Curriculum in Tourism: The Case for a Distinct Discipline. *Annals of Tourism Research*, 8(1), 69–84.

⁴ Korstanje, M. (ed). (2018). The Indiscipline of Tourism Research in the 21st century: Is China part of the problem or the solution? *Critical Essays in Tourism*.

⁵ Дестинация – термин, имеющий комплекс значений. В самом общем смысле это – место назначения, туристское направление, местность, в которую стремятся попасть туристы, организованное социальное образование, способное оказать определенный спектр туристских услуг.

- основные теории и модели туристского знания, существующие в научной и социальной литературе, внесшие свой вклад в изучение туризма.

Обрисовывая круг проблем обучения туризму, авторы фактически обозначают предмет туристской науки в целом. Анализируя научные и практические тексты о туризме, они выделяют два основных потока туристского знания: «научный поток», который направлен на подготовку исследователей и академических работников для соответствующих сфер деятельности; и «управленческий поток», включающий в себя знания, которые необходимы для эффективного управления туристскими дестинациями [8, с. 33].

В целом, Б. Ричи, Л. Р. Шихан и С. Тимур придерживаются двойственной позиции по вопросу существования или несуществования единой науки о туризме. С одной стороны, для успешного развития туризма необходима наука о туризме, призванная обеспечить теоретическое понимание туризма в целом. Авторы предлагают концептуализацию теории туризма в ее связи с теорией фундаментальных дисциплин. «Всеобъемлющая теория туризма будет включать в себя множество компонентов и обязательно будет находиться на пересечении множества дисциплин, связанных с изучением общества, бизнеса, культуры и биофизической среды» [8, с. 38]. С другой стороны, для практики туризма важны многоаспектные конкретные исследования в области туризма (прикладное изучение туризма), призванные повысить нашу способность эффективно управлять туристским направлением [8, с. 37–40].

■ СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Туризм – это специфический объект управления, являющийся сложным системным образованием, состоящим из множества разнородных компонентов. Управление в сфере туризма требует системного подхода. Это предполагает сочетание ряда уровней управления: управление на уровне государственных структур (макроуровень), управление на муниципальном уровне (мезоуровень), управление на уровне туристских организаций и их кластеров (микроуровень). Субъектами управления выступают соответственно государство, власти региона (дестинации), менеджеры туристских организаций.

При анализе управленческих проблем в сфере туризма не следует забывать о необходимости управления туризмом на международном уровне (мегауровень). Политические и геополитические процессы существенно влияют на въездной и выездной туризм во всех странах [9, с. 66–74]. Управляющие воздействия на туристскую сферу оказывают Международные организации. Так, деятельность Всемирной туристской организации (UNWTO) имела существенное влияние на туризм в период пандемии. Существует ряд достаточно популярных и уважаемых документов, влияющих на сферу гостеприимства (Международные гостиничные правила, стандарты ISO и др.). Предложения международных организаций носят рекомендательный характер, не являются обязательными для исполнения, однако, поскольку многие государства и туристские предприятия их учитывают, они несут в себе характер управленческих воздействий. Однако такие воздействия не всегда возможны, например, в состоянии войны.

Туризм, как системное образование, состоит из множества разнородных компонентов. Они являются специфическими объектами управления, для управления которыми требуются многообразные знания, имеющие конкретный прикладной характер и в то же время представляющие целостную систему. Основными компонентами такой системы являются знания об экономическом, социальном, культурном и политическом состоянии места назначения. В науке менеджмента есть метод анализа внешней среды организации – PEST-анализ. Аббревиатура образована от названия факторов: P – политические; E – экономические; S – социальные. Он применяется для анализа в целях управления конкурентоспособностью отдельного предприятия. В данном случае мы имеем в виду другое. Речь идет о системе знаний, необходимых для управления туристской дестинацией, и главную роль в этой системе занимают социологические исследования.

Экономический, социальный, культурный, политический (геополитический) аспекты знаний о характере места назначения формируются, прежде всего, на основе конкретно-социологических данных, которые могут быть использованы в процессе управления.

В экономическом аспекте социологами изучаются туристские предприятия, предоставляющие множество разнообразных услуг, физические

ские и юридические лица. На микро-уровне управление деятельностью отдельных предприятий основывается на изучении конкретных потребностей и мотивации туристов⁶. Важным является социологическое изучение финансовых потоков, имеющих отношение к туризму, уровень обеспеченности местного населения и изучаемой целевой группы, наличие квалифицированных кадров [10], уровень управленческого потенциала⁷.

В социальном и культурном аспектах изучаются различные социальные сферы, связанные с туризмом. Управление в туризме во многом зависит от взаимосвязи с многообразными социальными институтами общества [11, с. 132–139]. Разные виды туризма связаны с необходимыми для них общественными структурами: спортивный туризм с системой спорта, культурный туризм с системой культуры, лечебный туризм с медициной и прочее. В процессе управления туристской деятельностью эти подсистемы интегрируются в динамичную целостную систему.

В политическом аспекте для процесса управления важны знания о политических проблемах, способных оказать существенное влияние на туристские потоки в дестинации. Существенным является геополитический анализ. В последнее время в России появились отдельные работы по геополитике туризма: М. С. Мусалитина, М. С. Шмарков, А. И. Губарева [12, с. 33–36]; И. Ф. Игнатьева [13, с. 111–115]; И. В. Петрасов⁸. За рубежом этот аспект активно изучается: И. Роуэн⁹, М. Копетчи-Копецки¹⁰, М. Мостафанежад, Р. Норум [14] и др.

■ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ТУРИЗМОМ

Приоритетным объектом управления является управление конкретным регионом (туристской дестинацией). Как полагают многие исследователи туризма, и с теоретической, и с управ-

ленческой точек зрения первичной единицей для изучения, а также для управления туризмом является «пункт назначения» (дестинация). Поскольку эта область охватывает в себе совокупность взаимодействий между туристами, принимающими странами (включая жителей и поставщиков) и природной средой данного места назначения, ее можно наблюдать, изучать и понимать целостным и интегрированным образом [8, с. 39].

Социологические исследования, необходимые для процесса управления туристской сферой, формируются в рамках нескольких наук: социологии туризма, социологии управления, экономики. Четко разделить между этими науками значимые для управления туризмом социологические исследования не представляется возможным. Конкретно социологические исследования, необходимые для управления туризмом в отдельных регионах, могут производиться в рамках самых разных наук: менеджмента, маркетинга, социологии управления, экономической географии, геополитики и др. Все эти знания, полученные в рамках разных наук, входят в структуру науки о туризме, в целом, и социологии туризма, в частности.

Данные этих исследований, как правило, проводятся применительно к конкретной дестинации и являются основой для управленческих решений и туристского программирования. Их целью выступает эффективное управление пунктом назначения. Важно начать с тщательно разработанного и хорошо выполненного исследования места назначения. Во-первых, в центре внимания должен быть «турист», при этом особый акцент делается на стремлении полностью понять природу впечатлений, которые ищет потенциальный посетитель. Во-вторых, исследование должно изучить способность места назначения предоставить тот опыт, который ищет посетитель, при этом особый акцент здесь делается на выявлении основных конкурентов, способных предложить аналогичный опыт. После того, как исследовательская программа дала вышеуказанное представление о месте назначения и туристе, в-третьих, может быть сформирован такой компонент, как политика управления [8, с. 40].

На разных уровнях управления туристской сферой социологи выявляют конкретные значимые показатели управления. Так, на уровне региона следующие показатели: посещаемость

⁶ Управление социальным развитием организации: учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Управление персоналом» / Н. А. Захаров, А. А. Кузнецов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2015. 206 с. EDN SKANIG.

⁷ Захаров Н. А. Организационное поведение государственных служащих. М.: Издательский Дом «Инфра-М», 2021. 236 с. (Высш. образование: бакалавриат). EDN UWGWL.

⁸ Петрасов И. В. Экономико-географические предпосылки развития туризма в странах мира // Все о туризме – образовательный туристический портал. URL: http://tourlib.net/books_tourism/petrasov1-1.htm (дата обращения: 30.05.2023).

⁹ Rowen, I. (2016). The Geopolitics of Tourism: Mobilities, Territory, and Protest in China, Taiwan, and Hong Kong. *Journal Annals of the American Association of Geographers*, 106(2), 385–393.

¹⁰ Copetchi-Kopecky, M. (2017). The Geopolitics Of Tourism In Romania. *Knowledge Horizons – Economics*, 9(2), 68–71.

туристами музеев, театров, ресторанов, достопримечательностей. Цель социологии как научного направления – выявление этих показателей (удовлетворенности, переживания, мотивации в музее, театре, ресторане и т.д.). Управление процессами предполагает изменение комплекса разнообразных показателей в нужную сторону (увеличение турпотока при его недостаточности, уменьшение турпотока при сверхтуризме). Влияние на параметры в нужном направлении следует рассматривать как конкретные управленческие действия [15, с. 14–18].

Исследуя данные вопросы на материале конкретных туристских дестинаций, многие авторы констатируют повышение роли социологии в управленческой деятельности и процессе планирования туризма. Н. Коста констатирует повышение роли социологии в управленческой деятельности и процессе планирования туризма. Социолог становится посредником в развитии местного туризма. Социология туризма выступает фасилитатором совместного партнерства, осуществляет поддержку управления дестинацией. Исследуя данные вопросы на материале Италии как туристской дестинации, автор анализирует ситуацию, когда социолога просят помочь местным заинтересованным сторонам добиться значительного вовлечения местного сообщества. Социологи разрабатывают инструменты самооценки индивидуальной деятельности различных фирм, включенных в единый туристский процесс, ориентируют их на совместное участие. Разрабатывают методы регулирования «снизу вверх» и методы, облегчающие переход от индивидуализма к совместному маркетингу. Основной целью является привлечение посетителей, подходящих для места назначения. Социологи исследуют вопросы сотрудничества между местными учреждениями и предприятиями, обосновывают экономическую политику туризма, направленную на интеграцию местных ресурсов (структуры размещения, транспорт, гастрономия, искусство и т.д.) и создание систем гостеприимства [16, с. 1–12].

Особенно важны конкретно социологические данные в периоды кризисов, в то время, когда необходимо применение антикризисных методов управления [17, с. 1–9; 18, с. 3905–3912; 19, с. 3913–3918]. Обсуждая кризис COVID-19, исследователи изучают многочисленные факторы в социальном, экономическом, географиче-

ском, экологическом, антропологическом аспектах^{11, 12} [20, с. 1315–1335; 21, с. 2726–2747; 22, с. 1–14]. В период COVID-19 Всемирной туристской организацией (UNWTO) производился постоянный мониторинг изменений туристских поездок в зависимости от распространения заболевания, производились постоянные социологические исследования, публиковались аналитические обзоры и осуществлялась деятельность международных экспертов в области туризма. Все это выступило основой для разработки теории и практики антикризисного управления туристскими предприятиями. По данным Всемирной туристской организации, из 217 туристских направлений по всему миру 45 % полностью или частично закрыли свои границы для туристов; 30 % полностью или частично приостанавливали международные рейсы; 18 % из них запрещали въезд пассажирам из определенных стран происхождения; 7 % применяли меры карантина или самоизоляции и визовые меры¹³. В своем ударе по туристскому сектору пандемия COVID-19 беспрецедентно сократила международные туристские потоки в 2020 году. Имело место двузначное снижение международных туристских прибытий (в первом квартале 2020 года на 22 % меньше, а в марте – на 57 %). Это привело к потере 67 миллионов международных прибытий и около 80 миллиардов долларов США финансовых поступлений за полгода¹⁴.

COVID-19, несомненно, привел к огромным потерям в туризме, но лишь в немногих исследованиях предпринимались попытки дать их количественную оценку. М. Цян сделал попытку оценить потери доходов Китая от туризма, вызванных COVID-19. Потеря доходов от туризма рассчитывается путем умножения уменьшения числа прибывающих туристов на средние расходы. Результаты показывают, что в 2020 году общая потеря доходов Китая от туризма, вызванная COVID-19, находится в диапазоне от 619,0 до 665,7 млн долларов [23, с. 3919–3924].

¹¹ Michael Hall, C., & Prayag, G. (2020). *Tourism and Earthquakes (Aspects of Tourism)*. Channel View Publications.

¹² Korstanje, M. E., Seraphin, H., & Maingi, S. W. (2022). *Tourism through troubled times*. Emerald Publishing Limited.

¹³ UNWTO. World Tourism Barometer. May 2020. 100 % of global destinations now have COVID-19 travel restrictions. UNWTO Reports. URL: <https://www.unwto.org/news/covid-19-travel-restrictions> (дата обращения: 09.05.2023).

¹⁴ UNWTO. World Tourism Barometer May 2020 Special focus on the Impact of COVID-19 (Summary). URL: <https://webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2020-05/Barometer%20-%20May%202020%20-%20Short.pdf> (дата обращения: 09.05.2023).

Исследователи Всемирной туристской организации в течение всего 2020 года давали прогнозы развития туристского сектора индустрии, строили сценарии развития мирового туризма в зависимости от того, как развивался кризис. Например, по сравнению с показателями 2019 года международный туризм сократился на 60–80 %. Было намечено три возможных будущих сценария развития мирового туризма:

1) (–58 %) основан на постепенном открытии международных границ и ослаблении ограничений на поездки в начале июля;

2) (–70 %) основан на постепенном открытии международных границ и ослаблении ограничений на поездки в начале сентября;

3) (–78 %) основан на постепенном открытии международных границ и ослаблении ограничений на поездки только в начале декабря.

Перспективы развития международного туризма на 2020 год несколько раз понижались с момента вспышки болезни, просчитывалось возможное снижение числа прибывающих (до 78 %) в течение года в зависимости от скорости сдерживания и продолжительности ограничений на передвижение, потери спроса на международные поездки (от 850 миллионов до 1,1 миллиарда международных туристов), финансовые потери (от 910 млрд долл. США до 1,2 трлн долл. США экспортных доходов от туризма), сокращение рабочих мест (от 100 до 120 миллионов прямых туристских рабочих мест). Экспертные группы работали над прогнозами на последующие годы. Группы экспертов UNWTO, согласно опросу, спрогнозировали, что изменение ситуации начнется в 2021 году, что внутренний спрос восстановится быстрее, чем международный¹⁵.

Это, безусловно, самый тяжелый кризис, с которым столкнулся международный туризм с начала глобальных кризисов (1950). Его воздействие ощущается до сих пор в разной степени во всех регионах. Получение конкретно социологических данных, несомненно, послужило опорой для любых управленческих действий на уровне туристских предприятий и дестинаций. Примером социологического анализа управления гостиничным предприятием в период кризиса может служить исследование И. А. Эльшаера и С. К. Саада, посвященное повышению жизне-

стойкости сотрудников малых и средних предприятий гостиничной индустрии в периоды кризисных ситуаций. В исследовании была использована методология, в рамках которой на основе множества переменных были разработаны две шкалы: шкала эффективности, охватывающая адаптируемость к индивидуальным задачам, адаптируемость к командным задачам и адаптируемость организации; и шкала устойчивости, включающая выносливость (девять пунктов) и оптимизм (девять пунктов). Было показано, что гостиничный бизнес может снизить риски влияния стихийных бедствий, если он обладает набором ресурсов (социальных, человеческих, природных, физических и культурных), которые позволяют быстро принимать меры по восстановлению. Было предложено использовать в период кризиса следующие ресурсы (социальный и человеческий капитал).

Во-первых, «лидерство-служение» (социальный капитал), управление с помощью убеждения, а не прямой власти. Такие качественные отношения между лидером и сотрудником направлены на благополучие и личностный рост, а также на постоянное развитие и ожидания результатов от деятельности и организации.

Во-вторых, «прозрачная коммуникация» (социальный капитал). Этот процесс предполагает распространение целенаправленной существенной информации таким образом, чтобы повысить понимание сотрудников. Руководитель точно информирует сотрудников о текущей организационной ситуации, ориентирует сотрудников на достижение организационных целей, поощряет активную работу, проясняет недоразумения и ограничивает слухи. Это может мотивировать сотрудников поддерживать организационные изменения, подвигнуть их к участию в позитивных практиках для поддержки своей организации, заставит поверить в свои возможности и обрести контроль над ситуацией.

В-третьих, жизнестойкость сотрудников (человеческий капитал). Данное социологическое исследование показывает, что выносливость и оптимизм, умение извлекать уроки из неудач составляют основу индивидуальной жизнестойкости. Обучение на ошибках отражает способность сотрудников применять знания и навыки, полученные в результате неудачного опыта, отлаживать поведенческие и когнитивные практики и находить решения в нестандартных си-

¹⁵ International tourist numbers could fall 60-80 % in 2020. UNWTO Reports. URL: <https://www.unwto.org/news/covid-19-international-tourist-numbers-could-fall-60-80-in-2020> (дата обращения: 09.05.2023).

туациях. Выносливость отражает способность индивида контролировать себя, сталкиваясь с трудностями, и упорно бороться, чтобы повлиять на неблагоприятные обстоятельства. Оптимизм отражает способность сотрудников позитивно смотреть на сложные события и точно оценивать ситуацию¹⁶. Однако индивидуальная жизнестойкость, устойчивость сама по себе не может привести к устойчивости организации, если не будут предприняты соответствующие управленческие вмешательства [24, с. 1216–1233].

Другим примером может служить исследование К. Кушчера, С. Айхельбергера, М. Питерса, которые проанализировали реакцию туристских организаций на пандемию COVID-19 в период карантина. Авторы использовали качественные методы. Модель антикризисного управления была разработана на основе данных интервью с туристскими организациями. Результатом исследования стали рекомендации с подробным описанием действий, необходимых на каждом из трех этапов преодоления кризиса. На этапе реагирования были рекомендованы действия антикризисного управления, связанные с ответственностью правительства. Выявлены потенциальные угрозы для пунктов назначения и определена ответственность правительства в процессе реагирования на кризис. На этапе восстановления показано решающее значение конкретных вмешательств правительства и ДМО. Подчеркивалась необходимость помочь туризму восстановиться после этапа реагирования на кризис: финансовые и нефинансовые меры вмешательства (финансовая помощь, налоговые льготы, отсрочки, гарантированные промежуточные займы, выплаты в связи с отпуском, бонусы и проч.). На этапе перезапуска особое внимание уделяется устойчивому развитию туризма и стратегическим усовершенствованиям. Рекомендовано стратегическое планирование с анализом статус-кво потенциальных стратегий, сотрудничество заинтересованных сторон, стратегические усовершенствования в виде цифровых разработок, инноваций, улучшения туристских продуктов, повышения качества, расширения прав и возможностей сотрудников [25, с. 247–260].

■ ВЫВОДЫ

Социология туризма занимает особое место в системе туристских наук. С одной стороны, она претендует на обобщение многоаспектного туристского знания, с другой стороны, выступает поставщиком конкретного материала для процесса управления туризмом.

Практическая значимость социологии туризма неопределима в управленческой деятельности местных администраций и государственных органов управления. В этом смысле она выступает прикладной дисциплиной и сближается, пересекается с социологией управления. Следует отметить, что в аспектах управления предмет социологии туризма близок к предмету социологии управления. Результативность научного анализа социологии управления в сфере туризма определяется практической полезностью конкретных исследований, используемых в процессе управления туристской сферой на разных уровнях управления для влияния на потоки туризма в конкретной местности (дестинации).

Как отмечают С. А. Шапиро, М. С. Соколова, социология управления среди других своих функций выполняет несколько практико-ориентированных функций: организационно-технологическую – разработка управленческих технологий для совершенствования управленческой деятельности в социальной сфере; функцию социального проекта и конструктивную разработку моделей, образов управленческих проектов для развития социальной сферы; прикладную – использование оценок, выводов и рекомендаций социологии управления в разработке и принятии управленческих решений; контролирующую – осуществление контроля за состоянием управляющей и управляемой систем и за реализацией принятых управленческих решений¹⁷.

Таким образом, социология туризма совместно с социологией управления разрабатывают методы, необходимые для системного управленческого процесса в туризме, предлагают исследовательский материал для планирования в конкретной туристской дестинации. ●

¹⁶ Elshaer, I. A., Saad, S. K. (2022). Learning from Failure: Building Resilience in Small- and Medium-Sized Tourism Enterprises, the Role of Servant Leadership and Transparent Communication. *Sustainability*, 14, 15199. <https://doi.org/10.3390/su142215199>.

¹⁷ Шапиро С. А., Соколова М. С. Социология управления : учебное пособие. М. : КНОРУС, 2017. 334 с. EDN: XVFKBT.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ДОЛЖЕНКО Г. П., ПУТРИК Ю. С. Туризмоведе-ние – формирующаяся научная дисциплина о сфе-ре туризма // *Вопросы туризмоведе-ния*. 2012. № 2 (2). С. 5–11. EDN WINDRL.
2. КАРАСЕВ И. Е., СМАГУЛОВ Б. К. Туристика... Туризмология... Туризмоведе-ние...? // *Вестник Югорского государственного университета*. 2013. № 4 (31). С. 47–48. EDN SYJYQX.
3. ИГНАТЬЕВА И. Ф. Наука о туризме: социально-экономический аспект // *Менеджмент XXI века: управление экономикой знаний* : сборник науч-ных статей по материалам XIV Международной научно-практической конференции (Санкт-Пе-тербург, 25-27 ноября 2014 г.). Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2014. С. 173–175. EDN TERYRD.
4. JOVIĆIĆ, Z. (1988). A plea for tourismological theory and methodology. *The Tourist Review*, 43(3), 2–5. <https://doi.org/10.1108/eb057997>.
5. TRIBE, J. (2010). Tribes, territories and networks in the tourism academy. *Annals of Tourism Research*, 37(1), 7–33. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2009.05.001>.
6. HANNAM, K. (2009). The End of Tourism? Nomadology and the Mobilities Paradigm. In J. Tribe (Ed.) *Philosophical Issues in Tourism* (pp. 101–114). Chan-nel View Publications. <https://doi.org/10.21832/9781845410988-007>.
7. СОЕН, Е. (1979). Rethinking the Sociology of Tourism. *Annals of Tourism Research*, 6(1), 18–35. [https://doi.org/10.1016/0160-7383\(79\)90092-6](https://doi.org/10.1016/0160-7383(79)90092-6).
8. BRENT RITCHIE, J. R., TIMUR, S., & SHEEHAN, L. R. (2008). Tourism Sciences or Tourism Studies? Im-plications for the Design and Content of Tourism Programming. *Teoros*, 27(1), 33–41. <https://doi.org/10.7202/1070895ar>.
9. ИСАЕВ Б. А., ИГНАТЬЕВА И. Ф. Структура гео-политики // *Вестник Томского государственно-го университета. История*. 2019. № 59. С. 66–74. DOI 10.17223/19988613/59/9. EDN UWKJSO.
10. ЗАХАРОВ Н. А., КУЗНЕЦОВ А. А., ПЕРФИЛЬЕ-ВА М. Б. Становление современной системы тру-довых отношений : монография. Ижевск : Изда-тельство ИжГТУ имени М. Т. Калашникова, 2020. 168 с. EDN USQSOE.
11. ИГНАТЬЕВА И. Ф. Понимание социальной сферы в социальном менеджменте // *Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ*. 2013. № 6. С. 132–139. EDN QCKVBJ.
12. МУСАЛИТИНА М. С., ШМАРКОВ М. С., ГУБАРЕ-ВА Л. И. Новейшая история геополитики туриз-ма // *Ученые записки Орловского государствен-ного университета*. 2016. № 2 (71). С. 33–36. EDN XELPCT.
13. ИГНАТЬЕВА И. Ф. Пространство потоков: экономический и геополитический анализ туриз-ма // *Общество. Среда. Развитие*. 2013. № 1 (26). С. 111–115. EDN QIVITR.
14. MOSTAFANEZHAD, M., & NORUM, R. (2016). Towards a geopolitics of tourism. *Annals of Tourism Research*, (61), 226–228. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2016.08.003>.
15. ЗАХАРОВ Н. А. Социологический анализ со-ветской партийной кадровой политики // *Управ-ление персоналом и интеллектуальными ресурса-ми в России*. 2017. Т. 6, № 6. С. 14–18. DOI 10.12737/article_5a438ae4748ba0.60151642. EDN VTQDUT.
16. COSTA, N. (2013). The applied sociology of tour-ism. The up skills of the facilitator in the Italian hos-pitality industry. *Advances in Applied Sociology*, 3(1), 1–12. <https://doi.org/10.4236/aasoci.2013.31001>.
17. NGUYEN, V. K., ПУКЕ, J., GAMAGE, A., DE LACY, T., & LINDSAY-SMITH, G. (2022). Factors influencing busi-ness recovery from compound disasters: Evidence from Australian micro and small tourism business-es. *Journal of Hospitality and Tourism Management*, 53, 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2022.08.006>.
18. HUANG, Y. -T., TZONG-RU, L., ГОН, А. P. I., KUO, J.-H., LIN, W.-Y., & QIU, S.-T. (2022). Post-COVID wellness tourism: Providing personalized health check pack-ages through online-to-offline services. *Current Is-sues in Tourism*, 25(24), 3905–3912. <https://doi.org/10.1080/13683500.2022.2042497>.
19. PERLES-RIBES, J. F., RAMÓN-RODRÍGUEZ, A. B., TORREGROSA, T., SEVILLA-JIMÉNEZ, M., & SUCH-DEVESA, M. J. (2022). Problems involved in measuring COVID-19 in consolidated tourist destinations: The case of Calp, Spain. *Current Issues in Tourism*, 25(24), 3913–3918. <https://doi.org/10.1080/13683500.2022.2038089>.
20. WU, D., LI, H., & WANG, Y. (2022). Measuring sustainability and competitiveness of tourism des-tinations with data envelopment analysis. *Journal of Sustainable Tourism*, 31(6), 1315–1335. <https://doi.org/10.1080/09669582.2022.2042699>.
21. DUDLEY, K. D., DUFFY, L. N., TERRY, W. C., & NORMAN, W. C. (2021). Situational analysis as a critical methodology: Mapping the tourism system in post-Katrina New Orleans. *Journal of Sustainable*

Tourism, 30(12), 2726–2747. <https://doi.org/10.1080/09669582.2021.1932930>.

22. DE ANGELIS, M., DURASTANTI, C., GIOVANNONI, M., & MORETTI, L. (2022). Spatio-temporal distribution pattern of COVID-19 in the Northern Italy during the first-wave scenario: The role of the highway network. *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*, 15, Article 100646. <https://doi.org/10.1016/j.trip.2022.100646>.

23. QIANG, M. (2022). Quantifying the loss of China's tourism revenue induced by COVID-19. *Current Issues in Tourism*, 25(24), 3919–3924. <https://doi.org/10.1080/13683500.2022.2067524>.

doi.org/10.1080/13683500.2022.2067524.

24. PRAYAG, G., СПЕКТОР, S., ORCHISTON, C., & CHOWDHURY, M. (2019). Psychological resilience, organizational resilience and life satisfaction in tourism firms: Insights from the Canterbury earthquakes. *Current Issues in Tourism*, 23(10), 1216–1233. <https://doi.org/10.1080/13683500.2019.1607832>.

25. KUŠČER, K., EICHELBERGER, S., & PETERS, M. (2021). Tourism organizations' responses to the COVID-19 pandemic: An investigation of the lockdown period. *Current Issues in Tourism*, 25(2), 247–260. <https://doi.org/10.1080/13683500.2021.1928010>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Игнатъева Ирина Федоровна – доктор философских наук, профессор; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена — профессор кафедры туризма, сервиса и гостеприимства (191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48); iifed@mail.ru. AuthorID: 626243.

Исаев Борис Акимович – доктор социологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения — профессор кафедры истории и философии (190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67а); isaevboris@yandex.ru. AuthorID: 332372.

Воронцов Алексей Васильевич – доктор философских наук, профессор; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена — профессор кафедры социологии (191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48); vorontsov@herzen.spb.ru. AuthorID: 217127, ORCID: 0000-0002-0194-7293, ScopusID: 57206890818.

Статья поступила 02.06.2023; рецензия получена 16.06.2023; принята к публикации 03.07.2023.

SOCIOLOGY OF TOURISM: DEVELOPMENT AND ROLE IN TOURISM SECTOR MANAGEMENT

I. F. Ignateva^a, B. A. Isaev^b, A. V. Vorontsov^a

^a Herzen State Pedagogical University of Russia
(Ekaterinburg, Russia)

^b Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
(Saint Petersburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The purpose of this article is to analyze the development of the sociology of tourism and the possibility to develop a comprehensive knowledge, including data from economic, geographical, political and other sciences in the field of tourism. The issues of the sociology of tourism formation, the development of the subject area of the sciences of tourism remain under-researched today, which provides for the relevance of the chosen topic.

Materials and methods. The article uses a systematic approach to analyzing tourism sciences for tourism management. The research materials were theoretical and practical works on tourism, both from foreign and Russian sources.

Results. The process of the sociology of tourism development is researched. The issue of potential formation of the comprehensive tourism knowledge (a unified science of tourism) is studied; the importance of sociological research in the tourism management is shown. Each of the many heterogeneous components of tourism as a systematic institution is a specific management object, which requires diverse knowledge of a specific applied character, and at the same time represents an integral system for the successful interaction with it. The main components of such a system are knowledge about economic, social, cultural and political state of the destination, obtained through specific sociological methods. The article reveals the role of tourism sociology methods in solving management problems in the tourism sector.

Discussion. The boom in the tourism research development has generated many areas of its study of an economic, social, cultural, political, and other nature. Interdisciplinary research is recognized as an important means of solving social problems in the tourism sector based on an integrated approach. This actualizes the issue of the interdisciplinarity of touristic knowledge. Most tourism researchers consider tourism knowledge as an interdisciplinary field. However, the study of tourism applies, rather, different disciplinary approaches than real interdisciplinarity. The issue of interdisciplinarity of tourist knowledge is connected with the specifics of studying tourism. Tourism, as a research object, has different dimensions and perspectives, and to understand its nature, an interdisciplinary approach is required. The sociology of tourism, on the one hand, performs the function of tourism knowledge integration and on the other hand, supplies specific knowledge for all areas of the tourism sector.

KEYWORDS: sociology of tourism, unified science of tourism, tourism, touristic studies, interdisciplinarity of touristic knowledge, sociology of management, management in tourism.

FOR CITATION: Ignateva, I. F., Isaev, B. A., & Vorontsov, A. V. (2023). Sociology of tourism: development and role in tourism sector management. *Management Issues*, 17(4), 68–79. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-68-79.

REFERENCES

1. DOLZHENKO, G. P., & PUTRIK, YU. S. (2012). Tourism studies – an emerging scientific discipline in the field of tourism. *Questions of tourism studies*, (2), 5–11. <https://elibrary.ru/windrl>.
2. KARASEV, I. E., & SMAGULOV, B. K. (2013). Hiking... Tourismology... Tourism management...? *Bulletin of Yugra State University*, (4), 47–48. <https://elibrary.ru/syjqx>.
3. IGNATIEVA, I. F. (2014). Tourism science: Socio-economic aspect. In *Management of the 21st century: Managing the knowledge economy* (pp. 173–175). Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. <https://elibrary.ru/teryrd>.
4. JOVICIC, Z. (1988). A plea for tourismological theory and methodology. *The Tourist Review*, 43(3), 2–5. <https://doi.org/10.1108/eb057997>.
5. TRIBE, J. (2010). Tribes, territories and networks in the tourism academy. *Annals of Tourism Research*, 37(1), 7–33. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2009.05.001>.
6. HANNAM, K. (2009). The End of Tourism? Nomadology and the Mobilities Paradigm. In J. Tribe (Ed.) *Philosophical Issues in Tourism* (pp. 101–114). Channel View Publications. <https://doi.org/10.21832/9781845410988-007>.
7. COHEN, E. (1979). Rethinking the Sociology of Tourism. *Annals of Tourism Research*, 6(1), 18–35. [https://doi.org/10.1016/0160-7383\(79\)90092-6](https://doi.org/10.1016/0160-7383(79)90092-6).
8. BRENT RITCHIE, J. R., TIMUR, S., & SHEEHAN, L. R. (2008). Tourism Sciences or Tourism Studies? Implications for the Design and Content of Tourism Programming. *Teoros*, 27(1), 33–41. <https://doi.org/10.7202/1070895ar>.
9. ISAEV, B. A., & IGNATIEVA, I. F. (2019). Structure of Geopolitics. *Tomsk State University Journal of History*, (59), 66–74. <https://doi.org/10.17223/19988613/59/9>.
10. ZAKHAROV, N. L., KUZNETSOV, A. L., & PERFI-LYEVA, M. B. (2020). *The formation of a modern system of labor relations*. Publishing house of IzhSTU named after M. T. Kalashnikov. <https://elibrary.ru/usqsoe>.
11. IGNATIEVA, I. F. (2013). Understanding of the social sphere in social management. *Proceedings of Saint Petersburg Electrotechnical University*, (6), 132–139. <https://elibrary.ru/qckvbj>.

12. MUSALITINA, M. S., SHMARKOV, M. S., & GUBAREVA, L. I. (2016). Contemporary history and geopolitics of tourism. *Scientific Notes of Orel State University*, (2), 33–36. <https://elibrary.ru/xelpct>.

13. IGNATIEVA, I. F. (2013). The space of flows: An economic and geopolitical analysis of tourism. *Society. Environment. Development*, (1), 111–115. <https://elibrary.ru/qivitr>.

14. MOSTAFANEZHAD, M., & NORUM, R. (2016). Towards a geopolitics of tourism. *Annals of Tourism Research*, (61), 226–228. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2016.08.003>.

15. ZAKHAROV, N. L. (2017). Sociological analysis of the soviet party staff politics. *Human resources and intellectual resources management in Russia*, 6(6), 14–18. https://doi.org/10.12737/article_5a438ae4748ba0.60151642.

16. COSTA, N. (2013). The applied sociology of tourism. The up skills of the facilitator in the Italian hospitality industry. *Advances in Applied Sociology*, 3(1), 1–12. <https://doi.org/10.4236/aasoci.2013.31001>.

17. NGUYEN, V. K., PYKE, J., GAMAGE, A., DE LACY, T., & LINDSAY-SMITH, G. (2022). Factors influencing business recovery from compound disasters: Evidence from Australian micro and small tourism businesses. *Journal of Hospitality and Tourism Management*, 53, 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2022.08.006>.

18. HUANG, Y.-T., TZONG-RU, L., GOH, A. P. I., KUO, J.-H., LIN, W.-Y., & QIU, S.-T. (2022). Post-COVID wellness tourism: Providing personalized health check packages through online-to-offline services. *Current Issues in Tourism*, 25(24), 3905–3912. <https://doi.org/10.1080/13683500.2022.2042497>.

19. PERLES-RIBES, J. F., RAMÓN-RODRÍGUEZ, A. B., TORREGROSA, T., SEVILLA-JIMÉNEZ, M., & SUCH-DEVEGA, M. J. (2022). Problems involved in measuring COVID-19

in consolidated tourist destinations: The case of Calp, Spain. *Current Issues in Tourism*, 25(24), 3913–3918. <https://doi.org/10.1080/13683500.2022.2038089>.

20. WU, D., LI, H., & WANG, Y. (2022). Measuring sustainability and competitiveness of tourism destinations with data envelopment analysis. *Journal of Sustainable Tourism*, 31(6), 1315–1335. <https://doi.org/10.1080/09669582.2022.2042699>.

21. DUDLEY, K. D., DUFFY, L. N., TERRY, W. C., & NORMAN, W. C. (2021). Situational analysis as a critical methodology: Mapping the tourism system in post-Katrina New Orleans. *Journal of Sustainable Tourism*, 30(12), 2726–2747. <https://doi.org/10.1080/09669582.2021.1932930>.

22. DE ANGELIS, M., DURASTANTI, C., GIOVANNONI, M., & MORETTI, L. (2022). Spatio-temporal distribution pattern of COVID-19 in the Northern Italy during the first-wave scenario: The role of the highway network. *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*, 15, Article 100646. <https://doi.org/10.1016/j.trip.2022.100646>.

23. QIANG, M. (2022). Quantifying the loss of China's tourism revenue induced by COVID-19. *Current Issues in Tourism*, 25(24), 3919–3924. <https://doi.org/10.1080/13683500.2022.2067524>.

24. PRAYAG, G., SPECTOR, S., ORCHISTON, C., & CHOWDHURY, M. (2019). Psychological resilience, organizational resilience and life satisfaction in tourism firms: Insights from the Canterbury earthquakes. *Current Issues in Tourism*, 23(10), 1216–1233. <https://doi.org/10.1080/13683500.2019.1607832>.

25. KUŠČER, K., EICHELBERGER, S., & PETERS, M. (2021). Tourism organizations' responses to the COVID-19 pandemic: An investigation of the lockdown period. *Current Issues in Tourism*, 25(2), 247–260. <https://doi.org/10.1080/13683500.2021.1928010>.

AUTHORS' INFORMATION:

Irina F. Ignateva – Advanced Doctor in Philosophical Sciences, Full Professor; Herzen State Pedagogical University of Russia — *professor of the Department of Tourism, Service and Hospitality* (48, Moika Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russia); iifed@mail.ru. RSCI AuthorID: 626243.

Boris A. Isaev – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation — *professor of the Department of History and Philosophy* (67a, Bolshaya Morskaya St., Saint Petersburg, 190000, Russia); isaevboris@yandex.ru. RSCI AuthorID: 332372.

Aleksey V. Vorontsov – Advanced Doctor in Philosophical Sciences, Full Professor; Herzen State Pedagogical University of Russia — *professor of the Department of Sociology* (48, Moika Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russia); vorontsov@herzen.spb.ru. RSCI AuthorID: 217127, ORCID: 0000-0002-0194-7293, ScopusID: 57206890818.

The article was submitted 06/02/2023; reviewed 06/16/2023; accepted for publication 07/03/2023.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

CORPORATE MANAGEMENT

ПРОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И КЛИМАТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Ю. В. Ермолаева^а

^а Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Антропогенное воздействие домохозяйств и изменение климата на окружающую среду составляет существенную нагрузку вместе с промышленностью и теплоэнергетикой. В этой статье мы рассматриваем ведущие социологические теории, связанные с климатическими действиями, с целью найти эффективные стратегии управления поведением.

Материалы и методы. Для поиска наиболее релевантных теоретических фреймов и методик управления социально-экологическим поведением в рамках предотвращения и нивелирования последствий изменения климата был проведен метаанализ публикаций по международным базам *Web of Science* и *Scopus*.

Результаты. В статье были рассмотрены «теории активации нормы», «ценности – убеждения – нормы», «теория запланированного действия», «теория социального познания», «таксономия норм», «теория самовосприятия», «установки – поведение – контекст». Несмотря на то, что разные концепции ставят в фокусе различные аспекты рассматриваемого поведения, можно выделить общезначимые зависимости, рассмотренные в исследованиях в рамках указанных концепций. На вероятность проэкологического поведения влияет степень восприятия риска изменения климата, уровень осведомленности об экологических проблемах и изменении климата, однако они не являются гарантиями практики проэкологического поведения без полного комплекса мотивации, готовности действовать, сопутствующих внешних и внутренних стимулов/выгод. Большую роль, помимо экологической осведомленности, играет наличие когнитивных барьеров и когнитивных искажений, которые необходимо прорабатывать в рамках образовательных и воспитательных программ. Частота проэкологического поведения также коррелирует с наличием альтруистических и экологических ценностей. Было выявлено, что первичная социальная среда (семья, ближний круг) и вторичная среда индивида (обучение, работа, широкий круг) одинаково важны для интериоризации проэкологических норм и правил.

Обсуждение. В рамках управленческих решений можно выработать различные стратегии влияния на индивидуальном, корпоративном и государственном уровне, эти стратегии должны затрагивать весь комплекс факторов личностного и социального измерений, а социальные программы должны поэтапно разрабатываться с учетом разных демографических и социальных групп.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инвайронментальная социология, социологическая теория, социология изменения климата, экологическая справедливость, устойчивое поведение, социально-экологические практики, социология действия, социальные изменения, субъективные трансформации.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ермолаева Ю. В. Проэкологическое поведение и климатический менеджмент // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 4. С. 81-94. EDN ZSYMWU. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-81-94.

■ ВВЕДЕНИЕ

Изменения климата, помимо увеличения частоты природных гибридных катастроф (циклоны, наводнения и ураганы), несут негативные изменения, связанные с проблемами продовольственной безопасности, экономической нестабильности, общественного здравоохранения, недостатка жилья и неустойчивости городской инфраструктуры.

В авангарде дискуссий на арене социальных наук находится изучение стратегии изменения коллективных действий для предотвращения изменения климата, изучается синергия разных агентов социальных изменений: политиков, преподавателей, медиаторов, сторонников экологической справедливости, специалистов по управлению стихийными бедствиями, рассогласование интересов которых стало движущей силой человеческих конфликтов и социальной незащищенности. Главный исследовательский вопрос данной статьи: как устойчивое поведение способствует смягчению последствий изменения климата и как им возможно управлять?

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологию проведения мета-анализа статей *Web of Science* и *Scopus* об устойчивом поведении в сфере смягчения последствий изменения климата можно разбить на несколько этапов.

1. Обзор литературы. Проводится комплексный поиск для сбора всех соответствующих статей по теме и ключевым словам за 1980 год по настоящее время. Были выбраны те библиографические источники, которые соответствуют критериям: актуальность современным реалиям, целесообразность применения для управления устойчивым поведением, наличие руководства к действию ($n = 100$).

2. Извлечение теоретической основы из выбранных статей, включая предметную область, методику исследования, основные выводы.

3. Синтез данных для создания рекомендаций для контроля и управления поведением по смягчению и адаптации к изменению климата.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Проэкологическое поведение – это такое поведение, которое максимально минимизирует вред окружающей среде или может восстановить её [1]. Социально-психологические и социологические подходы анализировали различные

аспекты личности и формы поведения. Со временем определилось несколько доминирующих подходов, способных объяснить социально-экологическое поведение и предоставить инструменты для возможности его контроля. В зависимости от предмета исследования центральными элементами в обсуждении главных факторов в поведении выступали персональные ценности, установки, уровень знания и экологической культуры, когнитивные перцепции и диссонансы, эмоции, испытываемые относительно экологических проблем. Учитываются социальные факторы: уровень влияния окружения, социальное давление, принятие поведения со стороны общества, изучаются коллективные и корпоративные формы социально-экологического поведения.

Существует две основные стратегии влияния на процесс изменения климата: (1) мероприятия по смягчению последствий изменения климата и минимизация воздействий и (2) адаптация к уже существующим изменениям климата. Стратегия смягчения реализуется с помощью продвижения про-экологического поведения на бытовом, корпоративном и институциональном уровне, сокращения выбросов парниковых газов разными стейкхолдерами, использования возобновляемых источников энергии, сохранения биоразнообразия, зеленых и голубых зон, создания экологических товаров и услуг, целостной системы циклической экономики. Адаптация происходит благодаря подготовке к изменению климата путем использования новых технологических возможностей в уже сформировавшихся условиях. Так, Дания, Италия, ряд азиатских прибрежных районов строят дамбы, системы почвенного дренажа, водные каналы, усиленно занимаются озеленением, создают программы миграции населения. Стратегия адаптации реализуется через более сложные формы устойчивого поведения (*zero waste* практики в домохозяйствах, компаниях), стремлении к нулевым выбросам, создания кампаний по зеленому туризму, выращиванию сельскохозяйственной продукции, более подходящей для новых климатических условий [2]. Вовлечение различных заинтересованных сторон в структурированный процесс совместного планирования повышает эффективность инициатив по адаптации к изменению климата, но необходима разработка инструментов оценки риска и принципов адаптивного управления.

Еще с 80 гг. XX в. в социальной психологии и социологии в рамках продвижения теорий устойчивого поведения была обозначена важность понимания мотивов, стимулов и барьеров проэкологического поведения.

Одной из наиболее известных теорий в этой области является теория запланированного поведения (ТПВ). Она предполагает, что на поведение влияют три фактора: отношение к проблеме изменения климата, субъективные нормы и воспринимаемый поведенческий контроль. Человек оценивает приемлемость того или иного поведения через субъективные нормы, оценивает социальное давление, побуждающее к определенному поведению, а также то, будет ли это поведение релевантно в определенной ситуации. Исследование, проведенное Y. Lee и Y. Hsu [3], показало, что теория, особенно ТПВ, эффективна в прогнозировании поведения покупателей.

Другой важной теорией, связанной с управлением устойчивым поведением, является теория социального познания (SCT). Она предполагает, что на поведение влияют социальные, личные факторы и факторы окружающей среды. Социальные факторы относятся к влиянию других людей на поведение человека, личные факторы относятся к убеждениям и установкам человека, которые формируются через познание, а факторы окружающей среды относятся к физическому и социальному контексту, с помощью которого реализуется то или иное поведение. Эта теория предполагает, что уровень экологической осведомленности и знания жителей являются предиктором их возможного участия в энергосберегающем поведении, создания установок и ценностей [4]. Осведомленность общественности об изменении климата подразумевает понимание причин изменения климата, вреда изменения климата и влияния этих факторов на будущее. Предполагается, что такая осведомленность вызывает озабоченность, что впоследствии дает стремление выработать адаптационные стратегии и принципы социально-устойчивого поведения [5].

Степень озабоченности и восприятия риска изменения климата обычно положительно коррелирует с частотой проэкологического поведения и является ключевым фактором в конструировании устойчивого поведения [6]. Теория риска обозначила решающий сдвиг в современном обществе от сосредоточения внимания

на распределении богатства и неравенства к разрешению проблем общественных рисков. Исследователь Бек утверждает, что угрозы, связанные с климатом, в свою очередь, приводят к повышению экологической осведомленности и активности, укрепляя солидарность между различными социальными группами для разработки единых стратегий по смягчению экологических опасностей. Эта теория подчеркивает важность необходимости управления глобальными рисками¹.

Ученые Данлэп и Джонс определили заботу об окружающей среде как готовность людей прилагать личные усилия для решения проблем изменения климата, в то же время Стерн и соавторы подчеркнули, что забота об окружающей среде связана с фундаментальными ценностями людей [6]. Согласно теории «ценности – убеждения – нормы» (VBN) [7] существует четыре экологически значимых типа поведения: коллективные формы поведения (например, экологический активизм, политическая поддержка), социально-экологические практики в быту (практики потребления, обращение с отходами, водно- и энергосбережение) и поведение в организациях. Человек обладает набором эгоцентрических и биосферических установок и ценностей, и если последние преобладают, то он с большей степенью вероятностью будет следовать социально-экологическим практикам.

Другие эмпирические исследования также утверждают, что забота об окружающей среде положительно коррелирует с альтруистическими и экологическими ценностями и отрицательно коррелирует с эгоистическими ценностями. Ценности интегрированы в вербальные и невербальные символы, модели общения, повседневную жизнь, материальную культуру, социальные институты и то, как люди относятся к окружающей экосистеме и социальному окружению. Ценности консолидируют группы, организации и общества, выполняют адаптивную роль [8].

Исследования, основанные на теории рационального поведения и теории «ценности – убеждения – нормы» Штерна, показали, что привитая обществом экологическая культура, нормы, ценности оказывают более глубокое влияние на поведение, чем ограничения, зако-

¹ Gabler, M. (2010). *World at Risk*. Cambridge/UK and Malden/MA : Polity Press.

ны и правила, следовательно, базис социально-экологического поведения должен закладываться с детства [7].

Шварц в теории активации нормы обозначил социально-экологические ценности как гармоничное существование отдельных индивидов в мире природы и социуме; неприятие действий, ведущих к негативному изменению окружающей среды; проецирование ценностей экологической справедливости; отказ от эгоистических интересов; сотрудничество с окружающими на основе долгосрочных общих интересов; стремление жить в согласии с природой, воспитание чувства ответственности [3].

Как правило, внутренний мир индивида меняется вместе с его биографией, но в некоторых случаях ценности могут оставаться неизменными. Причиной изменений становятся экологические триггеры (климатическая катастрофа, влияние на здоровье негативной экологической обстановки), люди адаптируются к новым реалиям, и их ценности и убеждения меняются [9], поскольку наличие личного опыта взаимодействия с изменением климата и его последствиями сильно влияет на проэкологическое поведение. В исследованиях жертв климатических катастроф было выявлено, что люди, которые имели негативный и травматический опыт переживания последствий изменения климата, с большей вероятностью будут обеспокоены этой проблемой и, следовательно, будут более склонны к экологически-ориентированному поведению, активизму и участию в кампаниях по предотвращению климата. Существует и прямо противоположный биографический и нетравматический опыт изменений – стремление к *eco-lifestyle*, здоровому образу жизни, *eco-friendly lifestyle*, что формирует иную потребительскую стратегию. Кроме того, ориентируется на снижение негативного вреда на ОС и климатически-ориентированное поведение [10].

На создание ценностей влияет социальное окружение, и «Теория запланированного поведения» предполагает, что на намерения человека вести проэкологический образ жизни влияют его установки, субъективные нормы и воспринимаемый поведенческий контроль (одобрение или осуждение значимых других). Отношение зависит от восприятия человеком преимуществ и рисков, связанных с проэкологическим поведением. На субъективные нормы вли-

яют социальные факторы, мнение друзей, семьи и коллег. В теории Аджена исследуются субъективные нормы и воспринимаемый поведенческий контроль со стороны общества, намерения, которые позволяют адаптироваться к изменению климата и практиковать проэкологическое поведение. Природоориентированные субъективные нормы и воспринимаемый поведенческий контроль оказывают положительное влияние на адаптацию/смягчение последствия изменения климата. Личные и социальные факторы, включая детский опыт и ценности, влияют на вовлеченность людей в устойчивое поведение [11].

Теория «установки – поведение – контекст» (*attitudes – behavior – context theory*) уже встречавшегося автора П. Штерна отличается большей многофакторностью, в ней осуществляется более глубокая интеракция между системой ценностей индивида, социальным и экологическим контекстом. Индивидуальный уровень по-прежнему состоит из ценностей, установок, убеждений, а поведенческий уровень отражает различные модели поведения в разных социальных контекстах. Однако автор различает предписанные и достигаемые социальные различия, включает в рассмотрение институциональные нормы и регулятивные стимулы. Здесь отношение индивидов к объектам восприятия формируется под воздействием внешних факторов, которые в итоге определяют поведенческие установки личности. Так, отказ от личного транспорта и использование общественного не обязательно продиктовано экологическими мотивами, но может иметь другие причины: отсутствие финансов на покупку машины, отсутствие прав, страх вождения и т.д. Также автор включает в рассмотрение личностные возможности, ресурс времени и целеполагание (желаемый результат).

Комплекс мотивации к раздельному сбору отходов реализовать сложнее всего ввиду еще недостаточно развитой отрасли переработки разных фракций отходов и глубокой сортировки отходов населением в России. Несмотря на то что подавляющая часть населения (93 %) хорошо знает, как сортировать отходы, согласно данным «Российского экологического оператора» (РЭО), всего треть разделяет отходы в разные контейнеры около дома даже в рамках двухпоточной системы², из них около 30 % является пи-

² Российский экологический оператор: опрос граждан по динамике раздельного сбора отходов URL: <https://reo.ru/>.

щевыми³. Теория NAM, TPВ использовались автором статьи в интервьюировании граждан в рамках практик обращения с отходами. На период 2019 было опрошено 183 респондента (50 % мужчин, 50 % женщин), которые были поделены на три равные возрастные категории: от 18 до 25, от 25 до 45, от 46 до 60 лет. Респонденты приблизительно поровну распределялись по Федеральным округам – Центральный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Северо-Западный, Южный, Дальневосточный. В исследовании поучаствовало 47 % с высшим образованием, 20 % студентов, 2,3 % аспиранты, 3 % с ученой степенью, 6,3 % имели среднее специальное образование. 70 % респондентов были в браке и 45 % имели детей.

В результате выяснилось: в целом, респонденты отлично понимают, что такое отходы, вторсырье, осознают антропогенный вклад в ухудшении экологической ситуации. Однако только 30 % занимались подготовкой вторсырья и глубокой многопоточной сортировкой, а не стандартной двухпоточной. Принятие собственного негативного влияния на проблему отходов и общий высокий уровень знаний о проблеме отходов не гарантирует готовности к проэкологическому действию, так как в данном случае их определяет не баланс экологических/эгоистических ценностей, а локус-контроль (что может человек, и что может/должно делать общество). Опрошенные в основном возложили данную функцию на власть, снизив свою значимость в проблеме как потребителя ресурсов (и, соответственно, отходообразователя). Главным мотивационным стимулом оказался комфорт между теми, кто разделяет и не разделяет отходы, и определяющим фактором стал эффект психологической дистанции. Для тех, кто отходы не разделяет, важны были сиюминутные комфортные условия (удобная инфраструктура, выгоды, а для тех, кто отходы разделяет, важны были долговременные перспективы (здоровье и качество окружающей среды). Некоторые исследования упоминают о том, что нет подтверждающих гарантий того, что экологически подкованный индивидуум будет следовать социально-экологическим практикам, поэтому причинно-следственная связь между знаниями и поведением должна задействовать еще ряд факторов (выго-

ды, ценности). Таким образом, полный комплекс установки (знание, отношение, мотивация к действию, стимулы) чаще коррелирует с социально-экологическим поведением, чем экологическая осознанность и вероятность следования социально-экологическим практикам [11].

Теория самовосприятия [12] утверждает, что люди формируют свои действия на основе прошлого опыта участия, и для его оценки они используют метод эвристической доступности: оценивают частоту, приятные и негативные воспоминания, готовность к проэкологическим действиям. Уровень экологичности установок напрямую зависит от частоты предыдущих проэкологических практик и скорости извлечения их из памяти. Данная теория показывает, что ежедневно выполняемые действия не всегда классифицируются как экологические или неэкологические, пока такое разделение не появится в сознании индивида. Для того чтобы данные повседневные поведенческие практики перешли через осознание, необходимо осуществить переход из того «нечто, что я обычно делаю» в «нечто, что я обычно делаю в области экологии», и такой переход на новый уровень экологической культуры возможен путем углубления знаний и получения новых проэкологических навыков.

Согласно модели таксономии норм [13], одним из самых сильных предикторов поведения являются социальные нормы. Социальные нормы – это общие ожидания относительно того, какое поведение является уместным в определенных контекстах. Институциональные запреты, регулируемые законом, косвенно влияют на поведение через личное восприятие чувства долга. Индивидуальные нормы в большей степени связаны с сохранением ресурсов, устойчивым домохозяйством и варьируются в зависимости от ощущения комфорта, чувства ответственности за изменение климата. Обязательные институциональные нормы связаны с внешним давлением (на работе они могут влиять на заработную плату и субсидии), в то время как добровольные нормы могут в большей степени зависеть от интернализации ценностей, которые побуждают отдельных работников действовать определенным образом.

Проэкологическое поведение не может быть случайным действием от случая к случаю; оно должно быть реализовано в повседневной жизни [14]. Формирование проэкологического поведения

³ Статистика АНО Фудшеринг. URL: https://foodsharing.ru/wp-content/uploads/2019/10/foodsharing_tiar.pdf.

не происходит мгновенно; потребительские привычки и поведенческие модели вырабатываются в течение длительного периода времени, также они формируются на уровне личного и социального пространства [15]. Есть поло-возрастные тенденции: молодые люди обычно больше заботятся об окружающей среде, чем пожилые люди, женщины чаще занимаются социально-экологическими практиками [16].

Значительное внимание уделяется изучению барьеров на пути социально-экологического поведения: среди них отмечен недостаток знаний, мотивации и опыта у отдельных лиц, уверенности правильности своих действий, отсутствие группы поддержки. Компании чаще сталкиваются с препятствиями в виде высокой стоимости реализации устойчивых альтернатив и сложности введения финансовых инструментов, системы социальных норм [17].

Теории когнитивных барьеров. Один из главных когнитивных барьеров применительно к изучению проблемы изменения климата, изученных в рамках направления исследований теории концептуального уровня, это связь между психологической дистанцией и реакцией людей на конкретное событие [18]. Психологическая дистанция состоит из четырех измерений: пространственного, социального, временного и гипотетического, где все измерения взаимосвязаны.

Если люди воспринимают изменение климата как нечто отдаленное во времени и географии, и для них это явление, которое не влияет на их повседневность, они с меньшей степенью вероятности включатся в социально-экологические практики [19]. Пространственное расстояние представляет собой «физическое расстояние» до некоего события⁴. Последствия изменения климата часто воспринимаются как более серьезные в развивающихся странах и менее – в более отдаленных географических регионах от центров климатических изменений [20]. Физическая близость к событию связана с большей озабоченностью проблемами окружающей среды. То, как люди воспринимают событие, определяет, насколько они «социально далеки» и персонально вовлечены в ситуацию. К тому же есть разные способы реагирования на новости с тревожным маркером: одни могут отстра-

няться от информации, а другие впадают в тревожное состояние или относятся к новости нейтрально, как выяснили Ким и Ан [21].

Существуют также и другие когнитивные барьеры, они делятся на когнитивные искажения (невозвратные затраты, эвристика доступности, отклонение статуса кво, эффект владения, склонность излишнему к пессимизму или оптимизму, занижение или завышение результатов своих практик, эффект Даннинга Крюгера, классический когнитивный диссонанс, фундаментальная ошибка атрибуции рационализации и др.), социальные барьеры (стадный эффект, конформизм, групповая предвзятость, предвзятость симпатий, групповые предубеждения и стереотипы), эффекты отката, связанные с неправильными расчетами результатов поведения и климатического вклада.

■ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ КЛИМАТИЧЕСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ

Несмотря на потенциальные преимущества устойчивого поведения в долгосрочной перспективе, из-за когнитивных и социальных барьеров, люди не сразу могут освоить новые привычки.

Для внедрения таких привычек могут использоваться разные стратегии, их можно разделить на три уровня: индивидуальный, организационный и социальный.

На индивидуальном уровне важно достичь глубокой информированности людей о важности устойчивого поведения и предоставлять обратную связь о результатах их действий, работать над комплексом знания и осведомленностью, которую предоставляют NAM, теория познания и рационалистические теории, теория риска [22]. Обучение можно проводить с помощью информационных кампаний, тренингов и семинаров, важно уделить внимание системности преподносимых знаний и междисциплинарности, где будут обоснованы экологические, экономические и социальные аспекты изменения климата, это необходимо для того, чтобы избежать ряда когнитивных ошибок.

На организационном уровне в стратегию управления входит постановка целей, задач, индикаторов развития компании; мониторинг и оценка экологически безопасного поведения сотрудников, введение системы наград и поощрений отдельных лиц или команд, которые внесли свой вклад в сокращение отходов или угле-

⁴ Reser, J., Bradley, G., Elul, M., Callghan, R. (2012). Public Risk Perceptions, Understandings and Responses to Climate Change and Natural Disasters in Australia: 2010–2011 (UNISDR).

родного следа, эффективной публичной ESG-стратегии (*environmental – social – government*). Цели и задачи по снижению негативного влияния на климат оказывают важное стратегическое влияние на продвижение компании, определяют ее престиж. Мониторинг и оценка поведения, направленного на защиту окружающей среды, могут осуществляться посредством аудитов, опросов и других форм сбора данных [23]. Так, в России существует премия «Зеленый офис», различные ESG-рэнкинги, экологические стандарты по менеджменту.

На уровне реализации различных мер по социально-экологической политике стратегии управления включают разработку институциональных норм и правил, программы развития экологической культуры, поощрение участия общественности и обеспечения сотрудничества между заинтересованными сторонами. Однако прежде чем сформировать стратегию, необходимо изучить целевые группы и затем задать ориентиры для каждой социально-демографической группы⁵.

По разным данным исследований, пороговое значение социальных параметров колеблется от 3,5 до 25 % участников от группы для осуществления быстрых изменений в поведенческих паттернах, однако это зависит от социальной, культурной и политической принадлежности, образования и уровня доходов, которые играют определяющую роль в том, как стратегия будет воспринята и насколько эффективной она будет на практике [24]. Суммировав основные тезисы теории запланированного поведения, теории «ценности – убеждения – нормы», теории риска, теории активации нормы можно выделить условия, которые с большей степенью вероятности позволят сохранять темп трансформации экологического образа жизни:

- человеку нужно ощущать себя экологически осознанным, включенным в процесс целеполагания;
- находить поддержку в ближайшем окружении или референтной группе;
- важно осуществлять принцип перехода от простого к сложному;
- практики внедряются лучше, когда они являются действиями одного порядка (в рамках од-

ного вида практик, например, раздельного сбора отходов);

- нужны полные, достойные доверия источники информации;
- людям легче принять то, что не противоречит их убеждениям;
- не должно быть разрыва между намерениями и действиями;
- экологическое поведение не должно казаться трудоемким;
- необходимо достичь личной заинтересованности в выполнении задачи;
- необходимо апеллировать к социально-экологическим ценностям и рационально связывать их с благополучием.

В качестве стратегии менеджмента социально-экологического поведения используется маркетинговый прием наджинга (*nudging*) (подталкивание к принятию решения), сила мягкого социального давления. Таким толчком может стать символ, текст, предмет или слово, экономическая мотивация, подталкивающая человека к определенному выбору. Так, раздача многоразовых чашек в кафе и увеличение цены на кофе в одноразовом стаканчике могут привести к увеличению количества посетителей, использовавших многоразовые кружки с 5,1 % до 17,4 %, что в одном практическом кейсе принесло очевидный результат, чем просто снижение цены на кофе в многоразовой чашке [25]. Денежная мотивация может способствовать долговременным изменениям поведения, но есть множество нюансов: к любым рыночным нормам вырабатывается привыкание, и, таким образом, появляется возможность отката и стремление декомпенсации ущерба в денежном эквиваленте, также очень многое зависит от платёжной способности тех, кто наносит предполагаемый ущерб.

Принцип построения экологически осознанного поведения ведется от простого к сложному и от единообразия к разнообразию практик. Новые действия, становясь частью повседневности, способствуют изменению когнитивных ценностной и норм. Однако в экологически ориентированном поведении важно глубинное исследование понятия комфорта и его психологических границ, условий создания нового пространства и поддержки комфортного экологичного образа жизни [26]. Обычно для людей тяжелее воспринимается потеря привычного комфорта, характерная для общества потребления,

⁵ Sautkina, E., Agissova, F., Ivanova, A., Ivande, K., Kabanova, V., & Patrakova, N. (2021). Political, Environmental And Social Determinants Of Pro-Environmental Behaviour In Russia. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3995972>.

поскольку им необходим некоторый переходный период для реализации проэкологических практик, определения границ комфорта для того, чтобы научиться получать удовольствие от жизни без гиперпотребления, авиаперелетов и автомобилей на традиционном углеводородном топливе, выделять время на раздельный сбор, помнить об энергосбережении и экономии воды. Новые исследования показывают связь между ощущением счастья и образом жизни со сниженным углеродным следом. Исследователи оценили уровень счастья, предложив список действий с разным углеродным следом по шкале от одного до пяти. Самый высокий уровень ощущения счастья и благополучия оказался у тех, кто чаще находил время на секс, общение, отдых, молитву и медитацию, вкусную полезную еду и тренировки, то есть наиболее низкоуглеродные действия. Самый низкий показатель счастья оказался у тех, кто часто был вынужден тратить время на поездки в транспорте, имел плотный рабочий график, много времени тратил на покупки и разрешение бытовых проблем, т.е. те занятия, которые, помимо стресса, дополнительно сопровождаются большим негативным климатическим вкладом⁶.

Инструмент «стрела влияния»⁷ оценивает эффективность социально-экологического поведения по предотвращению изменения климата, включая в анализ всего две переменные – силу влияния (слабое/сильное) и долгосрочность результата (краткосрочность/долгосрочность), авторы предлагают задать всего два вопроса относительно введения той или иной практики: 1) насколько сильное воздействие они оказывают; 2) ведут ли они к изменениям в ближайшей или отдаленной перспективе (и если да, то в какой степени).

Для поощрения изменения поведения используются следующие стратегии: подсказки, создание обязательств, сбор обратной связи, конструирование социальных норм, создание стимулов и комфортной обстановки. Каждая стратегия предполагает работу с определенной аудиторией, целевой группой, учет особенностей поведения и анализ возможных барьеров для реализации проэкологического поведения.

Социальный маркетинг относится к долгосрочным поэтапным программам изменения социального поведения, базируется на практических методах поведенческих наук. Среди них наиболее популярны уже знакомый нам наджинг (введение стимулов, определяющих выбор), стратегия усиления (достижение большей эффективности от действий и поэтапное освоение новых практик), модифицированный сетевой подход⁸, основанный на общности и целях тех или иных групп (коhort, работников компании, жителей определенных регионов, такие как город) и масштабирования социальных практик.

Социально-экологический менеджмент также строится с учетом специфики группы, для которой создается программа по внедрению стимулов, норм, мотивации и ценностей. Эта схема на данный момент представляется наиболее гибкой с точки зрения возможности наполнения ее, которая следует поэтапному процессу.

(1) Определение целевого поведения и сопоставление его с существующими преобладающими моделями поведения внутри исследуемой популяции с учетом возможного просчета вероятности изменения поведения. Целевое поведение должно быть измеряемо (например, подсчет сокращения выбросов углерода, экономия ресурсов, повышение энергосберегающей активности, повышение уровня переработки отходов). Контекст поведения имеет значение, поскольку для формирования экологически ориентированных действий важен комфорт, ясность целеполагания. Для выбора эффективной стратегии поощрения экологически безопасного поведения необходимо учитывать несколько важных практических соображений, которые будут влиять на окончательный выбор: финансовые ресурсы, степень контроля над элементами программы.

(2) Определение когнитивных и поведенческих барьеров и анализ преимуществ целевого поведения, которое поможет преодолеть барьеры, также учитывается то, что может помешать внедрению реализации целевого поведения и что может ему способствовать (например, компенсация возможными выгодами). Поскольку социальные и когнитивные барьеры обычно являются структурными, необходимо поэлементно разделить их на разные уровни (персо-

⁶ Holmberg, J. Klimatomställningen och det goda livet. Naturvårdsverket, 2010.

⁷ Андрессон К., Хиландер Ф., Нилен К. Климатическая психология: Как добиться устойчивого развития. 2021.

⁸ Kotler, P., Lee L. Marketing in the public sector: A roadmap for improved performance. (Upper Saddle River), 2006.

нальный, социальный, институциональный и др.). Важно зафиксировать все разнообразие убеждений, уровень экологических знаний, ценностей и установленных норм поведения. Работа с когнитивными ошибками и диссонансами проводится углубленно (желательно с применением биографического анализа, анализа глубинных интервью, фокус группами), есть два пути. Первый – изменить установку, а затем поведение таким образом, чтобы оно соответствовало и мыслям, и чувствам, и действиям, например, найти такую мотивацию, чтобы сократить количество полетов на самолете, начать на постоянной основе разделять отходы, экономить электроэнергию и воду, чаще использовать общественный транспорт. Второй – поменять отношение к происходящему и сформировать новые ценности, чтобы они соответствовали новому поведению.

(3) Разработка программы. Как только барьеры и поле социальных конструктов определены, разрабатывается программа по усилению воспринимаемых выгод будущего проэкологического поведения и упразднению социальных барьеров, где могут использоваться инструменты изменения поведения (например, организация удобной инфраструктуры, формирование социальных и институциональных норм, работа с социальным престижем). С точки зрения подхода рациональной экономики, необходимо создавать добавочные выгоды/преимущества – экономии доказательств средств при установке солнечных батарей или при сокращении потребления электричества, а также использовать «усилители» социально-экологического поведения, то есть то, что увеличивает вероятность повторения того или иного действия.

(4) На данном этапе проводятся пилотные испытания программы на выборке и ее модификация, если необходимо.

(5) На последнем этапе проводится полноценная реализация программы, сбор обратной связи и оценка эффективности по количественным и качественным показателям, осуществляется углубленный анализ барьеров. Как правило, фокус на создании стимулов повышает вероятность социально-экологического поведения. Иными словами, когда вероятность получения выгод высока, а уровень социальных барьеров низок, то вполне ожидаемо будет получить более высокий процент населения, реализующих социально-экологические практики.

Так, в своем исследовании Fraijo-Sing B. предоставил жителям информацию об энергосберегающих практиках в домохозяйствах по соседству, (например, отключение освещения, когда оно не используется, использование вентиляторов вместо кондиционера и др.) с подсчетами экономии, которые получили жители⁹. Через четырёхнедельный период результаты показали снижение на 10 % потребление электроэнергии домохозяйствами, которым был показан доказательный пример.

Стимулы могут принимать различные формы: это может быть денежная мотивация или опосредованные меры, препятствующие нежелательным действиям, например, повышение цен на бензин. Стимулы могут быть краткосрочные и долгосрочные, и при разработке программы необходимо добиваться долгосрочных результатов, поскольку если не поддерживается мотивация ниже некоторого базового уровня для осуществления экологически социальных действия, то после устранения стимула может наступить эффект рикошета. Вторым ограничением является специфичность изменения поведения, поскольку обычно поведение, измененное в результате стимула одного вида социально-экологических практик (например, отдельный сбор отходов), не распространяется на другие области.

Соревнования, просветительские игры, квесты, как форма вовлечения, формируют определенное социальное поле, вовлекая группы в игровые формы активизма, где возможны разные интерактивные онлайн-активности (приложения, игры, хакатоны) и офлайн-формы взаимодействий (например, Чистые Игры в России, блоггинг).

Экологическое просвещение, работа с поведенческими барьерами и создание научно-популярного информационного контента значительно повышает вероятность того, что люди будут действовать более экологично, но проблема с образовательными и информационными кампаниями заключается в том, что они не всегда способны повысить внешнюю и внутреннюю мотивацию без рациональных стимулов. Однако популяризация экологичного образа жизни и разнообразные информационные кампании важны в обязательном порядке: разме-

⁹ Fraijo-Sing, B. (2012). Protecting natural resources: Psychological and contextual determinants of freshwater conservation (Handbook of environmental and conservation psychology). Oxford University Press.

щенные таблички на выключателе света, чтобы экономить свет, наклейка на приборной панели техники, информация на мусорных баках о видах сортируемого сырья. Информационная поддержка лучше всего работает в ситуациях, когда человек уже мотивирован, с систематическим повторяющимся поведением в непосредственной близости от «места действия». Также подсказки должны быть сформулированы просто, понятно и вежливо, и обозначена связь между результатом и действием, должна подчеркиваться правильная формулировка целевого поведения, например, «разделять отходы», а «не мусорить», «берегите воду и свет», а не «выключите свет»).

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Социально-экологическое поведение индивидов является наиболее значимым средством в борьбе с изменением климата и защиты окружающей среды, оно зависит от уровня экологического сознания, которое, в свою очередь, формирует биосферические ценности, комплекс мотиваций и практик. Экологическое сознание трансформируется в экологические практики, когда люди обеспокоены серьезностью ситуации и верят, что могут изменить текущую ситуацию путем личного участия. Управление социально-экологическим поведением всегда соотносится с особенностями демографической и социальной группы, но при этом необходимо создать единый фундамент знания и доступных для всех ка-

тегорий практик через вариативность методов управления поведением. Заинтересованность проблемами окружающей среды должно быть преобразовано в сильный мотивированный интерес, который немедленно трансформируется в практики, ориентированные на устойчивое развитие. Наличие общих ценностей помогает укрепить чувство принадлежности к сообществу и, следовательно, повышает уровень гражданской активности. При планировании эффективных стратегий защиты окружающей среды нам необходимо разрабатывать образовательные программы, направленные на повышение экологической грамотности населения. Семья, несомненно, может играть фундаментальную роль в создании базы экологического образования, но и другие субъекты вне семей (НКО, корпоративная этика устойчивого развития компаний, социально-экологическая политика) также могут внести существенный вклад в интериоризацию ценностей, и, конечно, Интернет и социальные сети являются одними из важнейших источников информации и дают еще одну возможность повысить экологическую грамотность граждан. Стратегии управления поведением различаются в том, на какой компонент они действуют сильнее всего (мотивация, установки, ценности, стимулы), или действуют комплексно, если разрабатывается полноценная программа социально-психологических изменений. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. STEG, L., & VLEK, C. (2009). Encouraging pro-environmental behaviour: An integrative review and research agenda. *Journal of Environmental Psychology*, 29(3), 309–317. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.10.004>.
2. MAYRHOFER, J. P., & GUPTA, J. (2016). The science and politics of co-benefits in climate policy. *Environmental Science & Policy*, (57), 22–30. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2015.11.005>.
3. LEE, Y., & HSU, Y. (2013). How do we forget negative events? The role of attentional, cognitive, and metacognitive control. *Cognition & Emotion*, 27(3), 401–415. <https://doi.org/10.1080/02699931.2012.713326>.
4. STEG, L. (2008). Promoting household energy conservation. *Energy Policy*, 36(12), 4449–4453. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2008.09.027>.
5. O'CONNOR, R. E., BORD, R. J., YARNAL, B., & WIEFЕК, N. (2002). Who Wants to Reduce Greenhouse Gas Emissions. *Social Science Quarterly*, 83(1), 1–17. <https://doi.org/10.1111/1540-6237.00067>.
6. STERN, P. C., KALOF, L., DIETZ, T., & GUAGNANO, G. A. (1995). Values, Beliefs, and Proenvironmental Action: Attitude Formation Toward Emergent Attitude Objects. *Journal of Applied Social Psychology*, 25(18), 1611–1636. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1995.tb02636.x>.
7. STERN, P. C. (2000). New Environmental Theories: Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior. *Journal of Social Issues*, 56(3), 407–424. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>.
8. MANFREDO, M. J., BRUSKOTTER, J. T., TEEL, T. L., FULTON, D., SCHWARTZ, S. H., ARLINGHAUS, R., OISHI, S., USKUL, A. K., REDFORD, K., KITAYAMA, S., & SULLIVAN, L. (2017). Why social values cannot be changed

for the sake of conservation. *Conservation Biology*, 31(4), 772–780. <https://doi.org/10.1111/cobi.12855>.

9. PARK, S. (2020). How Celebrities' Green Messages on Twitter Influence Public Attitudes and Behavioral Intentions to Mitigate Climate Change. *Sustainability*, 12(19), Article 7948. <https://doi.org/10.3390/su12197948>.

10. IONESCU, L. (2021). Transitioning to a Low-Carbon Economy: Green Financial Behavior, Climate Change Mitigation, and Environmental Energy Sustainability. *Geopolitics, History, and International Relations*, 13(1), 86–96. <https://doi.org/10.22381/ghir13120218>.

11. MASUD, M. M., AL-AMIN, A. Q., JUNSHENG, H., AHMED, F., YAHAYA, S. R., AKHTAR, R., & BANNA, H. (2016). Climate change issue and theory of planned behaviour: relationship by empirical evidence. *Journal of Cleaner Production*, 113, 613–623. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.11.080>.

12. PRATI, G., ALBANESI, C., & PIETRANTONI, L. (2015). The interplay among environmental attitudes, pro-environmental behavior, social identity, and pro-environmental institutional climate. A longitudinal study. *Environmental Education Research*, 23(2), 176–191. <https://doi.org/10.1080/13504622.2015.1118752>.

13. THØGERSEN, J. (2006). Norms for environmentally responsible behaviour: An extended taxonomy. *Journal of Environmental Psychology*, 26(4), 247–261. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2006.09.004>.

14. GIFFORD, R., SCANNELL, L., KORMOS, C., SMOLOVA, L., BIEL, A., BONCU, S., CORRAL, V., GÜNTHERF, H., HANYU, K., HINE, D., KAISER, F. G., KORPELA, K., LIMA, L. M., MERTIG, A. G., MIRA, R. G., MOSER, G., PASSAFARO, P., PINHEIRO, J. Q., SAINI, S., & UZZELL, D. (2009). Temporal pessimism and spatial optimism in environmental assessments: An 18-nation study. *Journal of Environmental Psychology*, 29(1), 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.06.001>.

15. HAN, P., TONG, Z., SUN, Y., & CHEN, X. (2022). Impact of Climate Change Beliefs on Youths' Engagement in Energy-Conservation Behavior: The Mediating Mechanism of Environmental Concerns. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(12), Article 7222. <https://doi.org/10.3390/ijerph19127222>.

16. XU, Y., LI, W., & CHI, S. (2021). Altruism, Environmental Concerns, and Pro-environmental Behaviors of Urban Residents: A Case Study in a Typical Chinese City. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 643759. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.643759>.

17. KIM, M. J., & HALL, C. M. (2019). Can Climate Change Awareness Predict Pro-Environmental Practices in Restaurants? Comparing High and Low Dining Expenditure. *Sustainability*, 11(23), Article 6777. <https://doi.org/10.3390/su11236777>.

18. TROPE, Y., & LIBERMAN, N. (2010). Construal-level theory of psychological distance. *Psychological Review*, 117(2), 440–463. <https://doi.org/10.1037/a0018963>.

19. McDONALD, R. I., CHAI, H. Y., & NEWELL, B. R. (2015). Personal experience and the 'psychological distance' of climate change: An integrative review. *Journal of Environmental Psychology*, 44, 109–118. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2015.10.003>.

20. GIFFORD, R., & NILSSON, A. (2014). Personal and social factors that influence pro-environmental concern and behaviour: A review. *International Journal of Psychology*, 49(3), 141–157. <https://doi.org/10.1002/ijop.12034>.

21. KIM, K., & AHN, S. J. (2019). The moderating role of cultural background in temporal framing: focusing on climate change awareness advertising. *Asian Journal of Communication*, 29(4), 363–385. <https://doi.org/10.1080/01292986.2019.1624793>.

22. BERMAN CAGGIANO, H., KUMAR, P., SHWOM, R., CUIE, C., & AXSEN, J. (2021). Explaining green technology purchases by US and Canadian households: the role of pro-environmental lifestyles, values, and environmental concern. *Energy Efficiency*, 14(5), Article 46. <https://doi.org/10.1007/s12053-021-09959-8>.

23. LIANG, Y., LEE, M. J., & JUNG, J. S. (2022). Dynamic Capabilities and an ESG Strategy for Sustainable Management Performance. *Frontiers in Psychology*, 13, Article 887776. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.887776>.

24. SHOVE, E. (2010). Beyond the ABC: Climate Change Policy and Theories of Social Change. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 42(6), 1273–1285. <https://doi.org/10.1068/a42282>.

25. NIELSEN, A. S. E., SAND, H., SØRENSEN, P., KNUTSSON, M., MARTINSSON, P., PERSSON, E., & WOLLBRANT, C. (2017). *Nudging and pro-environmental behaviour*. TemaNord. <https://doi.org/10.6027/tn2016-553>.

26. WANG, X., VAN DER WERFF, E., BOUMAN, T., HARDER, M. K., & STEG, L. (2021). I Am vs. We Are: How Biospheric Values and Environmental Identity of Individuals and Groups Can Influence Pro-environmental Behaviour. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 618956. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.618956>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ермолаева Юлия Вячеславовна – Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук — *научный сотрудник* (117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35 корп. 5); mistelfrayard@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 722143, ORCID: 0000-0002-7421-2044, ScopusID: 0274212044, ResearcherID: P-7878-2017.

Статья поступила 17.06.2023; рецензия получена 12.07.2023; принята к публикации 28.07.2023.

PRO ECOLOGICAL BEHAVIOR AND CLIMATE MANAGEMENT

Yu. V. Ermolaeva^a

^a Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The anthropogenic impact of the households and climate change is a significant burden on the environment, along with industry and thermal power engineering. This article reviews leading sociological theories related to climate action with the aim of finding effective behavioral management strategies.

Materials and methods. To search for the most relevant theoretical frames and methods of managing social and environmental behavior in terms of preventing and leveling the climate change consequences, a meta-analysis of publications on the Scopus and WOS international databases was carried out.

Results. The article considered “theories of norm activation”, “values-beliefs-norms”, “theory of planned action”, “theory of social cognition”, “norms taxonomy”, “theory of self-perception”, “attitudes – behavior – context”. Despite the fact that different concepts focus on various aspects of the behavior under consideration, it is possible to identify certain generally significant dependencies considered in studies as part of these concepts. The likelihood of pro-environmental behavior is influenced by the degree of perception of the climate change risk, the level of awareness of environmental issues and climate change, however, they do not guarantee the pro-environmental behavior practice without a full range of motivation, willingness to act, accompanying external and internal incentives / benefits. In addition to environmental awareness, an important role is played by the cognitive barriers and distortions, which are to be carefully studied as part of educational programs. The frequency of pro-environmental behavior also correlates with altruistic and environmental values. The primary social environment (family, inner circle) and the secondary individuals’ environment (training, work, wide circle) are revealed to be equally important for the pro-environmental norms and rules internalization.

Discussion. As part of management decisions, various influencing strategies at the individual, corporate and state levels can be developed. These strategies should affect the whole range of factors of personal and social dimensions, and social programs should be developed stagewise, considering different demographic and social groups.

KEYWORDS: environmental sociology, sociological theory, sociology of climate change, environmental justice, sustainable behavior, socio-ecological practices, sociology of action, social change, subjective transformations.

FOR CITATION: Ermolaeva Yu. V. (2023). Proecological behavior and climate management. *Management Issues*, 17(4), 81–94. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-81-94.

REFERENCES

1. STEG, L., & VLEK, C. (2009). Encouraging pro-environmental behaviour: An integrative review and research agenda. *Journal of Environmental Psychology*, 29(3), 309–317. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.10.004>.
2. MAYRHOFER, J. P., & GUPTA, J. (2016). The science and politics of co-benefits in climate policy. *Environmental Science & Policy*, (57), 22–30. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2015.11.005>.
3. LEE, Y., & HSU, Y. (2013). How do we forget negative events? The role of attentional, cognitive, and metacognitive control. *Cognition & Emotion*, 27(3), 401–415. <https://doi.org/10.1080/02699931.2012.713326>.
4. STEG, L. (2008). Promoting household energy conservation. *Energy Policy*, 36(12), 4449–4453. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2008.09.027>.
5. O'CONNOR, R. E., BORD, R. J., YARNAL, B., & WIEFEK, N. (2002). Who Wants to Reduce Greenhouse Gas Emissions. *Social Science Quarterly*, 83(1), 1–17. <https://doi.org/10.1111/1540-6237.00067>.
6. STERN, P. C., KALOF, L., DIETZ, T., & GUAGNANO, G. A. (1995). Values, Beliefs, and Proenvironmental Action: Attitude Formation Toward Emergent Attitude Objects. *Journal of Applied Social Psychology*, 25(18), 1611–1636. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1995.tb02636.x>.
7. STERN, P. C. (2000). New Environmental Theories: Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior. *Journal of Social Issues*, 56(3), 407–424. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>.
8. MANFREDO, M. J., BRUSKOTTER, J. T., TEEL, T. L., FULTON, D., SCHWARTZ, S. H., ARLINGHAUS, R., OISHI, S., USKUL, A. K., REDFORD, K., KITAYAMA, S., & SULLIVAN, L. (2017). Why social values cannot be changed for the sake of conservation. *Conservation Biology*, 31(4), 772–780. <https://doi.org/10.1111/cobi.12855>.
9. PARK, S. (2020). How Celebrities' Green Messages on Twitter Influence Public Attitudes and Behavioral Intentions to Mitigate Climate Change. *Sustainability*, 12(19), Article 7948. <https://doi.org/10.3390/su12197948>.
10. IONESCU, L. (2021). Transitioning to a Low-Carbon Economy: Green Financial Behavior, Climate Change Mitigation, and Environmental Energy Sustainability. *Geopolitics, History, and International Relations*, 13(1), 86–96. <https://doi.org/10.22381/ghir13120218>.
11. MASUD, M. M., AL-AMIN, A. Q., JUNSHENG, H., AHMED, F., YAHAYA, S. R., AKHTAR, R., & BANNA, H. (2016). Climate change issue and theory of planned behaviour: relationship by empirical evidence. *Journal of Cleaner Production*, 113, 613–623. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.11.080>.
12. PRATI, G., ALBANESI, C., & PIETRANTONI, L. (2015). The interplay among environmental attitudes, pro-environmental behavior, social identity, and pro-environmental institutional climate. A longitudinal study. *Environmental Education Research*, 23(2), 176–191. <https://doi.org/10.1080/13504622.2015.1118752>.
13. THØGERSEN, J. (2006). Norms for environmentally responsible behaviour: An extended taxonomy. *Journal of Environmental Psychology*, 26(4), 247–261. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2006.09.004>.
14. GIFFORD, R., SCANNELL, L., KORMOS, C., SMOLOVA, L., BIEL, A., BONCU, S., CORRAL, V., GÜNTHERF, H., HANYU, K., HINE, D., KAISER, F. G., KORPELA, K., LIMA, L. M., MERTIG, A. G., MIRA, R. G., MOSER, G., PASSAFARO, P., PINHEIRO, J. Q., SAINI, S., & UZZELL, D. (2009). Temporal pessimism and spatial optimism in environmental assessments: An 18-nation study. *Journal of Environmental Psychology*, 29(1), 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.06.001>.
15. HAN, P., TONG, Z., SUN, Y., & CHEN, X. (2022). Impact of Climate Change Beliefs on Youths' Engagement in Energy-Conservation Behavior: The Mediating Mechanism of Environmental Concerns. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(12), Article 7222. <https://doi.org/10.3390/ijerph19127222>.
16. XU, Y., LI, W., & CHI, S. (2021). Altruism, Environmental Concerns, and Pro-environmental Behaviors of Urban Residents: A Case Study in a Typical Chinese City. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 643759. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.643759>.
17. KIM, M. J., & HALL, C. M. (2019). Can Climate Change Awareness Predict Pro-Environmental Practices in Restaurants? Comparing High and Low Dining Expenditure. *Sustainability*, 11(23), Article 6777. <https://doi.org/10.3390/su11236777>.
18. TROPE, Y., & LIBERMAN, N. (2010). Construal-level theory of psychological distance. *Psychological Review*, 117(2), 440–463. <https://doi.org/10.1037/a0018963>.
19. McDONALD, R. I., CHAI, H. Y., & NEWELL, B. R. (2015). Personal experience and the 'psychological distance' of climate change: An integrative review. *Journal of Environmental Psychology*, 44, 109–118.

<https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2015.10.003>.

20. GIFFORD, R., & NILSSON, A. (2014). Personal and social factors that influence pro-environmental concern and behaviour: A review. *International Journal of Psychology*, 49(3), 141–157. <https://doi.org/10.1002/ijop.12034>.

21. KIM, K., & AHN, S. J. (2019). The moderating role of cultural background in temporal framing: focusing on climate change awareness advertising. *Asian Journal of Communication*, 29(4), 363–385. <https://doi.org/10.1080/01292986.2019.1624793>.

22. BERMAN CAGGIANO, H., KUMAR, P., SHWOM, R., CUI, C., & AXSEN, J. (2021). Explaining green technology purchases by US and Canadian households: the role of pro-environmental lifestyles, values, and environmental concern. *Energy Efficiency*, 14(5), Article 46. <https://doi.org/10.1007/s12053-021-09959-8>.

23. LIANG, Y., LEE, M. J., & JUNG, J. S. (2022). Dy-

namic Capabilities and an ESG Strategy for Sustainable Management Performance. *Frontiers in Psychology*, 13, Article 887776. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.887776>.

24. SHOVE, E. (2010). Beyond the ABC: Climate Change Policy and Theories of Social Change. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 42(6), 1273–1285. <https://doi.org/10.1068/a42282>.

25. NIELSEN, A. S. E., SAND, H., SØRENSEN, P., KNUTSSON, M., MARTINSSON, P., PERSSON, E., & WOLLBRANT, C. (2017). *Nudging and pro-environmental behaviour*. TemaNord. <https://doi.org/10.6027/tn2016-553>.

26. WANG, X., VAN DER WERFF, E., BOUMAN, T., HARDER, M. K., & STEG, L. (2021). I Am vs. We Are: How Biospheric Values and Environmental Identity of Individuals and Groups Can Influence Pro-environmental Behaviour. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 618956. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.618956>.

AUTHORS' INFORMATION:

Yuliya V. Ermolaeva – Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences — *researcher* (24/35, build. 5, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia); mistelfrayard@mail.ru. RSCI AuthorID: 722143, ORCID: 0000-0002-7421-2044, ScopusID: 0274212044, ResearcherID: P-7878-2017.

The article was submitted 06/17/2023; reviewed 07/12/2023; accepted for publication 07/28/2023.

Информация для авторов

Статьи направляются на электронную почту редакции management-ui@ranepa.ru. Представляемая статья должна соответствовать структуре IMRAD и включать разделы:

- введение;
- материалы и методы;
- результаты;
- обсуждение.

В случае необходимости допустимо включать раздел «Обзор литературы».

Объем статьи должен составлять 30–40 тыс. знаков с пробелами. Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале. Допускается не более 10 % самоцитирования.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Должны иметь последовательную нумерацию и не превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке).

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 20 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus).

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников) и может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности, упоминаться непосредственно в тексте.

Обязательным требованием является наличие кодов DOI или EDN в каждом русскоязычном источнике. Для англоязычных источников обязательно наличие только кода DOI. Код EDN можно обнаружить на странице описания публикации в научной электронной библиотеке eLibrary. При отсутствии этих кодов источник следует указывать в виде постраничной сноски.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация.

Порядок изложения информации должен соответствовать структуре статьи и включать разделы: введение; материалы и методы; результаты; обсуждение.

Объем аннотации должен составлять 2–2,5 тыс. знаков. Её текст не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах:

- ФИО (полностью);
- AuthorID РИНЦ; ORCID, ScopusID, ResearcherID;
- место работы (учебы) и его почтовый адрес;
- ученая степень, ученое звание;
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и коды ВАК (1-2 кода).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации.

Научное издание

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
119571, Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1

Издатель:

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес редакции:

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<https://journal-management.com/>

Компьютерная вёрстка: Д. И. Трушков
Корректурa: С. А. Кокорин
Перевод: Э. Э. Недоросткова

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023

Дата выхода в свет: 31.08.2023. Формат 60×84/8.
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 11,20. Уч.-изд. л. 10,05. Тираж 999.
Цена свободная

Отпечатано в ООО Издательство и Типография «Альфа Принт».
Адрес: 620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. Заказ № _____

